

E-ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
**Scientific and Theoretical
Issues**

**TOM
vol. 5 № 2 / 2025**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 5 № 2
2025

**Тематический выпуск
«Вопросы противодействия криминализации
и виктимизации несовершеннолетних»**
*Научный редактор: Духновский С. В.,
доктор психологических наук, доцент*

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 5 № 2
2025

**Thematic issue
"Issues of counteracting criminalization
and victimization of minors"**
*Scientific editor: Dukhnovsky S. V.,
Dr. Sci. (Psy.), Professor*

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 5 № 2 2025

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддерживать молодое поколение ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – А. Н. Великих, Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 5 № 2 2025

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal’s priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal psychology and security psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich’s Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – A. N. Velikikh, G. N. Golyadkin, L. M. Bukina.
Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В. – доктор психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, академик РАО (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон).

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Енгальчев В. Ф. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики государственного университета им. К.Э. Циолковского (Россия, Калуга)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе – начальник научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V., Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Education (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Engalychev V.F. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics of the State University. K.E. Tsiolkovsky (Russia, Kaluga)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)

Ilakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lelchitsky I. D. – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Utyuganov A. A. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of Research – Head of Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Тематический выпуск «Вопросы противодействия криминализации и виктимизации несовершеннолетних»

Реан А. А. Слово главного редактора	176
Духновский С. В. Актуальные вопросы теории и практики психологии девиантного поведения.....	178
Современная девиантология: теории и концепции	
Вандальное поведение в школе: мотивация, типология и профилактика (Смирнов А. В.).....	180
Методология изучения девиантного поведения	
Психоанализ личности преступника: ревизия подхода и оценка перспектив его применения (Антонян Ю. М., Злоказов К. В.).....	204
Дерационализация сознания молодежи как вызов государственной системе образования – к постановке проблемы (Реан А. А., Гогиберидзе Г. М., Коновалов И. А.).....	224
Личность несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве: аспекты дезадаптации (Поминов А. В.).....	241
Психологические исследования девиантного поведения	
Социально-психологические детерминанты киберагрессии: эмпирическое обоснование теоретической модели (Антипина С. С., Микляева А. В.).....	255
Характеристика и условия формирования паттерна радикализации у обучающихся (Ничипоренко Н. П., Пацакула И. И., Галиев И. Ш.).....	267
Смысловая саморегуляция как стратегия совладания подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе (Минюрова С. А., Леоненко Н. О.).....	282
Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения	
Современное состояние преступности несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях (Самойлик Н. А.).....	302
Социальная дезадаптация подростков с неблагополучным опытом детско-родительских отношений (Гуриева С. Д., Защирицкий М. М.).....	315
О состоянии программ профилактики буллинга (кибербуллинга) среди детей подросткового возраста (Кирушин К. Р., Нагапетян Д. С.).....	326
Профилактика деструктивного поведения подростков (Кузнецова М. Н., Рычкова Л. С.).....	335
Правовое противодействие девиантному поведению	
Меры органов общественной безопасности по борьбе с кибербуллингом в образовательных учреждениях (Чжун Цзянь, Ю Хао).....	346

Contents

Thematic issue

"Issues of counteracting criminalization and victimization of minors"

<i>Rean A. A.</i> Editor-in-Chief's word.....	176
<i>Dukhnovsky S. V.</i> Current issues of theory and practice of psychology of deviant behavior.....	178
Modern deviantology: theories and concepts	
Vandal behavior in school: motivation, typology and prevention (<i>Smirnov A. V.</i>).....	180
Methodology for studying deviant behavior	
Psychoanalysis of criminal personality: revising the approach and assessing the prospects for its application (<i>Antonyan Yu. M. Zlokazov K. V.</i>).....	204
Derationalisation of young people's consciousness as a challenge to the state educational system – a problem statement (<i>Rean A. A., Gogiberidze G. M., Konovalov I. A.</i>).....	224
Personality of a minor in criminal proceedings: aspects of maladaptation (<i>Pominov A. V.</i>).....	241
Psychological research of deviant behavior	
Socio-psychological determinants of cyber-aggression: empirical substantiation of the theoretical model (<i>Antipina S. S., Miklyaeva A. V.</i>).....	255
Characteristics and conditions of radicalisation pattern formation in students (<i>Nichiporenko N. P., Patsakula I. I., Galiev I. Sh.</i>).....	267
Semantic self-regulation as a coping strategy for adolescents with adverse childhood experiences in their anamnesis (<i>Minyurova S. A., Leonenko N. O.</i>).....	282
Psychological and pedagogical research and prevention of deviant behavior	
Current state of delinquency of minors serving sentences in young offender institutions (<i>Samoylik N. A.</i>).....	302
Social maladaptation of adolescents with dysfunctional experiences of child-parent relationships (<i>Gurieva S. D., Zashchirinskii M. M.</i>).....	315
The state of prevention programmes for bullying (cyberbullying) among adolescent children (<i>Kirushin K. R., Nagapetyan Ju. S.</i>).....	326
Prevention of destructive behavior of adolescents (<i>Kuznetsova M. N., Rychkova L. S.</i>).....	335
Legal counteraction to deviant behavior	
The measures of public security organs against campus cyberbullying (<i>Zhong Jian, Yu Hao</i>).....	346

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-176-177

Уважаемые читатели!

Перед вами новый проект редакционной команды «Российского девиантологического журнала» – тематический выпуск, посвященный обсуждению различных аспектов противодействия криминализации и виктимизации несовершеннолетних. Научным редактором номера выступил профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России доктор психологических наук, доцент Сергей Витальевич Духновский, в сферу научных интересов которого входит проблематика девиантного поведения.

Открывает номер рубрика «**Современная девиантология: теории и концепции**» статьей, посвященной изучению школьного вандализма. В результате исследования автором выделена неосознаваемая мотивация вандального поведения, описаны типология репрезентантов вандального поведения и их экзистенциальная проблематика, раскрываются ведущие направления профилактической работы с обучающимися.

В рубрике «**Методология изучения девиантного поведения**» представлено исследование о современном состоянии психоанализа личности преступника и перспективах его применения, что определяется необходимостью развития методологии криминальной психологии, повышения ее восприимчивости к индивидуальным особенностям личности преступника и, как следствие, повышения качества диагностической и коррекционной работы с криминогенными лицами.

Следующая статья рубрики посвящена аспектам дезадаптации личности несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве, ставшего участником, жертвой или свидетелем криминальных событий. Автор приходит к выводу, что проявление дезадаптации, ее типы и уровни, а также интенсивность зависят от соотношения и когерентности внешнего актора и внутренней готовности к дезадаптивным процессам.

Авторский коллектив еще одного исследования обратился к постановке проблемы дерационализации сознания молодежи как вызова государственной системе образования. Авторами обоснована проблема дерационализации сознания современной молодежи, связанная с высоким спросом на товары, услуги и онлайн-обучение в области астрологии и эзотерики; рассмотрены различные вызовы, стоящие перед государственной системой образования в Российской Федерации в связи с указанным явлением; уделено внимание поиску способов формирования рационального и критического мышления в современном образовательном пространстве.

Рубрика «**Психологические исследования девиантного поведения**» знакомит читателей с эмпирическим обоснованием теоретической модели социально-психологических детерминант киберагрессии, авторы которого в качестве основных социально-психологических детерминантов киберагрессии представили агрессивность, эмпатию, стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные характеристики и социальный интеллект; а также с исследованием характеристики и условий формирования паттерна радикализации у обучающихся.

Актуальной представляется статья о смысловой саморегуляции как стратегии совладания подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе. Рассмотрение смысловой саморегуляции как ресурса психологической адаптивности подростков с учетом их детского опыта и возрастных новообразований позволяет прогнозировать и предупреждать проявления дезадаптации и становится основой для развития проактивных стратегий совладания, определяющих жизнестойкость подростков в период взросления. У подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе и имеющих высокий уровень осмысленности жизни выше степень психологической адаптивности и менее выражены показатели дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими аналогичный опыт и низкий уровень осмысленности жизни.

В рубрике «**Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения**» можно ознакомиться с результатами исследований, посвященных современному состоянию преступности несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях социальной дезадаптации подростков с неблагоприятным опытом детско-родительских отношений, профилактике деструктивного поведения подростков, узнать о состоянии программ профилактики буллинга (кибербуллинга) среди детей подросткового возраста.

Не осталась без внимания в тематическом выпуске и проблема правового противодействия девиантному поведению. Авторы из Китая представили исследование о мерах органов общественной безопасности по борьбе с кибербуллингом в образовательных учреждениях.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики
агрессии и деструктивного поведения учащихся,
Директор Центра социализации, семьи
и профилактики асоциального поведения
Московского педагогического государственного университета
А. А. Реан**

Актуальные вопросы теории и практики психологии девиантного поведения

Девиации и нормы – единство противоположностей. Наличие нормы позволяет оценить и описать девиации, а последние приводят к необходимости нормы. Человек стремится выйти за пределы «человеческого», реализуя себя, если так можно сказать, в различных девиациях. Технический прогресс также вносит свой вклад в их совершенствование. Например, наряду со ставшими уже классическими видами агрессивного поведения, начинают появляться его новые формы, такие как киберагрессия, кибербуллинг. К этому добавим средства массовой информации, которые умышленно, а порой и не очень, транслируют различные формы поведенческих отклонений, тем самым популяризируют их.

Все это, наряду с тенденцией дерационализации сознания, снижения критичности мышления, приводит к росту числа поведенческих отклонений, их форм и видов, что является угрозой благополучия и безопасности человека и всего общества. Отсюда перед профессиональным сообществом возникают вопросы. Что делать? Борьбаться или принять как должное? Если бороться, то как – заниматься профилактикой, коррекцией, воспитанием? А если оставить как есть, то к чему это может привести? Каким будут человек и общество без девиаций, если такое в принципе возможно? Таким образом, вопросы, связанные с девиантным поведением, будут актуальны всегда, пока существует человек и человечество.

Поиску ответов на поставленные вопросы и посвящен представленный специальный выпуск «Российского девиантологического журнала», страницы которого выступают площадкой для профессионалов, позволяющей обмениваться мнениями, концепциями, исследованиями, методиками и технологиями работы с отклоняющимся поведением разной категории людей – детей и взрослых, находящихся в образовательных организациях разного типа, в том числе специализированных, имеющих различный жизненный опыт (например, семейных отношений и / или психологической травматизации).

В журнале представлены методология изучения, перспективные направления исследований, отражающие актуальные проблемы психологии девиантного поведения, вопросы коррекции и профилактики, включая психолого-педагогический аспект и правовое противодействие девиантному поведению.

Заслуживает внимания теоретическая и практическая направленность журнала. Представленные статьи будут интересны и полезны исследователям, ориентированным как на методологические вопросы девиантного поведения, так и на практическое использование современных разработок в данной области.

Что найдет для себя методолог? В данном выпуске рассматриваются:

- проблема дерационализации сознания молодежи как вызов государственной системе образования;
- концепция вандального поведения; приводятся его типология, мотивационные особенности с точки зрения глубинной психологии;

- перспективы применения психоаналитического подхода к оценке личности преступника;
- вопросы дезадаптации личности несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства;
- модель социально-психологических детерминант киберагрессии и ее эмпирическое обоснование.

Что будет полезно практикам? Прежде всего, это:

- вопросы современного состояния преступности несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях;
- исследования в области смысловой саморегуляции как стратегии совладания подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе;
- особенности социальной дезадаптации подростков с неблагополучным опытом детско-родительских отношений;
- характеристика и условия формирования паттерна радикализации у обучающихся;
- профилактика деструктивного поведения подростков;
- меры, принимаемые органами общественной безопасности в борьбе с кибербуллингом в образовательных учреждениях.

Выражаем благодарность коллегам-ученым за согласие посвятить себя и свое время нашему изданию. Ваша научная смелость, широта и глубина взглядов на столь многогранное явление, каким является девиантное поведение, наполнили выпуск журнала актуальностью, новизной, оригинальностью, теоретической и практической значимостью.

А теперь пройдемся по пути знания бодрым шагом, с полным доверием, сохраняя пессимизм разума и оптимизм воли, помня при этом, что каждое знание есть только частица, и на каждом этапе знания всегда остается неразрешенный остаток. Надеемся, что представленный на страницах журнала материал послужит стимулом новых исследований и практических разработок в области психологии девиантного поведения.

**Научный редактор тематического выпуска,
профессор кафедры юридической психологии
учебно-научного комплекса по исследованию проблем
кадровой работы и морально-психологического
обеспечения деятельности ОВД
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор психологических наук, доцент
С.В. Духновский**

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-180-203

Вандальное поведение в школе: мотивация, типология и профилактика

Александр Васильевич Смирнов

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
k-66756@planet-a.ru

ORCID: 0000-0003-1777-139x

Аннотация

Введение. Школьный вандализм до сих пор оценивается авторами неоднозначно: как делинквентное противоправное поведение и как девиантное, лежащее вне юриспруденции. Он изучается в различных аспектах: генетическом, нейробиологическом, личностном и социально-психологическом, социально-экономическом, правовом, средово-информационном. Эта многофакторность говорит о том, что вандализм является результатом действия многих случайных, слабо взаимосвязанных факторов, каждый из которых вносит незначительный вклад относительно общей суммы усилий, но их суммарное одновременное взаимодействие определяет устойчивость явления (закон Гаусса). Различные формы вандального поведения (уличный, школьный, организационный) обнаруживают общность его форм, симптоматики, синдроматики и детерминации. Данные позволяют утверждать, что различные девиантные деструктивные формы поведения (делинквентное, аддиктивное, деструктивное, самодеструктивное) имеют близкие (единые) этиологические источники и детерминанты. Несмотря на широкий диапазон исследований, проблема бессознательной мотивации вандального поведения не находит в них отражения. **Методы исследования:** Респондентами выступили 400 обучающихся обоих полов (юноши 200 человек, девушки 200 человек) в возрасте от 11 до 17 лет, обучающихся в школах-интернатах с различной спецификой (спортивные, медицинские, реабилитационные, учебно-образовательные). В качестве диагностического инструмента использовалась «Экспериментальная диагностика побуждений», методы интервьюирования и статистического анализа закономерностей. **Результаты:** выделена неосознаваемая мотивация вандального поведения, описана типология репрезентантов вандального поведения и их экзистенциальная проблематика, раскрываются ведущие направления профилактической работы с обучающимися.

Ключевые слова

деструктивное поведение, самодеструктивное поведение, делинквентность, аддикции, вандализм, вандальное поведение, школьный вандализм, социальная включенность

Для цитирования: Смирнов, А. В. (2025). Вандальное поведение в школе: мотивация, типология и профилактика. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 180–203. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-180-203.

Original paper

Vandal behavior in school: motivation, typology and prevention

Alexander V. Smirnov

Ural State Pedagogical University

(Yekaterinburg, Russia)

k-66756@planet-a.ru

ORCID: 0000-0003-1777-139x

Abstract

Introduction. School vandalism is still assessed by specialists ambiguously: as delinquent unlawful behavior and as deviant behavior lying outside jurisprudence. It is studied in various aspects: genetic, neurobiological, personal and socio-psychological, socio-economic, legal, media and informational ones. This multifactoriality suggests that vandalism is the result of many random, poorly interdependent factors, each of which is relatively weak in relation to overall effects, but their cumulative simultaneous interaction determines the stability of the phenomenon (Gauss's law). Different forms of vandal behavior (street, school, organisational ones) reveal the commonality of its forms, symptomatology, syndromatics and determination. The research findings make it possible to assert that various deviant destructive forms of behavior (delinquent, addictive, destructive, self-destructive forms) have close (unified) etiological sources and determinants. Despite the wide range of studies, the problem of unconscious motivation of vandalism behavior is hardly represented therein. *Research methods:* The sample included 400 students of both genders (200 males, 200 females) aged from 11 to 17 years old, studying in residential schools with different specifics (sports, medical, rehabilitation, educational ones). The "Experimental Diagnostics of Motivations", interviewing methods and statistical analysis of patterns were used as a diagnostic tool. *Results.* The unconscious motivation of vandal behavior is highlighted, the typology of vandal behavior of the representatives and their existential problematics are described, the leading directions of preventive work with students are revealed.

Keywords

destructive behavior, self-destructive behavior, delinquency, addictions, vandalism, vandal behavior, school vandalism, social inclusion

For citation: Smirnov, A. V. (2025). Vandal behavior in school: motivation, typology and prevention. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 180–203. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-180-203.

Введение

Специалисты в области вандального поведения отмечают, что «вандализм следует рассматривать, прежде всего, в качестве формы воздействия субъекта на объекты городской среды (материальной, социальной, информационной и какой-либо иной), выражающейся в стремлении субъекта изменить актуальное ее состояние без соответствующих на это санкций со стороны другого субъекта, имеющего юридические права на эти объекты (ее собственника или управляющего). В социально-психологическом контексте обсуждаемое явление интерпретируется также как расширение границ реализации субъектности индивида, реализуемой в деятельности и поведении, за формально устанавливаемые социумом пределы активности субъекта по отношению к объектам, находящимся не в его собственности» (Воробьева, 2012).

Такое определение фактически содержит сведения о двух известных формах поведения – противоправном (делинквентность) и девиантном (отклонение от социальных норм).

Понимая вандальное поведение как противоправное поведение, следует утверждать о свершении общественно опасного, сознательного, волевого, конкретного виновного деяния физического лица или группы лиц, обладающих деликтоспособностью, за которое предусмотрена юридическая ответственность определенного вида.

Считаем, что применение к школьному вандализму понятий «противоправное поведение», «правонарушение» не вполне приемлемо, поскольку, во-первых, не все лица, демонстрирующие вандальное поведение, обладают деликтоспособностью, во-вторых, действительно противоправные формы поведения при вандализме совсем не обязательно преследуют противоправные цели. Отметим, что в юридической психологии феномен школьного вандализма рассматривается с точки зрения «криминализации вандального поведения», так как противоправный по форме способ поведения обязательно должен быть связан и с противоправными целями¹. Иными словами, криминализация феномена школьного вандализма происходит в связи с тем, что сам «текст» и «контекст» юридической психологии должны априори криминализировать что-либо из известной триады «потребность – мотив – цель», раскрывающей общепсихологическую теорию мотивации поведения человека.

Напротив, девиантное поведение как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией, вполне применимо к феномену школьного вандализма.

Стало традицией при изучении генезиса девиантных форм поведения рассматривать его этиологические факторы, детерминанты, факторы риска (маркеры), столь популярные в профилактике девиаций.

Анализ исследований этиологических факторов девиантных форм поведения (в том числе вандального) показал, что в качестве общих и наиболее устойчивых выступает мутация генов и связанное с этим нарушение метаболизма нейротрансмиттеров в мезокортиколимбической системе, выражающееся в избытке или дефиците нейромедиаторов, нарушении механизма их обратного захвата или в дефектах синапсов. В качестве этиологической почвы могут выступать различные виды соматической и психической патологии, особенно СДВГ, ПТСР, психопатии, а также морфологические и патологические функциональные изменения структур головного мозга (Смирнов, 2014; Szondi, 1972; Viding, 2004; Viding et al., 2005; Zuckerman, 2007).

Детерминанты школьного вандализма наиболее глубоко сегодня прорабатываются в нескольких направлениях. *Социально-экономическое направление* в качестве детерминант рассматривает различные социально-экономические, социокультурные и даже политические процессы, явления, условия и факторы. Они изучаются как факторы провоцирующие, вынуждающие к проявлению деструктивного поведения, например, как форма отреагирования фрустрации или восстановления справедливости (Барановский, 2020; Назаров, 2020; Печерцева, 2020; Русецкий, 2019).

Персонологическое направление занимается поиском и систематизацией личностных черт, которые характерны для представителей различных форм деструктивного поведения, в том числе вандального. Как правило, исследования ведутся с целью определить психологический портрет личности, наиболее склонной к формированию асоциального, делинквентного, девиантного или деструктивного поведения, для того чтобы в последующем развивать адекватные меры профилактики. Исследователи уделяют внимание изучению ценностно-смыслового,

¹ Пастушеня, А. Н. (2007). *Криминальная психология: учебно-методический комплекс*. Минский институт управления.

когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов индивидуальности (Феткулов, Интыкбаев, Бубербаев, 2017).

В рамках специализированного *аддиктивного направления* исследования показали, что ведущую роль в деструктивном усугублении поведения трети аддиктов играет неразвитость таких значимых для просоциальной социализации процессов, свойств и состояний, как соблюдение социальных норм и правил (когнитивный компонент), самоконтроль поведения (регуляторный компонент) и степень социальной включенности (интенциональный компонент) (Смирнов, 2014).

Во всех направлениях исследователями учитываются социально-средовые, медицинские, индивидуально-психологические факторы. Таким образом, детерминанты девиантного (деструктивного, вандального) поведения как непосредственные обстоятельства и условия, способствующие совершению деструктивных вандальных действий, обнаруживаются в социальной, экономической и психологической областях.

Учитывая множественность детерминант, представим их в таблице 1 с помощью маркеров (точка), указывающих детерминантный фактор и направление, в котором он изучается.

Таблица 1. Сводная таблица детерминант девиантного, деструктивного (вандального) поведения, представленных в различных направлениях исследований

Table 1. Summary table of determinants of deviant, destructive (vandal) behavior presented in different research directions

№	Детерминанты девиантности, деструктивности, вандализма	Социально экономическое	Персоналогическое	«Аддиктивное»
I. Социально-средовые факторы				
1	Формирование культуры потребления и ценности богатства	●		
2	Принцип обогащения как главный принцип развития	●		
3	Выраженное понижение уровня образования и культуры	●		
4	Материальная бедность и безработица населения	●		
5	Социальное и экономическое неравенство, поляризация населения	●		
6	Снижение толерантности к бедности и богатству	●		
7	Экстремизм и радикализм способов удовлетворения потребностей	●		
8	Коррупционная модель поддержания экономических отношений	●		
9	Развитость «института мафии»	●		
10	Объективный социальный процесс отчуждения	●		
II. Медицинские факторы				
1	Психопатические расстройства личности		●	●
2	Патохарактерологические образования неустойчивого типа		●	●
3	Патохарактерологические образования эпилептоидного типа		●	●

№	Детерминанты девиантности, деструктивности, вандализма	Социально экономическое	Персоналогическое	«Аддиктивное»
4	Патохарактерологические образования гипертимного типа		•	•
5	Патохарактерологические образования конформного типа		•	•
6	Патохарактерологические образования маниакального типа		•	•
7	Патохарактерологические образования истероидного типа		•	•
III. Индивидуально-психологические факторы				
1	Стремление «быть причиной вещей и событий»		•	
2	Богатство как источник бытийной мощи		•	
3	Власть как источник бытийной мощи		•	
4	Консервативная и травматичная привязанность к прошлому		•	
5	Фаталистическая оценка настоящего и будущего		•	
6	Восприятие социальной среды как враждебной		•	•
7	Сопrotивление культурному давлению		•	•
8	Пренебрежение социальными ценностями и авторитетами		•	•
9	Стремление к социальной самоизоляции и уходу в андеграунд		•	•
10	Социальная оппозиционность		•	•
11	Стремление выходить за рамки табуированного, нарушение норм		•	•
12	Ведомость поведения, зависимость от случайных факторов		•	•
13	Ослабленность самоконтроля поведения и воли		•	•
14	Ослабленный контроль эмоций, импульсивность		•	•
15	Эмоциональная регуляция поведения доминирует над рациональной		•	•
16	Дисфории, злобность, мстительность, завистливость, холодность		•	•
17	Лживость, комплекс «Каина»		•	•
18	Конфликтность		•	•
19	Конфликтогенность		•	•
20	Авантюренность		•	•
21	Агрессивность		•	•
22	Эгоистичность		•	•
23	Криминальные способы удовлетворения потребностей		•	•
24	Различные формы и степени самодеструктивного поведения		•	•
25	Низкий порог фрустрационной устойчивости		•	•
26	Потребность в самодемонстрации		•	•
27	Гедонистические установки и мотивы поведения		•	•
28	Экстернальный локус контроля		•	•
29	Слабо интегрированное самосознание		•	•
30	Осмысление «Я» как сгустка конфликтных личностных смыслов		•	•

№	Детерминанты девиантности, деструктивности, вандализма	Социально экономическое	Персоналогическое	«Аддиктивное»
31	Смысловая изолированность самосознания и поступков		•	•
32	Перфекционизм, нарциссизм, чувство своей исключительности		•	•
33	Неспособность определить границы своего «Я»		•	•
34	Завышенная, заниженная или амбивалентная самооценка		•	•
35	Низкая способность к саморефлексии		•	•
36	Комплексы неполноценности различной модальности		•	•
37	Радикализм и экстремизм оценок событий		•	•
38	Склонность к мистицизму		•	•
39	Инфантилизм, инфантильные копинг-стратегии		•	•
40	Избегание трудности и ответственности		•	•
41	Слабая способность к систематизации, организации, планированию		•	•
42	Слабая способность к абстрагированию, ригидность мышления		•	•

Далее обратимся к описанию исследований факторов риска школьного вандализма. Исследование факторов риска вандального поведения в школе носит практический интерес. Перед специалистами стоят задачи защиты социокультурной среды от опасного явления вандализма – его профилактика. Это, в свою очередь, поднимает вопрос о непосредственных критериях для выявления реальных или потенциальных вандалов в школьной среде, а также маркерах их распознавания.

Эмпирические исследования факторов риска вандального поведения можно разделить на несколько условных направлений.

Персоналогическое направление показывает, с одной стороны, чрезвычайную близость школьных вандалов к таким социальным группам, как делинквенты, аддикты, социальные девианты, с другой стороны, указывает на парадоксальность феномена вандального поведения, содержащего в себе асоциальную деструктивную, просоциальную продуктивную направленность и мотивированность. По всей видимости, этот внутренний парадокс феномена школьного вандализма и обеспечивает его стойкость в школьной среде (Ананьин, Зуйкова, 2022; Воробьева, 2012, 2014, 2020; Гурова, Кружкова, 2017; Гурова, 2021; Прядеин, Чернышова, Смирнов, 2022; Смирнов, 2006; Zuckerman, 2007).

Возрастное направление подразумевает комплекс различных по содержанию и модальности факторов, которые могут выступать в качестве маркеров риска противоправного поведения: социальные, экономические, семейные, патологические, личностные, поведенческие (Кириллова, Зуева, 2021; Купченко, 2017; Мартынова, 2016; Назарова, 2016; Романова, 2013).

Средово-информационное направление изучает молодежные субкультуры, механизмы и формы группирования молодежи внутри субкультур, влияние субкультуры на ее членов, сторонних лиц и культурный ландшафт (Константинова 2021; Симонова, 2019).

Профилактическое направление представляет работы по разработке и внедрению профилактических мер, программ и технологий, акцентирует внимание на разработке методов оценки социализирующего эффекта профилактики, эффективности профилактических

программ в плане минимизации конфликта между социумом и вандалом, эффективности в развитии способностей к разрешению априорного противоречия между побуждением к реализации вандального поведения и его недопущением (Дегтярева, Михалькова, Нефедова, 2020; Кузнецов, 2020).

Социально-психологическое направление рассматривает влияние удобства современных технологий на формирование зависимости человека и постепенное лишение его реальной свободы (Видясова, Косова, 2016; Киселев, 1999; Крайнов, 2008). С этих позиций деструктивные формы поведения, появившись как результат отчуждения человека от своей деятельности и ее результатов, представляют собой способы ее частичного восстановления в условиях социальной несправедливости и социального неравенства капиталистического общества.

Семейное направление изучает «практически все динамически изменяющиеся качественные и количественные параметры, характеристики и свойства поведения, которые могут быть зарегистрированы, измерены и оценены исследователем (наблюдателем) в семье» (Флорова, 2012), способствующие развитию девиаций поведения и, в частности, вандального поведения. Ведется анализ семейных условий, способствующих появлению, развитию и закреплению девиантных форм поведения; нарушений процесса воспитания подростка в семье, обусловленных семейным психоэмоциональным климатом, родительской воспитательной политикой, различными мотивами родительского воспитания, а также личностными особенностями родителей (Флорова, 2012).

Гендерное направление уделяет внимание влиянию критерия пола на распространенность, формы и проявления вандального поведения среди представителей молодежи и школьников обоих полов (Кружкова, Воробьева, 2020).

Правовое направление сконцентрировано на проблемах несовершенства законодательства, неисполнении законов и обязанностей ответственными работниками, что создает условия для реализации девиантного, противоправного поведения. Важнейшей проблемой выступает проблема «двойной неопределенности» вандального поведения. Так, с одной стороны, школьный вандализм не подпадает даже под административную ответственность, хотя следствием вандальных актов в школе является нанесение материального ущерба. С другой стороны, вандализм вне учебного заведения рассматривается как юридически противоправное поведение, за которое существует и административная, и уголовная ответственность. Такое пограничное, юридически неопределенное соотношение вандализма и школьного вандализма создает проблему правоприменения (Феткулов и др., 2017).

Организационное направление изучает специфическую форму изменения внутренней среды организации самими работниками организации – организационный вандализм. Исследователи предлагают следующее определение: «Социально-психологическое явление, характеризующееся несанкционированным изменением (порча, разрушение, деформация, преобразование и пр.) персоналом организационной среды (материальной, информационной, культурной), наносящим ущерб (экономический, экологический, социальный) организации» (Кружкова, Девятовская, 2017).

В таблице 2 факторы риска и направления, их изучающие, отмечены маркером (точкой).

Таким образом, вандальное поведение изучается в различных аспектах: генетическом, нейробиологическом, личностно- и социально-психологическом, социально-экономическом, правовом, средово-информационном. Эта многофакторность говорит о том, что вандализм является результатом действия суммы многих случайных, слабо взаимосвязанных факторов, каждый из которых вносит малый вклад относительно общей суммы усилий, но их суммарное одновременное взаимодействие определяет устойчивость явления (закон Гаусса).

Таблица 2. Сводная таблица факторов риска вандализма в школе, представленных в различных направлениях исследований

Table 2. Summary table of risk factors for school vandalism behavior presented in different research directions

№	Факторы риска	Персоналогическое	Возрастное	Информационное	Профилактическое	Социально эконом	Семейное	Гендерное	Правовое	Организационное
I. Социально-средовые факторы										
1	Активация и мотивация деструкции средой			•						
2	Влияние андеграундных субкультур			•						
3	Неэстетичность и неухоженность среды			•						
4	Отсутствие социального контроля среды			•					•	
5	Равнодушие граждан, атомизация населения			•						
6	Отсутствие технического контроля			•					•	
7	Отсутствие досуговых мест			•						
8	Отсутствие мест досуговой коммуникации			•						
9	Наличие изолированных локаций			•						
10	Метки асоциальной субкультуры			•						
11	Отсутствие идеологии социального развития					•				
12	Понижение уровня образования и культуры					•				
13	Бедность населения					•	•	•		
14	Результат феномена отчуждения					•				
15	Роль асоциальной референтной группы							•		
16	Отсутствие однозначного понятия «вандализм»								•	
17	Ненадлежащее исполнение правил, обязанностей								•	
II. Семейные факторы										
1	Неполная семья		•				•			
2	Разведенные родители		•				•			
3	Проявление гипо- или гиперопеки родителями		•				•	•		
4	Безнадзорность		•				•			
5	Нарушенность привязанности к родителям		•				•			
6	Бедность, безработица родителей		•				•		•	
7	Пьянство родителей, особенно матери		•							
8	Обесценивание института семьи						•			
9	Обесценивание родителями образования						•			
10	Низкий образовательный уровень родителей						•			

№	Факторы риска	Персоналогическое	Возрастное	Информационное	Профилактическое	Социально эконом	Семейное	Гендерное	Правовое	Организационное
11	Конфликтные отношения с родителями						•			
12	Отсутствие эмоционального обмена с родителями						•			
13	Властность родителей						•			
14	Жестокость родителей						•			
15	Трансляция родителями вторичности ребенка						•			
16	Проявление различных форм насилия						•			
17	Спутанность понятий «добра» и «зла»	•					•			
18	Трансляция норм андеграундной культуры			•			•			
19	Двойные стандарты поведения родителей						•			
20	Авторитарный тип воспитания						•			
21	Неустойчивый тип воспитания						•			
III. Медицинские факторы										
1	Проявление адреналиномании	•								
2	Эмоциональная неустойчивость	•	•		•					
3	Импульсивность	•	•		•					
4	Тревожность	•			•					
5	Слабость самоконтроля	•	•		•					
6	Слабость механизмов сдерживания	•	•		•					•
7	Ведомость поведения	•	•	•	•					
8	Фрустрированность потребностей	•				•	•			•
9	Низкий уровень стрессоустойчивости	•			•					
10	Низкая фрустрационная толерантность	•			•					
11	Дисфории, застревание аффекта, злобность	•								
12	Копинг-стратегия совладания со стрессом	•		•						
13	Аффективная взрывчатость и тупость матери						•			
13	Патопсихология и психопатология родителей						•			
IV. Индивидуально-психологические факторы										
1	Стяжательство	•								
2	Завоевание статуса внутри группы	•						•		
3	Снятие аффективного напряжения	•								
4	Сплин, скука	•	•							
5	Протест	•								
6	Самовыражение	•		•						
7	Любопытство	•								

№	Факторы риска	Персоналогическое	Возрастное	Информационное	Профилактическое	Социально эконом	Семейное	Гендерное	Правовое	Организационное
8	Игровой мотив	•								
9	Мечь	•								
10	Приобретение эстетического опыта	•								
11	Получение эстетического наслаждения	•								
12	Враждебность	•								
13	Агрессивность и проявления агрессии	•	•							
14	Жестокость	•								
15	Привлечение общественного внимания	•								
16	Устойчивая девиантная форма поведения	•	•		•					•
17	Зависть		•							
18	Примитивизм потребностей, потребительство		•							
19	Отсутствие навыков здоровой коммуникации				•					
20	Неусвоенность морально-этических норм				•					
21	Эгоизм				•					
22	Асоциальная направленность личности				•					
23	Социальная (школьная) дезадаптированность				•		•			

Представление различных форм вандального поведения (уличный, школьный, организационный) обнаруживает общность его форм и симптоматики, синдроматики и детерминации. Данные позволяют утверждать, что различные девиантные деструктивные формы поведения (делинквентное, аддиктивное, деструктивное, самодеструктивное) имеют близкие (единые) этиологические источники и детерминанты.

Однако в работах, вероятно, под влиянием юридической психологии, не находит отражения проблема бессознательной мотивации вандального поведения. Мы восполняем этот пробел, представляя результаты эмпирических исследований, в которых описывается и уточняется неосознаваемая мотивация вандального поведения, представляется типология репрезентантов вандального поведения и их экзистенциальная проблематика, раскрываются ведущие направления профилактической работы с обучающимися.

Материалы и методы исследования

В качестве методологической основы была избрана концепция экзистенциальных потребностей Л. Зонди, имеющих побудительную природу. Согласно позиции Л. Зонди, глубинные потребности являются радикалами всей деятельности человека, корнями, на которые опирается существование человека вообще² (Ютгнер, 2002).

Респондентами выступили 400 обучающихся обоих полов (юноши 200 человек, девушки 200 человек) в возрасте от 11 до 17 лет, обучающихся в школах-интернатах с различной

² Смирнов, А. В. (2005). *Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди: учебное пособие*. Издательство «Университет».

спецификой (спортивные, медицинские, реабилитационные, учебно-образовательные). В качестве диагностического инструмента использовалась «Экспериментальная диагностика побуждений» (тест Зонди)³ (Szondi, 1972). Наряду с проективной диагностикой проводилось интервьюирование учащихся и педагогов на предмет деструктивного, самодеструктивного поведения, в том числе вандального. Было установлено, что 45 % испытуемых в той или иной форме проявляют вандальное поведение. Различий в интенсивности и частоте проявлений вандализма между юношами и девушками не обнаружено.

В отношении критериально выделенной группы «вандалы» (180 человек) было проведено специализированное дополнительное обследование индивидуальности методом вторичной диагностики и расспроса. В результате с применением статистических критериев (угловое преобразование Фишера – φ^* , корреляция с критерием φ – Фишера, χ^2 , коэффициенты согласованности Q и Cos^2) были установлены тестовые синдромы (по тесту Зонди), соотносимые с определенной мотивацией и типологией вандального поведения, репрезентанты которого были систематизированы в классы и типы по критериям ведущих глубинных побуждений и экзистенциальной проблематике. Ниже представим психологическое описание статистически выявленных закономерностей.

Результаты исследований

Класс «Перверзно самоутверждающиеся». Ведущими проблемами представителей этого класса являются соперничество с родителями, неспособность к сепарации от них и проблема самоутверждения («быть мужчиной»). Вторичными являются проблемы феминности (у юношей), маскулинности (у девушек) – проблема сформированности нормальной психосексуальной идентичности и неразвитость способности быть самостоятельным.

Соперничающий тип ($h+!$; $s\pm$; $e-$; $h_u = 0$; $k+$; $p = 0$). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 125,20$, при $p < 0,00002$; $\varphi = 0,83$, при $p < 0,00002$. Соперничество, застревание на эдипальной стадии, напряженное и перманентное стремление «победить отца». Неспособность самоутвердиться из-за садомазохистских отношений с родителями и неприменного желания «унизить родителя» (злобность, мстительность). Вандальная деятельность проявляется в публичных местах, «авторитетных у граждан» локациях.

Декларирующий доминирование в группе или над территорией ($h = 0$; $s+$; $e = 0$; $d-$; $m-$). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 12,58$, при $p < 0,0004$; $\varphi = 0,57$, при $p < 0,0004$. Питают себя иллюзиями, что их авторитет в группе прочен и постоянен. Строят свой авторитет на регулярном, часто грубом аффективном контроле группы или территории. Постоянно обходят и «метят» территорию, заявляют о себе путем деструктивных рисунков, деструкций местоположения. При появлении в группе более сильного физически лидера отступают, но могут продолжать «гадить» новому лидеру, оставляя поверх его «меток» свои, постоянно обновляемые.

Деструктор ($h-$; $s+$; $k-!$; $d-$; $m-$). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 10,11$, при $p < 0,001$; $\varphi = 0,77$, при $p < 0,005$. Эмоционально холодны, неспособны выражать и проявлять чувства, которые глубоко загнаны внутрь и часто просто вытесняются. В основе лежит обида за неосуществление заветной детской мечты, с которой связывалось «наступление счастья». Часто живут в мире своих детских фантазий и воспоминаний. Действуют в одиночку. Вандальная деятельность связана с обязательным полным разрушением объектов, приносящих радость или удобство другим. Вандальный акт осознан и может произвольно планироваться. Может проводиться наблюдение за объектом и его популярностью у граждан. Могут

³ Смирнов, А. В. (2005). *Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди*: учебное пособие. Издательство «Университет».

уничтожаться случайные объекты, субъективно воспринимаемые как препятствия. Объекты разрушаются до полной дисфункциональности.

Самодурствующий инфантильный тип ($h+!$; $s = 0$; $e = 0$; $k-!$; $d\pm$; $m\pm$, также $d = 0$; $m = 0$). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 53,41$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,47$, при $p < 0,00001$ и $\chi^2(df = 1) = 51,34$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,57$, при $p < 0,00001$. Будучи пассивными, капризными, зависимыми от родителей, агрессивуют, если немедленно не получают удовлетворения своих капризов. Вандальная деятельность осуществляется спонтанно, в аффективном порыве на случайные объекты, как переадресация агрессии. Вторичной проблемой выступает проблема умения устанавливать социальные контакты, преодолевать социальную фрустрацию и фрустрацию потребностей.

Протестующий тип ($h+$; $s = 0$; $k-!$; $p = 0$; $d\pm$; $m-$). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 156,26$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,65$, при $p < 0,00001$. Не может реализовать себя из-за собственной пассивности. Однако считает, что в его проблемах виноваты другие люди или внешние обстоятельства. Всякая новая ситуация, проявляющая его несостоятельность, неуспешность, «отсталость от жизни», приводит к постепенному накоплению агрессии, которая разряжается в деструктивных действиях, направленных на объекты среды. Вандальное поведение эпизодическое. Деструктивный потенциал накапливается медленно и не всегда реализуется в вандальных действиях. Вандальные действия реализуются на нерегулярной основе, как отреагирования досады «за невезение» или «протест против судьбы».

Деадаптивный тип ($h+$; $s = 0$; $k = 0$; $p+!$; $d-$; $m-$). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 81,32$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,46$, при $p < 0,00001$. Не может реализовать себя как из-за собственной пассивности, так и из-за неспособности самостоятельно найти формы своей социальной реализации, чаще в силу социальной неопытности и дезадаптированности. Всякая новая ситуация, проявляющая его социальную дезадаптивность, приводит к активации агрессии, которая разряжается в деструктивных действиях, направленных на объекты среды. Вандальное поведение может чередоваться с проявлениями «медленной самодеструкции».

Класс «Мстительные. Не управляющие аффектом». Ведущими проблемами представителей этого класса являются слабость или неразвитость механизмов сдерживания и управления аффектами, неумение управлять гневом, проявить и выразить эмоции. Вторичной проблемой выступает аддиктивное по природе стремление к риску (некий вариант адреналиномании, но не являющийся аддикцией в чистом виде).

Адреналиноманы ($h = 0$; $s -!$; $e = 0$; $hy = 0$; $k-$; $m-$). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 79,22$, при $p < 0,0002$; $\phi = 0,45$, при $p < 0,0002$. Испытывают жажду риска, получают удовольствие, переживая страх от ожидания неотвратимого наказания за свои «художества». В силу своей психологической специфики вандальные действия совершают открыто, дерзко, в многолюдных местах с хорошим техническим контролем, провоцируя резкую социальную реакцию, демонстрируя себя, давая обнаружить себя, «уходят от погони», испытывая радость, восторг и массу аффектов.

Стритарт-художники ($e = 0$; $hy+!$; $k+$; $p = 0$; $d = 0$; $m-$). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 36,36$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,47$, при $p < 0,00001$. Ведущей потребностью выступает ненасыщаемая потребность выставить себя на показ и оказываться в центре внимания, причем независимо от того, как достигается это внимание окружающих – посредством социально-позитивной деятельности или скандала. Поэтому вандальная активность может быть асоциальной направленности или просоциальной, например, в виде качественной, красивой картины с просоциальным сюжетом, но в неподобающем для него месте. Или качественно выполненная картина, например, в стиле «ню», размещенная перед школой. Главным здесь выступает не сюжет, а потребность как-то шокировать

(«Uberraschung») зрителя. Творческая продукция чаще содержит подпись или «клеймо», «факсимиле» автора.

Алекситимики (e+; hu+; k = 0; p+). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 101,78$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,51$, при $p < 0,00001$. Вандальные формы активности, чаще «по неосторожности», проявляются как результат неспособности экспрессировать, объективировать и отрефлексировать свои переживания в виде непроизвольного разрушения чего-либо в ходе непроизвольных («от волнения») манипуляций.

Неконтролируемый аффект (e = 0; hu+!; k-!; d±; m-). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 85,10$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,46$, при $p < 0,00001$. Вандальное поведение совершается в состоянии сильного аффекта в различных деструктивных формах, чаще как результат аффективного отреагирования фрустрации потребностей, в качестве иной основы такого поведения может быть актуализация конфликта «сущего и должного».

Мстители (e-; hu-; k-!; d+; m-). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 129,20$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,57$, при $p < 0,00001$. Носители этого синдрома бывают фрустрированы «нарушением справедливости» по отношению к ним, которая понимается и трактуется весьма субъективно. Не имея возможности или не умея восстанавливать справедливость продуктивным способом, «восстанавливают справедливость» разрушительными вандальными актами мести, однако непосредственным мотивом выступает вымещение обиды – «мне плохо, так пусть и вам будет тоже».

Класс «Нарциссичные с ущемленным самолюбием». Ведущими проблемами представитель этого класса являются непомерное расширение своего «эго», убежденность в своей исключительности, желание влиять на людей. При этом потребность в признании исключительности субъективно воспринимается как фрустрированная, поэтому самолюбие всегда остается несколько ущемленным.

Непризнанные гении (s+; p+!; d-; m+!). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 90,38$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,47$, при $p < 0,00001$. Вандальная деятельность совершается в виде различных форм изобразительного искусства, главным образом в людных местах. Носители этого синдрома убеждены в исключительной эстетической привлекательности своего произведения, важности и нужности своего творчества, ожидают одобрения и признания своих «творческих достижений». Поскольку у носителей синдрома выражена социальная дезадаптивность, то и «произведения» диссонируют с ландшафтом, фоном, архитектурой, идейной направленностью той локации, в которой это «произведение» размещается.

Синдром ущемленного самолюбия (h-; hu+!; k+; m+). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 83,20$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,47$, при $p < 0,00001$. Личность всячески ищет признания своего творчества и себя, оставляя свои произведения в различных публичных местах. Произведения могут быть весьма эстетичными, с сюжетом и смыслом, но диссонировать с локацией. Деятельность принимает почти маниакальный характер. Период активности сменяется сначала апатией, а затем деструктивным поведением, в период которого личность, возвращаясь к местам своих произведений, уничтожает их, чаще нанесением неэстетичных, грубых надписей и рисунков поверх своих же произведений, которые после этого теряют эстетическую привлекательность и смысловое содержание.

Фигляры, шуты, эксцентрики (h+!; k-!; p-!; d = 0; m = 0). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 11,40$, при $p < 0,002$; $\phi = 0,36$, при $p < 0,002$. Отличаются фиглярствующим, театрально-дурашливым поведением в целом. В вандальном творчестве доминирует эротическая тематика с акцентированием мата, текстовых скабрёзностей, изображения гениталий. Рисунки, как правило, неумелые, напоминающие детские каракули, сделанные чем придется (гвоздем, камнем, стеклом, красками, углем и т. п.). Подобное «творчество» однозначно

наносит ущерб локации, в которую помещено. Педагоги отмечают интеллектуальное недоразвитие таких учащихся.

Завистливые (e-; hu -; k-!; m-). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 130,20$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,47$, при $p < 0,00001$. Вандазная деятельность носит конкретный и адресный характер в форме попыток обесценивания той личности и события, которые ассоциируются у вандала с большей социальной успешностью, например, в виде нанесения уничижительных надписей с указанием конкретного лица на асфальт или стены, «чтобы все видели, что [...] идиот».

Класс дезадаптивных деструкторов. Основной проблемой представителей этого класса является неспособность к социальной адаптации в силу вытесняемости чувств и эмоций, неспособности их выразить, проявить и почувствовать, воспринять их у другого человека. Угнетающую их социальную дезадаптацию они пытаются устранять деструкцией той культуры, которая «угнетает» их. Доминирующими чертами их поведения и индивидуальности является протестность, диссидентство, стремление вставать в оппозицию, деструкции вместо приспособления, критицизм и поиск негативного.

Деструкция из-за дефицита любви или несчастной любви (h+; s+!; k-!). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 72,22$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,45$, при $p < 0,00001$. Деструктивные, в том числе вандажные действия, выполняются с мотивами мести, зависти, ревности, переадресации агрессии в связи с дефицитом любви, безответной любовью, несчастливой любовью и т. п. Лица с данным синдромом склонны к физической агрессии и при определенных условиях, к самодеструкции (суициду).

Инфантильное требование любви (h+!; hu-; k-!; p-; d = 0; m = 0 или m-). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 72,44$, при $p < 0,00001$; $\phi = 0,47$, при $p < 0,00001$. Деструктивное, вандажное разрушающее поведение возникает как результат дефицитарности любви и теплоты отношений в семье или в отношениях с матерью.

Протестующие, оппозиционеры (h-; e = 0; hu = 0; k-!; p-; m-). Показатели дифференциации синдрома $\chi^2(df = 1) = 68,40$, при $p < 0,002$; $\phi = 0,48$, при $p < 0,002$. Отмечается стремление оказывать сопротивление принятию или даже противодействие чьим-либо взглядам, позиции, мнению, действиям. Открытое противопоставление себя, своей позиции или взглядов мнению, позиции или взглядам других людей. Стремление находиться в оппозиции и готовность конфликтовать. Способность противостоять групповому давлению. Возможно отсутствие устойчивой референтной группы. Вандажная деятельность является заявлением собственной протестной позиции, утверждения своей точки зрения, ниспровержения чьего-либо мнения. Как следствие, вандажные проявления могут принимать характер тотальной деструкции, повреждения среды; нанесения порчи без полного разрушения с обозначением себя; нанесения своей «продукции» поверх «чужой».

Описание представленных закономерностей и типологий предполагает в жанре подобных публикаций описание путей уменьшения масштабов и профилактики неблагоприятных явлений.

Основные направления профилактической работы по уменьшению масштабов и интенсивности вандажного поведения в учебном заведении

В настоящее время в практике профилактики и коррекции девиантных форм поведения у школьников представлено три подхода.

Первый из них, который можно обозначить как коррекцию личностного развития и механизмов саморегуляции (Дегтярева, Михалькова, Нефедова, 2020), содержит следующие аспекты:

– социальный аспект – ориентация на формирование адекватных навыков взаимодействия с окружающими людьми, формирование общепринятых морали и принципов, ориентированных на формирование отрицательного отношения к разрушительным действиям;

– психологический аспект – формирование навыков саморегуляции, стрессоустойчивости, самоконтроля и т. п.;

– образовательный аспект – формирование системы ценностных отношений, социально-психологических особенностей личности, правовых и ценностных ориентаций личности.

Второй подход можно обозначить как «дорожная карта развития социальной адаптации и включенности» (Кузнецов, 2020). В рамках работы по типу рожерианских «групп-встреч», технология содержит 10 этапов (шагов):

1. Осознание: расширение информации о собственной личности (подростка) и проблеме девиантного поведения.

2. Переоценка собственной личности: оценка того, что подросток чувствует и думает о своем поведении и о себе.

3. Переоценка окружения: оценка того, как девиантное поведение влияет на окружающих людей.

4. Групповая поддержка: откровенность, доверие, помощь группы сверстников в ходе решения проблемы девиантного поведения.

5. Катарсис: ощущения и выражения собственного отношения к проблеме девиантного поведения.

6. Укрепление: поиск, отбор и принятие решения действовать, формировать убеждения и уверенность в способности изменить поведение.

7. Поиск альтернативы: обсуждение возможной замены девиантного поведения положительными моделями.

8. Контроль за стимулами: противостояние стимулам, провоцирующим девиантное поведение.

9. Закрепление: собственно поощрения со стороны окружающих к положительным изменениям в поведении.

10. Социальная адаптация: расширение возможностей в социальной жизни в связи с отказом от девиантного поведения.

Авторы отмечают также аспекты обеспеченности профилактической работы диагностическим инструментарием и методами оценки эффективности профилактических мероприятий (Кузнецов, 2020).

Третий профилактический подход базируется на анализе стратегий вандального поведения и использует их для внедрения просоциальной профилактической стратегии и активности. Фактически применяется принцип айкидо – энергия вандального поведения и его стратегема используется для просоциального поворота направленности вандального поведения в просоциальное русло (Симонова, 2019).

Ведущей идеей профилактики, на наш взгляд, является уменьшение или контроль экспрессии этиологических, детерминирующих факторов и факторов риска в актуализации, разворачивании и поддержании вандального поведения. Другими словами, «что нам угрожает, то нам и поможет».

Естественно, работать нужно только с тем, что можно объективировать, посчитать, учесть, измерить, сравнить. Как следствие, вероятнее всего сюда относится часть детерминант вандального поведения и факторы риска. Этиологические факторы в силу сложности их объективации в условиях учебного заведения весьма трудно включить в «программу профилактики».

I. Работа со средой и территорией

1. Постоянная уборка внешней и внутренней среды, поддержание порядка и эстетической привлекательности территории и пространства. Применение решений ландшафтного и интерьерного дизайна для эстетизации и удобства среды и территории.

2. Наличие постоянного социального и технического контроля среды и пространства. Недопущение на территории «слепых зон» для наблюдения или изолированных локаций со слабым контролем.

3. Наличие на территории и в пространстве заведения мест для отдыха, рекреации, досуговой коммуникации обучающихся.

4. Минимизация и контроль проникновения в территориальное и культурное пространство учебного заведения «меток» андеграундных культур и самих культур. За их обнаружением должно следовать их уничтожение, в способах и формах, не портящих культурное пространство учебного заведения.

5. Надлежащее исполнение правил, норм, распорядка, инструкций всеми участниками учебного процесса, включая технический персонал учебного заведения и его директорат.

II. Учет социальных и социо-экономических факторов

1. Минимизация в социальном пространстве школы признаков социального и материального расслоения населения.

2. Введение общих для всех правил поведения и учебного процесса.

3. Исключение из воспитательной политики методов, провоцирующих элитарность, кастовость, поддерживающих конкурентную борьбу, разделяющих учащихся на «элиту» и «лузеров».

4. Трансляция в пространстве учебного заведения однозначного толкования вандализма как деструктивного, антикультурного явления, без скрытого второго, тем более одобряемого смысла, например, как «формы творческого самовыражения».

III. Работа с семьей

1. Проведение с родителями просветительской и консультативно коррекционной работы по следующей, весьма обширной тематике, которую можно взять также из представленных таблиц 1–3:

- Разведенные родители и поведение детей.
- Последствия гипо- или гиперопеки родителями.
- Безнадзорность и поведение.
- Последствия нарушения привязанности к родителям.
- Пьянство родителей, особенно матери, в формировании поведения.
- Последствия для ребенка обесценивания института семьи родителями.
- Последствия для ребенка обесценивания института образования.
- Последствия конфликтных отношений с родителями.
- Отсутствие эмоционального обмена с родителями – последствия.
- Последствия жестокости родителей для ребенка.
- Последствия трансляции родителями вторичности ребенка.
- Последствия проявлений различных форм насилия для ребенка.
- Если спутаны понятия «добра» и «зла» – причины и последствия.
- К чему может привести фрустрация потребностей ребенка.
- О вреде трансляции норм андеграундной культуры.
- О вреде двойных стандартов поведения родителей.
- Авторитарный тип воспитания и его последствия.
- Неустойчивый тип воспитания и его последствия.

IV. Аналитико-диагностическое направление деятельности

1. Разработка, апробация и внедрение методов диагностики девиантных (деструктивных, самодеструктивных) форм поведения.

2. Диагностика состояния механизмов саморегуляции поведения и аффектов, фрустрированности и дезадаптированности.

3. Разработка критериев и чек-листов для регистрации лиц группы риска.
4. Выявление таких лиц в учебном заведении.

V. Проведение консультативно-коррекционной работы со всеми обучающимися по следующей тематике, которую можно взять также из представленных таблиц 1–3:

- Авантюризм.
- Агрессивность и проявления агрессии.
- Асоциальная направленность личности.
- Ведомость поведения, зависимость от случайных факторов.
- Восприятие социальной среды как враждебной.
- Враждебность.
- Гедонистические установки и мотивы поведения.
- Дисфории, злобность, мстительность, завистливость.
- Жестокость.
- Завоевание статуса внутри группы.
- Завышенная, заниженная или амбивалентная самооценка.
- Избегание трудности и ответственности.
- Инфантилизм, инфантильные копинг-стратегии.
- Комплексы неполноценности различной модальности.
- Консервативная и травматичная привязанность к прошлому.
- Конфликтность.
- Конфликтогенность.
- Месть.
- Неспособность определить границы своего «Я».
- Неусвоенность морально-этических норм.
- Низкая способность к саморефлексии.
- Низкий порог фрустрационной устойчивости.
- Ослабленность самоконтроля поведения и воли.
- Ослабленный контроль эмоций, импульсивность.
- Осмысление «Я», как сгустка конфликтных личностных смыслов.
- Отсутствие навыков здоровой коммуникации.
- Перфекционизм, нарциссизм, чувство своей исключительности.
- Потребность в самодемонстрации.
- Пренебрежение социальными ценностями и авторитетами.
- Примитивизм потребностей, потребительство.
- Протест.
- Радикализм и экстремизм оценок событий.
- Самовыражение.
- Слабая способность к систематизации, организации, планированию.
- Смысловая изолированность самосознания и поступков.
- Снятие аффективного напряжения.
- Сопrotивление культурному давлению.
- Социальная (школьная) дезадаптированность.
- Социальная оппозиционность.
- Сплин, скука.
- Стремление «быть причиной вещей и событий».
- Стремление выходить за рамки табуированного, нарушение норм.
- Стремление к социальной самоизоляции и уходу в андеграунд.

- Фаталистическая оценка настоящего и будущего.
- Эгоизм.

В качестве удобного подспорья для оценки эффективности проводимой профилактической и коррекционной работы мы можем предложить систему оценки социальной направленности, включенности и социальных стратегий личности, уже давно применяемых в отношении различных страт населения (Смирнов, 2014).

Таблица 3. Оценка степени социальной включенности и направленности

Table 3. Social inclusion and orientation assessment

Компоненты	Проявления	Фиксация наличия
Когнитивный	Соблюдение норм и границ	
	Нарушение норм и границ	
Регуляторный	Самоконтроль поведения	
	Ведомость, импульсивность поведения	
Реляционный	Отсутствие конфликта с социальной средой	
	Перманентный конфликт с социальной средой	
Интенциональный	Социальная включенность	
	Социальная оппозиционность, протестность, андеграунд	
Суфициарный	Принятие культурного давления	
	Сопrotивление культурному давлению	
Коммуникативный	Комфортность	
	Конфликтность	
Аффективный	Жизнерадостность	
	Тоскливость (дисфоричность)	
Квотиент социальной направленности		
Индекс социальности		

Наличие того или иного проявления (в поведении, деятельности, внешности, досуге, активности, коммуникации и т. п.) фиксируется как один балл. Позитивное и негативное проявления в пространстве одного компонента могут присутствовать одновременно в любом компоненте – всего 7 просоциальных и 7 асоциальных точек. Квотиент социальной направленности понимается как отношение суммы просоциальных проявлений (ПП) к сумме асоциальных проявлений (АП): $КСН = (\Sigma ПП) / (\Sigma АП)$.

$КСН < 1$ указывает на низкую эффективность коррекционной работы, доминирование опасностей над просоциальными проявлениями, при этом зафиксированные асоциальные проявления указывают на источники проблем, просоциальные – на потенциально ресурсные области, где требуется усиление психолого-педагогической работы.

$КСН = 1$ указывает на достаточную эффективность социализации девианта в ходе профилактической или коррекционной работы, у которого опасности и просоциальные устремления находятся в динамическом равновесии, но его поведение все еще определяется внешней ситуацией и может зависеть от случайных факторов, определяться «тем, кто рядом, или тем, что вокруг» – требуется сопровождение.

КСН > 1 указывает на эффективность коррекционной и профилактической работы. Просоциальные проявления доминируют над опасностями, но асоциальные проявления могут рассматриваться как источники потенциальных проблем.

Можно использовать и более аппроксимированную единицу замера – индекс просоциальности поведения (ИПП), понимаемый как отношение суммы просоциальных проявлений (Σ ПП) к сумме всех проявлений (Σ ПП + Σ АП) и выраженное в процентах: $\text{ИПП} = (\Sigma\text{ПП}) / ((\Sigma\text{ПП}) + (\Sigma\text{АП})) \times 100\%$. Применение этой системы оценки на разных strataх населения (криминальные, аддиктивные, патологичные, девиантные, суицидальные, одаренные) дало следующие нормы:

- выражено просоциальные, социализирующиеся – 53 % – 100 %;
- нормативные, социально адаптированные – 47 % – 52 %;
- социально дезадаптированные и опасные – 35 % – 46 %.

Таким образом, представленный материал уточняет и систематизирует изучаемые этиологические факторы, факторы риска и маркеры девиантного вандального поведения, подтверждает, что вандализм является результатом действия многих случайных слабо взаимосвязанных факторов, но их суммарное одновременное взаимодействие определяет устойчивость явления. Различные формы вандального и иного девиантного поведения обнаруживают общность форм, симптоматики, синдроматики и детерминации. Выделена и описана неосознаваемая мотивация вандального поведения, типология репрезентантов вандального поведения и их экзистенциальная проблематика, раскрыты ведущие направления профилактической работы с обучающимися.

Список литературы

- Ананьин, О. Ю., Зуйкова, А. А. (2022). Предикторы вандального поведения у подростков. *Психология и педагогика служебной деятельности*, (3), 89–93. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-89-93>
- Барановский, Н. А. (2020). Научное знание этиологии антиобщественных явлений – основа эффективной социально-правовой системы их предупреждения. *Социологический альманах*, (11), 266–288.
- Видясова, Е. Н., Косова, Н. Н. (2016). Причины преступности несовершеннолетних и молодежи. *Вестник Уральского финансово-юридического института*, 1 (3), 14–17.
- Воробьева, И. В. (2012). Подростковый вандализм: мотивы и возможные личностные детерминанты. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, (9), 208–213.
- Воробьева, И. В. (2014). Субъектогенез и границы субъектности и их роль в формировании вандального поведения. В Л. А. Максимова (Отв ред.), *Конфликтogenность современности: монография* (стр. 102–118). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.
- Воробьева, И. В. (2020). Вандализм в образовательной среде как деструктивная активность субъекта. В Стратегические ориентиры современного образования: сборник научных статей (стр. 19–22). <https://doi.org/10.26170/Kso-2020-03>
- Гурова, О. В. (2021). Нарушения суверенности психологического пространства как детерминанта деструктивного поведения подростков. *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки*, 1 (55), 139–142. <https://doi.org/10.46845/2071-5331-2021-1-55-139-143>
- Гурова, О. В., Кружкова, О. В. (2017). Вандализм как деструктивная стратегия реализации субъектности подростка. *Педагогическое образование в России*, (3), 115–121. <https://doi.org/10.26170/po17-03-18>

- Дегтярева, И. И., Михалькова, О. А., Нефедова, Ю. Ю. (2020). Психолого-педагогическая работа по профилактике вандализма в подростковой среде. В *Интеграция науки, образования, общества, производства и экономики: материалы II Международной научно-практической конференции* (стр. 337–343). Уфа.
- Кириллова, Е. Б., Зуева, Е. Г. (2021). Прогнозирование девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей. *Российский девиантологический журнал*, 1 (2), 215–229. <https://doi.org/10.35750/2713-06222021-2-215-229>
- Киселев, Г. С. (1999). *Человек, культура, цивилизация на пороге III тысячелетия*. Москва: Наука.
- Константинова, М. А. (2021). Граффити и стрит-арт: от художественной практики к социальному действию. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, 2 (32), 94–107.
- Крайнов, А. Л. (2008). Феномен отчуждения как атрибут глобализации: социокультурный аспект. *Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 8 (2), 31–36.
- Кружкова, О. В., Девятковская, И. В. (2017). Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала. *Сибирский психологический журнал*, 63, 150–169. <https://doi.org/10.17223/17267080/63/11>
- Кружкова, О. В., Воробьева, И. В. (2020). Готовность к вандальному поведению учащихся: гендерный аспект. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, (3), 375–382. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-76>
- Кузнецов, А. Е. (2020). Социальная профилактика девиантного поведения подростков. *Научный электронный журнал Меридиан*, 9 (43), 401–408.
- Купченко, В. Е. (2017). Личностная типология подростков с учетом уровня делинквентного поведения. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*, 4 (60), 86–91. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2017.4.86-91>
- Мартынова, И. Р. (2016). Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. *Психология и право*, 6 (2), 41–56. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>
- Назарова, Н. Г. (2016). Оценка факторов, повышающих и снижающих риск агрессивного противоправного поведения у несовершеннолетних (обзор исследований). *Психология и право*, (6) 3, 89–103. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060308>
- Назаров, С. А. (2020). Социально-экономические причины, условия и факторы детерминации преступности в экономической сфере в современной России. *Russian Economic Bulletin*, 3 (2), 267–277.
- Печерцева, О. Н. (2020). Анализ социально-экономических детерминант преступности (на примере Челябинской области). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*, 20 (4), 7–13. <https://doi.org/10.14529/law200401>
- Прядеин, В. П., Чернышова, Е. В., Смирнов, А. В. (2022). Мотивация правонарушений у социально нормативных лиц: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Романова, Е. Н. (2013). Гендерные программы профилактики делинквентности несовершеннолетних (опыт американских исследований). *Научные проблемы гуманитарных исследований*, (1), 96–100.
- Русецкий, О. В. (2019). Сущность, формы, субъекты и детерминация коррупционного поведения. В И. В. Вегера (Ред.), *Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе: сборник статей*

- международной научно-практической конференции (В 2-х томах. Том 1, стр. 175–189). Новополюк: Полоцкий государственный университет.
- Симонова, И. А. (2019). Вандальные стратегии в информационном пространстве города как основа построения воспитательной работы с молодежью. В О. К. Позднякова (Ред.), *Воспитание в современном культурно-образовательном пространстве: сборник статей VII всероссийской научно-практической конференции* (том 7, стр. 183–186). Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет.
- Смирнов, А. В. (2006). Криминологический аспект применения психографологической диагностической методики «ГАЛС-2005». В *Проблемы активности и саморегуляции личности: сборник научных трудов* (стр. 137–151). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Смирнов, А. В. (2014а). *Психология аддиктивного поведения: монография*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Смирнов, А. В. (2014б). Оценка социальной направленности личности и перспективы ее применения. В *Инновации в современном мире: цели, приоритеты, решения: материалы международного научно-практического форума* (г. Екатеринбург, 22–25 апреля 2014 г., ч. 2, стр. 118–124). Екатеринбург: Издательство УИЭУиП.
- Углава, Я. М. (2019). Связь жизненной перспективы с антикоррупционной устойчивостью личности. *Гуманизация образования*, (4), 89–104. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2019-10046>
- Феткулов, А. Х., Интыкбаев, М. К., Бубербаев, Н. Д. (2017). Детерминанты уголовных правонарушений, совершаемых в сфере жилищного строительства республики Казахстан. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, (2–4), 104–106.
- Флорова, Н. Б. (2012). Семейные индикаторы риска аддиктивного поведения. *Современная зарубежная психология*, (3), 105–116.
- Юттнер, Ф. (2002). Судьбоанализ в выводах: Обзор пяти основных книг Леопольда Зонди (пер. с нем., А. В. Тихомиров). Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета.
- Szondi, L. (1972). *Lehrbuch der Experimentellen Triebdiagnostik*. Bern: Hans-Huber Verlag.
- Viding, E. M., Frick, P. J., Moffitt, T. E., & Plomin, R. (2008). Heritability of antisocial behaviour at 9: do callous-unemotional traits matter? *Developmental Science*, 11 (1), 17–22. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2007.00648.x>
- Viding, E. M. (2004). On the nature and nurture of antisocial behavior and violence. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1036 (1), 267–277. <https://doi.org/10.1196/annals.1330.017>
- Viding, E. M., Blair, R. J., Moffitt, T. E., & Plomin, R. J. (2005). Evidence for substantial genetic risk for psychopathy in 7-year-olds. *Child Psychol. Psychiatry*, 46 (6), 592–597. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2004.00393.x>
- Zuckerman, M. (2007). *Sensation seeking and risky behavior*. American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11555-000>

References

- Anan'in, O. Yu., Zujkova, A. A. (2022). Prediktory vandal'nogo povedeniya u podrostkov. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatelnosti*, (3), 89–93. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-89-93>
- Baranovskij, N. A. (2020). Nauchnoe znanie etiologii antiobshchestvennyh yavlenij — osnova effektivnoj social'no-pravovoj sistemy ih preduprezhdeniya. *Sociologicheskij al'manah*, (11), 266–288.
- Vidyasova, E. N., Kosova, N. N. (2016). Prichiny prestupnosti nesovershennoletnih i molodezhi. *Vestnik Ural'skogo finansovo-yuridicheskogo instituta*, 1 (3), 14–17.

- Vorob'eva, I. V. (2012). Podrozkovyy vandalizm: motivy i vozmozhnye lichnostnye determinanty. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities*, (9), 208–213.
- Vorob'eva, I. V. (2014). Sub"ektogenez i granicy sub"ektnosti i ih rol' v formirovanii vandal'nogo povedeniya. V L. A. Maksimova (Otv red.), *Konfliktogennost' sovremennosti: monografiya* (str. 102–118). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Vorob'eva, I. V. (2020). Vandalizm v obrazovatel'noj srede kak destruktivnaya aktivnost' sub"ekta. V *Strategicheskie orientiry sovremennogo obrazovaniya: sbornik nauchnyh statej* (str. 19–22). <https://doi.org/10.26170/Kso-2020-03>
- Gurova, O. V. (2021). Narusheniya suverennosti psihologicheskogo prostranstva kak determinanta destruktivnogo povedeniya podrozkov. *Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki*, 1 (55), 139–142. <https://doi.org/10.46845/2071-5331-2021-1-55-139-143>
- Gurova, O. V., Kruzhkova, O. V. (2017). Vandalizm kak destruktivnaya strategiya realizacii sub"ektnosti podrozkta. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, (3), 115–121. <https://doi.org/10.26170/pol7-03-18>
- Degtyareva, I. I., Mihal'kova, O. A., Nefedova, Yu. Yu. (2020). Psihologo-pedagogicheskaya rabota po profilaktike vandalizma v podrozkovoj srede. V *Integraciya nauki, obrazovaniya, obshchestva, proizvodstva i ekonomiki: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (str. 337–343). Ufa.
- Kirillova, E. B., Zueva, E. G. (2021). Prognozirovanie deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih pravonarushitelej. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1 (2), 215–229. <https://doi.org/10.35750/2713-06222021-2-215-229>
- Kiselev, G. S. (1999). *Chelovek, kul'tura, civilizaciya na poroge III tysyacheletiya*. Moskva: Nauka.
- Konstantinova, M. A. (2021). Graffiti i strit-art: ot hudozhestvennoj praktiki k social'nomu dejstviyu. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve*, 2 (32), 94–107.
- Krajnov, A. L. (2008). Fenomen otchuzhdeniya kak atribut globalizacii: sociokul'turnyj aspekt. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 8 (2), 31–36.
- Kruzhkova, O. V., Devyatovskaya, I. V. (2017). Organizacionnyj vandalizm: k probleme destruktivnogo povedeniya personala. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 63, 150–169. <https://doi.org/10.17223/17267080/63/11>
- Kruzhkova, O. V., Vorob'eva, I. V. (2020). Gotovnost' k vandal'nomu povedeniyu uchashchihsya: gendernyj aspekt. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, (3), 375–382. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-76>
- Kuznecov, A. E. (2020). Social'naya profilaktika deviantnogo povedeniya podrozkov. *Nauchnyj elektronnyj zhurnal Meridian*, 9 (43), 401–408.
- Kupchenko, V. E. (2017). Lichnostnaya tipologiya podrozkov s uchetom urovnya delinkventnogo povedeniya. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 4 (60), 86–91. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2017.4.86-91>
- Martynova, I. R. (2016). Sovremennye zarubezhnye napravleniya issledovanij faktorov riska protivopravnogo povedeniya u nesovershennoletnih. *Psihologiya i pravo*, 6 (2), 41–56. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>
- Nazarova, N. G. (2016). Ocenka faktorov, povyshayushchih i snizhayushchih risk agressivnogo protivopravnogo povedeniya u nesovershennoletnih (obzor issledovanij). *Psihologiya i pravo*, (6) 3, 89–103. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060308>
- Nazarov, S. A. (2020). Social'no-ekonomicheskie prichiny, usloviya i faktory determinacii prestupnosti v ekonomicheskoy sfere v sovremennoj Rossii. *Russian Economic Bulletin*, 3 (2), 267–277.

- Pecherceva, O. N. (2020). Analiz social'no-ekonomicheskikh determinant prestupnosti (na primere Chelyabinskoy oblasti). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 20 (4), 7–13. <https://doi.org/10.14529/law200401>
- Pryadein, V. P., Chernyshova, E. V., Smirnov, A. V. (2022). *Motivaciya pravonarushenij u social'no normativnyh lic: monografiya*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Romanova, E. N. (2013). Gendernye programmy profilaktiki delinkventnosti nesovershennoletnih (opyt amerikanskikh issledovanij). *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij*, (1), 96–100.
- Ruseckij, O. V. (2019). Sushchnost', formy, sub"ekty i determinaciya korrupcionnogo povedeniya. V I. V. Vegera (Red.), *Teoretiko-prikladnye voprosy razvitiya dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam na sovremennom etape: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (V 2-h tomah. Tom 1., str. 175–189). Novopolock: Polockij gosudarstvennyj universitet.
- Simonova, I. A. (2019). Vandal'nye strategii v informacionnom prostranstve goroda kak osnova postroeniya vospitatel'noj raboty s molodezh'yu. V O. K. Pozdnyakova (Red.), *Vospitanie v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve: sbornik statej VII vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (tom 7, str. 183–186). Samara: Samarskij gosudarstvennyj social'no-pedagogicheskij universitet.
- Smirnov, A. V. (2006). Kriminologicheskij aspekt primeneniya psihografologicheskoy diagnosticheskoy metodiki «GALS-2005». V *Problemy aktivnosti i samoregulyacii lichnosti: sbornik nauchnyh trudov* (str. 137–151). Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Smirnov, A. V. (2014a). *Psihologiya addiktivnogo povedeniya: monografiya*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Smirnov, A. V. (2014b). Ocenka social'noj napravlenosti lichnosti i perspektivy ee primeneniya. V *Innovacii v sovremennom mire: celi, priority, resheniya: materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma* (g. Ekaterinburg, 22–25 aprelya 2014 g., ch. 2, str. 118–124). Ekaterinburg: Izdatel'stvo UIEUiP.
- Uglava, Ya. M. (2019). Svyaz' zhiznennoj perspektivy s antikorrupcionnoj ustojchivost'yu lichnosti. *Gumanizaciya obrazovaniya*, (4), 89–104. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2019-10046>
- Fetkulov, A. H., Intykbaev, M. K., Buberbaev, N. D. (2017). Determinanty ugolovnyh pravonarushenij, sovershaemyh v sfere zhilishchnogo stroitel'stva respubliky Kazahstan. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, (2–4), 104–106.
- Florova, N. B. (2012). Semejnye indikatory riska addiktivnogo povedeniya. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, (3), 105–116.
- Yuttner, F. (2002). *Sud'boanaliz v vyvodah: Obzor pyati osnovnyh knig Leopold'a Zondi* (per. s nem., A. V. Tihomirov). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.
- Szondi, L. (1972). *Lehrbuch der Experimentellen Triebdiagnostik*. Bern: Hans-Huber Verlag.
- Viding, E. M., Frick, P. J., Moffitt, T. E., & Plomin, R. (2008). Heritability of antisocial behavior at 9: do callous-unemotional traits matter? *Developmental Science*, 11 (1), 17–22. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2007.00648.x>
- Viding, E. M. (2004). On the nature and nurture of antisocial behavior and violence. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1036 (1), 267–277. <https://doi.org/10.1196/annals.1330.017>
- Viding, E. M., Blair, R. J., Moffitt, T. E., & Plomin, R. J. (2005). Evidence for substantial genetic risk for psychopathy in 7-year-olds. *Child Psychol. Psychiatry*, 46 (6), 592–597. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2004.00393.x>
- Zuckerman, M. (2007). *Sensation seeking and risky behavior*. American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11555-000>

Информация об авторе

Александр Васильевич Смирнов – профессор кафедры общей психологии и конфликтологии Института психологии Уральского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, доцент.

About the author

Alexander V. Smirnov – Professor of the Department of General Psychology and Conflictology, Institute of Psychology, Ural State Pedagogical University, Dr. Sci. (Psy.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 30.04.2025

Одобрена после рецензирования 29.05.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted April 30, 2025

Approved after reviewing May 29, 2025

Accepted July 28, 2025

УДК 159.9:316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-204-223

Психоанализ личности преступника: ревизия подхода и оценка перспектив его применения

Юрий Миранович Антонян

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
antonyaa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0030-3031

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Аннотация

Актуальность исследования определяется необходимостью развития методологии криминальной психологии, повышения ее восприимчивости к индивидуальным особенностям личности преступника и, как следствие, повышения качества диагностической и коррекционной работы с криминогенными лицами. Теория психоанализа исходит из крайне спорного предположения о глубинной психической жизни, не осознаваемой ее субъектом, но побуждающей к совершению преступления. Не получив опытно-экспериментального подтверждения, психоаналитические идеи воплощаются в психологических подходах исследования правонарушителей и преступников, демонстрируя тем самым эвристический потенциал. **Целью** исследования является рассмотрение психоаналитической теории личности и методологии ее изучения в интересах совершенствования криминальной психологии. **Методы:** используется комплекс общенаучных методов работы с информацией – анализ и синтез применяются к положениям З. Фрейда и его последователей о структуре личности и функциям ее компонент, детерминирующим преступное и правопослушное поведение. Метод обобщения используется для определения психоаналитических идей и концепций личности преступника, представляющих интерес для развития криминальной психологии и нуждающихся в опытно-экспериментальной проверке. **Результаты:** проведен анализ психоаналитических представлений о структуре личности преступника. С опорой на зарубежные исследования описано развитие представлений о бессознательных инстинктах, побуждающих человека к совершению преступления, внутриличностных механизмах, сдерживающих и регулирующих их проявление. Приведена критика последователями З. Фрейда невротической, инфантильной и психотической концепций личности преступника. Раскрыты функции и состояния компонент личности, противодействующие асоциальным и преступным влечениям бессознательного, приведены сведения об их эмпирической проверке. Описана психоаналитическая трактовка чувства тревоги, предшествующей преступлению, вины, следующей за событием преступления.

Итогом исследования является обобщение функций и состояний внутриличностных структур, регулирующих противоправные поступки и способствующих правопослушному поведению. Результаты применимы для разработки методов диагностики, моделей психокоррекционной и психопрофилактической работы, сопряженной с их опытно-экспериментальной проверкой.

Ключевые слова

психоанализ преступника, личность преступника, бессознательные мотивы, иррациональная агрессия, серийные преступления, криминальная психология

Для цитирования: Антонян, Ю. М., Злоказов, К. В. (2025). Психоанализ личности преступника: ревизия подхода и оценка перспектив его применения. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 204–223. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-204-223.

Original paper

Psychoanalysis of criminal personality: revising the approach and assessing the prospects for its application

Yuri M. Antonyan

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Moscow, Russia)

antonyaa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0030-3031

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Abstract

The relevance of the research is determined by the need to develop the methodology of criminal psychology, to increase its sensitivity to the individual characteristics shaping criminal personality and, as a consequence, to improve the quality of diagnostic and correctional work with criminogenic individuals. The theory of psychoanalysis originates in the highly controversial assumption of a deep mental life remaining unconscious to its subject, but driving a person to commit a crime. With no sufficient experimental confirmation, psychoanalytical ideas are realised in psychological approaches concerning the study of offenders and criminals, thus demonstrating their heuristic potential. **The purpose** of the research is to determine the validity of psychoanalytic theory of personality and its methodology for improving criminal psychology. **Methods.** The research is based on a set of general scientific methods of working with information – analysis and synthesis are applied to psychoanalytic structure of personality and functions of its components that determine criminal and law-abiding behaviour. The method of generalisation is used to identify psychoanalytical ideas and concepts of criminal personality, that are of interest for developing criminal psychology and that require experimental verification. **Results.** Psychoanalytical ideas on the structure of criminal personality are analysed. Drawing upon foreign studies, the author examines the researchers' ideas on unconscious instincts driving a person to commit a crime, as well as intrapersonal mechanisms restraining and regulating their exteriorisation. Criticism of neurotic, infantile and psychotic

concepts of criminal personality by the followers of Z. Freud is provided. The functions and states of personality components counteracting antisocial and criminal impulses of the unconscious are revealed; the information on their empirical verification is detailed. The psychoanalytic interpretation of a person's anxiety preceding a crime, and the guilt following its commission is described. **The result of the research** is a generalisation of functions and states of intrapersonal structures that regulate unlawful acts and foster law-abiding behaviour. The findings are of practical importance for the development of diagnostic methods, models of psychocorrective and psychopreventive work, involving their experimental verification.

Keywords

criminal psychoanalysis, criminal personality, unconscious motives, irrational aggression, serial crimes, criminal psychology

For citation: Antonyan, Yu. M., Zlokazov, K. V. (2025). Psychoanalysis of criminal personality: revising the approach and assessing the prospects for its application. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 204–223. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-204-223.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования теории и методологии криминальной психологии в части изучения личности преступника. В настоящее время изучение личности преступника сосредоточено на выявлении свойств, которые могли бы способствовать совершению преступления и качеств, проявляющихся во взаимодействии с окружающими. Получившийся психологический портрет имеет описательно-характеризующее значение и используется для решения задач следственно-судебной стадии уголовного преследования. Следует признать, что он не имеет большого значения ни для исполнения наказания, ни для последующей постпенитенциарной probation. Еще менее он пригоден для предупреждения повторного совершения преступления субъектом, ранее уже обвинявшимся в противоправном деянии. Таким образом, психологический портрет преступника обладает скромными возможностями применения как в превентивной, так и профилактической работе с различными категориями населения.

В то же время для субъектов системы профилактики правонарушений, строящих свою работу на изменении отношений личности к преступлению, важно понимать глубинно-психологические факторы преступного поведения. Однако общепсихологическая методология их исследования, как и методы, не специфичные для изучения психологии преступника, не всегда позволяют раскрыть внутриличностные причины его совершения и условия, при которых субъект может отказаться от противоправного поступка ради правопослушного.

Научно-методическими причинами сложившейся ситуации, на наш взгляд, являются успехи социально-когнитивных наук и социальной психологии. Последние десятилетия в отечественной и зарубежной науке успешно развиваются социально-психологические теории личности преступника, фокусирующиеся на внешних, социально обусловленных и рациональных предпосылках преступления. Поскольку иррациональные и неосознаваемые причины преступления в данных концепциях ассоциируются с аномалиями психического развития, они изучаются методами клинической психологии. В результате без внимания оказывается область глубинных психологических причин преступления, укорененных в личности преступника, но не сводимых к аномалиям его психики. К их числу можно отнести такие формы неосознаваемого, как вытесненные переживания детства и юности, приобретенные привычки и выработанные автоматизмы (Антонян, 2015). Эти явления не всегда находят место в психологических характеристиках личности преступника, хотя составляют часть ее внутреннего мира, в той же мере влияющую на поведение, как и сознательные составляющие действий.

Учитывая, что данная область может представлять существенное теоретическое и прикладное значение для криминальной психологии, ее разработка видится нам актуальной научной задачей. Поскольку ее методологическим основанием может выступить психоаналитический подход к изучению личности, ревизия данного направления составляет сущность настоящей публикации.

Целью исследования является рассмотрение психоаналитической теории личности преступника и методологии ее изучения в работах З. Фрейда и его последователей.

Его содержанием выступает анализ теоретических взглядов основоположника психоанализа – З. Фрейда и его последователей на личность преступника. В обзоре авторы не затрагивают исторически близкие им теории личности, разработанные в психоаналитических школах К. Г. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма. Обсуждению подвергаются представления о личности преступника, изложенные в трудах З. Фрейда, а также его зарубежных последователей, ведущих работу с преступниками и правонарушителями.

Следует отметить, что личность преступника не была предметом специальных исследований З. Фрейда и проводилась им путем переноса клинического опыта в новое для него предметное поле¹. Кроме того, в работах его критиков неоднократно говорилось о невозможности эмпирического подтверждения психоаналитических причин преступного поведения, поэтому применение психоаналитического подхода к исследованию личности для криминальной психологии нуждается в эмпирической верификации, проведение которой требует осмысленной оценки предложенных идей. Вообще для криминальной психологии психоаналитический подход ценен возможностью изучения глубинных побуждений, влияющих на преступное поведение, но не признаваемых их субъектом – преступником (Антонян, 2015, 2020, 2024, 2025). Полагая, что понимание скрываемых мотивов противоправного поведения, равно как и механизмов их сдерживания, может способствовать предупреждению и профилактике преступлений, психоаналитические представления о личности преступника рассматриваются как теоретическое основание для их исследования.

Изложение материала в статье осуществляется последовательно, путем рассмотрения психоаналитических взглядов на сферу бессознательного и ее влияние на совершение преступления, на значение Эго в сдерживании инстинктов бессознательного, роль Супер-Эго в побуждении личности к правопослушному поведению. В завершении формулируются выводы о значении психоаналитических представлений для изучения личности преступника, намечаются направления проверки гипотез, возникших в процессе критической оценки теоретического знания Фрейда и его последователей.

Основным результатом статьи видится возвращение в исследовательское поле криминальной психологии психоаналитической теории в качестве методологии, дополняющей существующий инструментарий изучения личности преступника. Психоаналитический подход не исключает либо вытесняет, а уточняет и расширяет представление об индивидуально-психологическом комплексе причин преступления. Его применение актуализирует значение неосознаваемых мотивов для оценки личности преступника, полезно для осуществления психологической превенции и профилактики криминализации несовершеннолетних, а также лиц, ранее совершивших преступления.

Представление о бессознательном как причине преступления. С момента возникновения психоаналитической теории ее приверженцы стремились объяснить причины антиобщественного поведения.

¹ Вообще, следуя R. L. Goldstein, личности преступника посвящены лишь четыре работы З. Фрейда, две из которых имели теоретический характер, а две выполнялись по поручению суда и являлись судебными заключениями (Goldstein, 1983).

ственного и противоправного поведения личности. В ранний период развития психоанализа этот вопрос решался З. Фрейдом признанием противоправного поведения следствием нарушений функционирования психики, не позволяющих сдерживать проявление врожденных и неосознаваемых инстинктов. Поэтому содержащий их компонент был назван бессознательным личности.

Сфера бессознательного рассматривалась в психоанализе динамическим (энергетическим) компонентом психической жизни личности. Проявлениями бессознательного в поведении З. Фрейд считал примитивные влечения и импульсивные реакции, побуждающие к совершению преступлений из-за труднопреодолимого стремления к их удовлетворению. Возможности изучения бессознательного ограничены некоторыми проявлениями, преодолевшими барьер сознания, в числе которых отголоски подавленных психологических травм детства и вытесненные воспоминания, сопротивления и защиты, сны, ошибки и оговорки.

Поскольку бессознательное, по мнению З. Фрейда, руководствуется принципом удовольствия и нацелено на получение немедленного результата, любые задержки на этом пути повышают уровень внутриличностного напряжения. Не находя разрядки, они подталкивают личность к поиску удовлетворения во внешнем по отношению к бессознательному миру. Другая формируемая в момент рождения внутриличностная компонента – Эго – выполняет функцию подавления инстинктов бессознательного, так как обладает представлением об ограничениях и запретах, налагаемых внешним миром (обществом) на их удовлетворение. Описывая ее роль в преступном поведении в статье «Die „kulturelle“ Sexualmoral und die moderne Nervosität», З. Фрейд утверждал: «...наша цивилизация построена на подавлении инстинктов... Каждый индивид сдал... какую-то часть чувства всемогущества или агрессивных или мстительных наклонностей в своей личности... Человек, который, в силу своей непреклонной конституции, не может поддаться этому подавлению инстинктов, становится „преступником“, „преступником“ перед лицом общества...» (Freud, 1908).

В исходной психоаналитической модели личности преступник характеризовался неспособностью Эго противодействовать инстинктам бессознательного. Поскольку предполагается, что у преступника в силу разных причин Эго не выполняет функцию сдерживания, то инстинкты бессознательного прорываются в реальность в виде преступного деяния, а на стадии уголовного преследования не подвергаются полному осознанию. Так, в лекции «Психоанализ и установление фактов в судебном процессе» («Tatbestandsdiagnostik Und Psychoanalyse») З. Фрейд описывал преступника стремящимся избежать осознания информации, связанной с преступлением, и, как следствие, противостоящим не только следователю, но и собственному Эго (Freud, 1906). Поэтому, по мнению З. Фрейда, задачей криминального психолога выступает «...выявление комплексов, которые подавляются ... и оказывают признаки сопротивления, когда делается попытка ввести их в сознание» (Freud, 1906, p. 99). Показывая, насколько похожи подавляемые, но эмоционально яркие воспоминания у преступника на допросе и у невротика в ходе психотерапии, Фрейд отождествляет обоих субъектов. Следует отметить, что взгляды З. Фрейда на то, как бессознательное влияет на побуждение к преступлению, уточняются на всем протяжении его творчества. Если в его ранних работах личность преступника выступала аналогом невротической личности, то уже к 1905–1910 гг. причинами криминального поведения он называл недостатки психического развития (инфантильность и нарциссизм)². В завершающий период своей научной деятельности З. Фрейд выдвигал идею не просто недоразвития, а отсутствия у преступника опре-

² Так, в тот период наряду с моделью преступника, ассоциированного с большим истероидным неврозом, З. Фрейд описал криминальное значение связи нарциссизма с социопатией, характеризовал признаки асоциального расстройства личности (Albrecht, 2006).

деленных психических структур. Его последователи сформулировали это в высказывании о том, что преступление – симптом фундаментальных дефектов в сложной структуре личности преступника (Lukas, 1947).

Компонента	Функция	Значение
Мораль и совесть (Супер-эго) личности	Принуждение Эго к сдерживанию инстинктов бессознательного, соблюдению общественных норм	Переживание чувства тревоги и вины в связи с совершением преступления или его угрозой
Сознание (Эго) личности	Сдерживание бессознательного, противодействие репрессивному воздействию Супер-Эго	Блокирование поведения, нацеленного на удовлетворение инстинктивных побуждений
Инстинктивные побуждения (Бессознательное) личности	Получение удовольствия путем удовлетворения инстинктивных побуждений	Совершение преступления для удовлетворения собственных инстинктивных побуждений

Рис. 1. Психоаналитическое представление о внутриличностных компонентах, их функциях и значении для детерминации и контроля криминального поведения

Fig.1. Psychoanalytic concept of intrapersonal components, their functions and significance for the determination and control of criminal behavior

Вслед за описанием криминогенной роли бессознательного в психоаналитической периодике поднимаются вопросы применимости концепций невротической и инфантильной личности для изучения преступника. Относительно невротической личности, полагаем, верным будет согласиться с F. Alexander, не поддерживающим теорию сходства невротической личности и личности преступника. Он писал, что в отличие от истинных невротиков, растрачивающих свою энергию в бездействии, преступники живут активной и насыщенной событиями жизнью; им присущ антиобщественный способ воплощения инстинктов, в отличие от невротиков, выбирающих фантазийно-аутический способ. Наконец, в условиях социального контроля им не свойственно выбирать замещающее удовлетворение, напротив, они строят свое поведение, руководствуясь асоциальными влечениями (Alexander, 1930).

Концепция инфантильной личности имеет хорошую эмпирическую поддержку и признается рядом последователей З. Фрейда. В частности, отмечается, что преступнику свойственны симптомы заторможенного психологического развития, проявляющиеся в аморальности, хитрости, тщеславии, импровизации. В определенной степени он остается ребенком всю свою жизнь, физически зрелым, но с сильно развитой способностью творить зло (Aragno, 2014). Кроме того, к психоаналитическому представлению об инфантильности как неспособности Эго преступника сдерживать инстинкты бессознательного близка клинически обоснованная концепция психопатической личности.

Накопление психотерапевтического опыта способствовало разработке З. Фрейдом проблемы переживания личностью внутриличностного конфликта, вызванного одной из стадий психосексуального развития личности. В работе «Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit» им вводится ключевое для психоанализа положение об обусловленности преступлений особым внутриличностным переживанием, названным им комплексом Эдипа (Albrecht, 2006; Dukes, 1946; Levinson, 1952). Изучая лиц, совершивших иррациональные поступки

в ответственные моменты жизни, З. Фрейд установил, что его клиенты совершали преступные действия (мошенничества, кражи, поджоги), стремясь облегчить этим переживание чувств тревоги и вины. Один из учеников З. Фрейда Е. Glover также отмечал, что преодоление Эдипова комплекса личностью осуществляется совершением антиобщественных действий, позволяющих субъекту получением наказания избавиться от негативных переживаний, длящихся с раннего детства (Glover, 1952). Мнение З. Фрейда разделяли его американские последователи, утверждавшие, что ожидание изобличения и следующего за ним процесса уголовного преследования успокаивает внутренние переживания преступника (Fitzpatrick, 1976). Важно оговориться, что современными исследователями подвергается сомнению и существование Эдипова комплекса, равно как и связанные с ним эмоциональные реакции (Kupfersmid, 1995).

Однако не только преступление выступало иррациональным способом преодоления негативных переживаний, вызванных Эдиповым комплексом. D. J. Levinson предлагал отличать тех, кто «преступен из чувства вины», от тех, кто «совершает преступления без какого-либо чувства вины» (Levinson, 1952). Различие между ними в том, что первые совершают преступления, стремясь вытеснить чувство вины путем получения наказания в любой его форме – от общественного порицания до уголовного осуждения, тогда как другие не переживают чувство вины, однако действуют в ущерб себе, наказывая себя определенным действием либо бездействием (запрещая устраиваться на работу, образовывать семью и т. д.).

Вместе с тем З. Фрейд не был склонен воспринимать предложенную им концепцию Эдипова комплекса в качестве мотива преступления. Так, в своем заключении о психическом состоянии студента Ф. Хальсмана, обвиняемого в убийстве отца («Das Fakultatsgutachten im Prozess Halsmann»), он утверждает, что после формирования Эдипов комплекс оказывает постоянное влияние на личность, поэтому его наличие не следует рассматривать в качестве основания для принятия решения о виновности либо невиновности, а опираться на юридически значимые доказательства (Freud, 1931/1971).

Завершая рассмотрение концепции бессознательного как причины преступления, подчеркнем, что с момента ее появления по настоящее время не были получены опытно-экспериментальные данные, подтверждающие правоту или ошибочность ее положений. Отсутствие доказательств вызвано невозможностью операционализации неосознаваемых инстинктов, диагностики их влияния на преступное поведение. Психоаналитические представления о невротической, инфантильной личности преступника учитывались при разработке методов диагностики психических нарушений в клинической психологии и психиатрии, не получив своего воплощения в психоанализе. Следует отметить, что и сам Фрейд, разрабатывая архитектуру внутреннего мира личности, в большей мере сосредотачивался на Эго, рассматривая его единственной инстанцией, ограничивающей удовлетворение преступных побуждений бессознательного.

Роль сознания (Эго) представлена З. Фрейдом для объяснения возможностей личности сдерживать побуждения бессознательного тогда, когда удовлетворение его инстинктов запрещено обществом. Отметим, что представление о воздействии Эго на бессознательное претерпело несколько изменений, отчасти из-за проводимой модернизации психоаналитической теории с накоплением клинического и консультативного опыта, отчасти под влиянием критики современников. Об этом можно судить по взглядам на содержание Эго и его функции, свойственным самому З. Фрейду и его последователям.

Если на заре развития психоаналитической теории преступники рассматривались с учетом нарушенного баланса отношений между бессознательным и сознанием, то последователи Фрейда различают преступников, основываясь на функциональном значении каждой подструктуры личности (Alexander, 1961; Fenichel, 1934; Lacan, 2001). В результате выделяются:

- преступники, у которых в силу органических причин не сформирован механизм сдерживания бессознательного (психопатические преступники);
- «подлинные» преступники (с дисфункциональным Эго);
- преступники с «преступным Супер-Эго» (которые с психоаналитической точки зрения нормальны, но подвержены влиянию социального окружения);
- случайные преступники.

Считая ключевой функцией Эго противодействие противоправным побуждениям бессознательного, З. Фрейд и его последователи описывали различные варианты выполнения этой задачи. Обобщая, можно сказать, что Эго контролирует инстинкты бессознательного несколькими способами: 1) сдерживая удовлетворение инстинкта до наступления наиболее безопасного для этого момента, но вступая в компромисс с бессознательным; 2) запрещая удовлетворять инстинкт, но компенсируя это чем-либо; 3) перестраивая Эго через его адаптацию к внешнему миру.

Рассмотрим подробнее каждую из стратегий.

1. Сдерживание выражается в допущении бессознательных побуждений в реальность в определенный момент. Психоаналитические позиции относительно возможности сдерживания условно можно подразделить на радикальную, предполагающую, что преступник, в отличие от правопослушной личности, не способен контролировать бессознательное, и сбалансированную, допускающую, что преступник может сдерживать бессознательные инстинкты, но в условиях психологической терапии. В частности, G. Dykes полагает, что примитивные инстинкты, которые у преступников остаются неконтролируемыми, в определенной мере существуют в бессознательной части разума всех индивидов (Dykes, 1946). Конечно, сбалансированный подход более рационален, чем радикальный, поскольку не считает преступников особым типом людей, неисправимым в силу своего психического развития. Компромисс между Эго и бессознательным, допускающий частичное или полное удовлетворение инстинктов, психоаналитически объясняется О. Fenichel тем, что само Эго «поражено» и вследствие этого вовлечено в удовлетворение инстинктов. Пример – психологическая перестройка личности, подверженной определенным зависимостям (наркотической, игровой, любовной и пр.). О. Fenichel описал две формы поведения таких лиц: 1) импульсивное и яркое проявление, которое свойственно людям с эксцентрическим, иррациональным и непоследовательным поведением; 2) длительное и слабое проявление, выражающееся в инфантилизме, бесполезных формах поведения в жизненно важных вопросах, предрассудках, ограничивающих общение и взаимодействия, повторении ситуационных трудностей (Fenichel, 1934).

2. Запрещение удовлетворять инстинкты бессознательного со стороны Эго выражается в удержании бессознательных побуждений от прорыва в реальность. Наложение запрета сопровождается внутриличностным напряжением, формы разрядки которого по-разному рассматриваются в психоанализе.

Высвобождение инстинктов в сознании выражается в виде снов, фантазий, оговорок, тогда как при сильном их подавлении проявляется в симптомах психических заболеваний и преступном поведении (Alexander, 1930). Поскольку запрещение сопровождается комплексом репрессивных действий (вытеснением, сублимацией, проекцией и пр.), в психоанализе была разработана концепция психологических защит – стратегий, посредством которых Эго преодолевает внутриличностные конфликты и напряжения (Bailey & Pico, 2023). Следует подчеркнуть, что отсутствие эмпирических подтверждений количественных различий в психологических защитах на выборках преступников не позволяет оценивать валидность и надежность положений данной концепции.

3. Перестройка Эго в процессе адаптации к внешнему миру. Данная функция разрабатывалась последователями Фрейда на основе его взглядов на внутриличностные механизмы сдерживания бессознательного со стороны Эго. Следуя Н. Hartman, вектором перестройки Эго является переход от принципа удовольствия к принципу реальности (Hartmann, 1958). Однако процесс перестройки в силу разных причин может завершиться неудачей, что повлечет за собой усиление конфликта с бессознательным и повышение риска противоправного поведения.

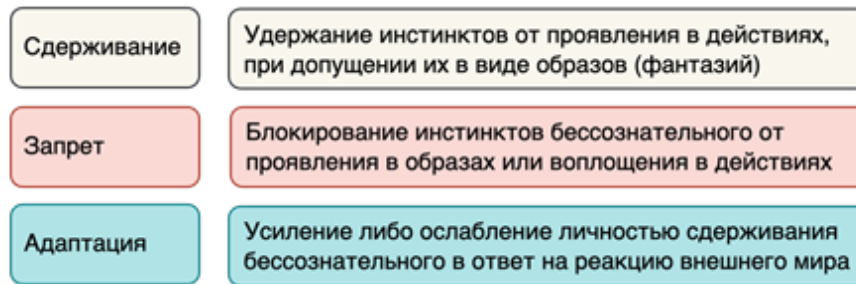

Рис. 2. Психодинамические представления о стратегиях сознательного контроля личностью (Эго-контроля) криминального поведения

Fig. 2. Psychoanalytic concepts of strategies of conscious control of personality (Ego-control) of criminal behavior

Могут быть описаны несколько стратегий перестройки организации личности со стороны Эго:

– деструктивное поведение, вызванное неспособностью Эго адаптироваться к внешнему миру для удовлетворения бессознательных побуждений. Невозможность создания подходящей психосоциальной реальности ослабляет Эго, проявляясь в иррациональных реакциях саморазрушения (неврозе) и / или агрессии в отношении социального окружения (психозе и криминальном поведении). По мнению F. Alexander, различия между невротической и преступной формами поведения объясняются результатом подавления Эго со стороны совести. В случае успешного подавления Эго возникает невроз, а при неудаче, в которой совесть и мораль не могут влиять на Эго, исходом является преступное поведение или психоз (Alexander & Staub, 1956);

– криминальное поведение, вызванное незрелостью Эго из-за нарушений социализации, возникших на разных этапах детского развития. Криминальные последствия нарушений социализации исследованы А. М. Johnson и S. A. Szurek, которые эмпирически подтвердили связь иррациональных влечений родителей с антиобщественным поведением детей (Johnson & Szurek, 1952). Исследователи пришли к выводу, что реакции родителя удовлетворялись ребенком путем подражания его поведению (викарному научению). Как следствие, аморальность матери воспроизводилась неразборчивостью дочери в сексуальных отношениях, а импульсивное присвоение отцом вещей членов семьи выражалось в кражах, совершаемых его сыном.

Завершая, отметим, что психодинамическое представление о роли Эго в противодействии преступному поведению имеет два основных направления: психодинамическое, раскрывающее значение Эго в сдерживании противоправных инстинктов бессознательного, и психогенетическое, описывающее условия формирования Эго на разных этапах развития личности.

В наши дни оба направления Эго-психологии являются наиболее эмпирически обоснованными частями психодинамического представления о личности преступника. Однако их появ-

ление в начале XX в. в виде идеи о возможности сознательного контроля преступником своего поведения вызывало возражения у криминальных психологов того времени. Причиной критической реакции отчасти являлась неготовность научного сообщества признать преобладание сознания преступника над его бессознательным, отчасти была обусловлена уязвимостью самой идеи контроля бессознательного со стороны сознания, первоначально представленного в качестве «моста» между врожденными иррациональными инстинктами и внешним миром. По этой причине предложенное З. Фрейдом внутриличностное образование, принуждающее Эго к противостоянию бессознательному посредством тревоги и вины – Супер-Эго, не только сняло критические вопросы, но и открыло новые перспективы применения психологических методов для предупреждения и профилактики преступлений.

Роль Супер-Эго в поддержании правопослушного поведения. Для криминологического сообщества на рубеже XX в., вдохновленного идеями Ч. Ламброзо, личность преступника выступала психически неразвитой с точки зрения своей организации и целостной в своей антиобщественной направленности. Вводя представление о Супер-Эго, З. Фрейд не только заложил основы новой теории психологии преступника, в которой компоненты личности взаимно влияют друг на друга, но и допустил возможность корректирующего психологического воздействия, отличающегося от применявшихся в пенитенциарной практике того времени. Таким образом, благодаря психоанализу и личность преступника, и методы воздействия на нее приобретали новое, психологическое измерение, в разработку которого вовлеклись многие направления и школы.

Концепция Супер-Эго как морального регулятора поведения личности была сформирована З. Фрейдом на раннем этапе развития психоаналитической теории. Несмотря на то что в течение последующих лет Фрейд неоднократно ее пересматривал, все более переходя от психологического контекста к философско-религиозному, большинство криминальных психологов и криминологов обращается к ее первоначальному варианту как базовому объяснению правопослушного поведения личности (Freud, 1965).

Супер-Эго описывалось З. Фрейдом как внутриличностное образование, побуждающее Эго к противодействию бессознательным инстинктам. Необходимость его, по мнению Н. Nunberg, объясняется тем, что изначально Эго нечувствительно к провокациям бессознательного, соответственно именно Супер-Эго побуждает личность к правопослушному поведению (Nunberg, 1942). При этом Супер-Эго является наиболее «социальной» компонентой структуры личности, возникающей позже других образований. Развитие Супер-Эго происходит в раннем детстве в процессе взаимодействия с родителем и, как утверждает З. Фрейд, формируется путем интернализации роли родителя одного с пола с ребенком, переноса функции родительского контроля внутрь личности. Влияние Супер-Эго на правопослушное поведение выражается в его воздействии на Эго через формирование сильной тревоги, предшествующей противоправному поступку, а также в переживании вины при размышлении о наказании за его совершение.

Такое воздействие в психоанализе объясняется с нескольких позиций: а) внутриличностной, показывающей как ребенком преодолевается комплекс Эдипа; б) межличностной, связанной с отношением родителей к ребенку и социальными условиями его жизни в детстве (Miller, 2003).

Внутриличностный контекст наиболее глубоко разработан основоположниками французской психоаналитической криминологии (Lacan, 1996; Lagache, 1993). Согласно их теории, представление об уголовном наказании связано с репрезентацией в сознании личности закона, санкций и интересов других людей (Lacan, 1996). Поскольку санкции за нарушение закона ожидаются от других людей, отношение демонстрирует экстернализацию функций Супер-

Эго, формирование которых происходит в период переживания комплекса Эдипа. Ненормальное разрешение внутриличностного конфликта, вызванного Эдиповым комплексом, проявляется в безразличии к закону и наказанию за его нарушение, обесцениванию других людей (De Masi, 2020). Фактически оно свидетельствует о снижении способности Супер-Эго влиять на Эго и ослабляет возможности Эго по противодействию инстинктам бессознательного.

При нормальном разрешении Эдипова комплекса формируется Супер-Эго, обладающее достаточными возможностями для сдерживания бессознательного, не ослабленное, но и не склонное к тиранически-садистскому подавлению Эго. Критерием различения между слабостью и нормальным развитием Супер-Эго является соблюдение границы между символическим и реальным действием. Исследование S. J. Costello насильственных и садистских преступников показывает, что этап фантазирования может продолжаться сколь угодно долго, однако переход от фантазирования или инсценировки к воплощению действий в реальности указывает на неспособность Супер-Эго противостоять бессознательному (Costello, 2018).

Следует подчеркнуть, что слабость Супер-Эго является ключевым, но не единственным фактором, побуждающим к противоправному поведению. Репрессивное влияние Супер-Эго также способствует совершению криминальных деяний, поскольку, как отмечает Е. И. Мегаргее, порождение им чувства тревоги и вины может перерасти в самообвинение и выразится в совершении преступления (Megargee, 1966). Негативным следствием избыточного контроля над поведением может стать невозможность Эго использовать механизмы психологических защит (например, в виде сублимации, проекции), что также порождает накопление агрессивных и сексуальных побуждений с риском внезапной разрядки.

Межличностный контекст, влияющий на формирование Супер-Эго и его функций, разрабатывался также последователями З. Фрейда. В частности, отмечалось, что на формирование Супер-Эго оказывает влияние поведение родителя противоположного пола, равно как и значение семьи и социального окружения. Асоциальное поведение родителя в семье, как и его отсутствие, снижают возможности для развития Супер-Эго. Одним из ранних эмпирических подтверждений этого предположения являются выводы R. Bowlby о характерном для несовершеннолетних преступников нарушении отношений с матерью и практически отсутствие таковых проблем у правопослушных несовершеннолетних (Bowlby, 1944).

Криминальное значение нарушений формирования Супер-Эго описано J. M. Murray. В его трактовке развития Супер-Эго важным результатом межличностных взаимоотношений выступает построение образа Эго-идеала (идеального Я), представляющего цель жизненного развития для личности (Murray, 1964).

Первоначальный вариант Эго-идеала имеет нарциссический характер и фантазийное содержание, однако в процессе социального развития подросток должен сформировать рациональный Эго-идеал, основывающийся на оценке способностей и возможностей. Согласно мнению J. M. Murray, преступное поведение является не столько асоциальным, сколько психологически дезадаптированным. Фактически оно представляет собой попытку личности, имеющей противоречащий социальной реальности Эго-идеал, приспособиться к условиям общества (Murray, 1964). D. Lagache также приходит к выводу о том, что преступникам свойственен инфантильный Эго-идеал (Lagache, 1993) и невозможные с точки зрения общества способы его достижения. Поэтому психологическая работа по трансформации Эго-идеала, в том числе посредством реидентификации (освоения новых социальных ролей), позволяет осужденным возобновить социальную жизнь после освобождения из мест лишения свободы, а также избавиться от внутриличностного конфликта (Wyse, Harding, & Morenoff, 2014).

Завершая характеристику роли Супер-Эго в поддержании правопослушного поведения личности, отметим, что при ее достаточной теоретической разработанности она не является завершенной. Более того, психоаналитические представления о Супер-Эго на всем протяжении XX в. уточняются в связи с развитием концепций объектных отношений и Эго-психологии, критикуются исследователями криминального поведения. Следует согласиться с мнением S. S. Asch о том, что наличие у взрослого человека полностью развитого и абсолютно стабильного Супер-Эго не гарантирует ведения им правопослушного образа жизни (Asch, 1974). Таким образом, рассмотрение этой внутриличностной компоненты, равно как и абсолютизация значения совести и морали, не должна рассматриваться в отрыве от других компонент личности преступника.

Интерпретация и выводы

Психоаналитическая теория на рубеже XIX–начала XX вв. предоставляла зарождавшейся криминальной психологии многообещающую методологию изучения личности преступника. Однако уже к середине XX в. ее популярность снизилась, уступив место социально-поведенческим и социально-когнитивным теориям. Предположения о бессознательных инстинктах как причине преступления, о свойственных личности преступника внутриличностных конфликтах, о значении Эго и Супер-Эго в регуляции правопослушного поведения не только не получили объективного подтверждения, но даже не были полностью операционализированы.

Основной причиной угасания научной значимости психоаналитического подхода являлось то, что все выполняемые исследования базировались на методологии качественного исследования, в которой предмет изучения устанавливался самим исследователем, значащее и означающее подменяли друг друга, а воспроизводимость результатов уступала их толкованию (Fenichel, 1934; Glover, 1952; Goldstein, 1983). В результате сам З. Фрейд был вынужден признать множественность и противоречивость трактовок его подхода (Freud, 1947). Отсутствие количественной методологии измерения не позволяло верифицировать гипотезы, перейти к описательным методам измерения, оценивать состоятельность выводов. Но наряду с недостатками психоанализа в отношении личности преступника следует отметить, что исследователи, критически переосмыслившие его положения, достигли определенных успехов. Так, идея о значении Эго и Супер-Эго в побуждении к правопослушному поведению была развита в теориях психологических защит А. Фрейд (Freud, 1937), концепциях эго-контроля R. Hogan (Hogan, 1970) и эго-идеала J. Lagache (Lagache, 1993).

Кроме того, ко второй половине XX в. отдельные психоаналитические идеи получили эмпирическую поддержку на выборках преступников и осужденных и легли в основу переосмысления практики работы с ними.

Психоаналитические идеи о невротической и инфантильной личности преступника не получили подтверждения, однако представление о тревоге как эмоции, сопровождающей преступление, используется для ревизии криминологической методологии (Robinson & Gadd, 2015); представление о вине успешно применяется в психотерапевтической работе с осужденными (Hoffmann & Kluttig, 2006).

Представление о внутриличностной регуляции поведения получило применение в психодиагностике подозреваемых, обвиняемых и осужденных. В частности, исследователями диагностируются невротические, Эго-дефицитарные (неспособные подавлять инстинктивные импульсы), Супер-Эго-дефицитарные (психотические), с искаженными или неудовлетворенными потребностями в привязанности) (Brody & Rosenfeld, 2002; Costello, 2018; Wulach, 1983).

Психоаналитический подход повышает эффективность исполнения функций пробации в части взаимодействия с осужденными и членами их семей. Как отмечает D. Smith, способ-

ность сотрудника службы пробации в индивидуальном консультировании распознавать переживания глубинной тревоги и вины положительно сказывается на побуждении к правоопослушному поведению (Smith, 2006).

В целом в сравнении с иными научно-психологическими подходами к личности преступника эмпирическая составляющая психоаналитической методологии оказалась слабее (Fitzpatrick, 1976), однако, как показывает анализ исследовательской практики, ее эвристические возможности для криминальной психологии еще не исчерпаны.

Анализ зарубежных криминологических исследований показал, что доминирующая в настоящее время количественная методология изучения личности преступника не позволяет установить индивидуальные особенности, способствовавшие совершению преступления. Так, психологические профили, полученные с помощью базовых психодиагностических опросников у лиц, совершивших различные виды уголовных преступлений, практически не отличаются друг от друга. Конечно, в определенной мере выборка преступников дифференцируется от правоопослушных лиц, однако задачи предупреждения преступлений, профилактики их совершения ранее судимыми лицами не могут решаться без специализированной диагностики. В связи с этим целесообразно обратиться к психоаналитическим идеям о внутриличностном конфликте между побуждением к преступлению и его сдерживанием. Операционализация глубинных механизмов, вовлеченных в этот процесс, равно как и изучение психологических состояний, предшествующих преступлению и переживаемых после его совершения, может восполнить недостатки современных подходов к изучению личности преступника.

3. Психоаналитические представления о внутриличностных особенностях преступника

Fig. 3. Psychoanalytic concepts of intrapersonal characteristics of a criminal

Какие психоаналитические идеи о личности преступника могут являться перспективными? Учитывая результаты многолетних исследований зарубежных авторов, следует выделить концепцию Эго, существенно переосмысленную во второй половине XX в. представителями французской школы психоанализа. Его последняя ревизия показывает Эго не просто проводником инстинктов бессознательного во внешний мир, а сложным механизмом регуляции преступного поведения, чья структура и функции формируются на всех этапах развития личности, а динамика процессов способствует сохранению и восстановлению Эго.

Полезным для изучения преступного поведения могут обладать функции Эго. В их числе дискриминативная функция Эго, которая у лиц, склонных к криминальному насилию, проявляется в неспособности к ограничению фантазий внутреннего мира от внешней реальности

(Hacker, 1962), а также синтетическая функция Эго, представляющая собой способность личности формировать образы и фантазии, помогающие снизить риск проявления бессознательных влечений путем их внутриличностной психической проработки (Anastasopoulos, Lignos, & Waddell, 1999). Не менее актуальной является научная разработка функций Эго-контроля над социальным поведением. Уровень Эго-контроля влияет на выбор правопослушного или противоправного образа жизни, позволяет дифференцировать криминогенных лиц, склонных к садистскому насилию, корыстным преступлениям (Laufer, Johnson, & Hogan, 1981). Результаты исследования трансформаций контроля над социальным поведением со стороны изменяющегося Эго также показывают перспективность его изучения у подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (Laws, 2020).

Новые возможности может предоставить диагностика состояний Эго, связанных с совершением преступления и осмыслением его последствий, поэтому перспективным выступает изучение психологии вины, форм ее переживания и проявления. Признание вины (в том числе раскаяние) подразумевает отказ субъекта от противоправного поведения. Однако демонстрация вины не обязательно связана со стремлением к правопослушному образу жизни, она может быть вызвана цинично-утилитарным отношением к закону и обществу, стремлением избежать наказания или уменьшить его негативные последствия. Очевидно, что недостаток психологических методов диагностики вины не позволяет решать задачи предупреждения и профилактики преступлений. Наряду с психодиагностикой вины криминогенным потенциалом обладает чувство тревоги, вызванное угрозой Эго. Сюда относятся угроза самооценке (оскорбление), угроза разрыва отношений с определенным объектом или его потеря (развод, убийство родственника), дестабилизация Эго вследствие разрушения эго-идеала и деморализации (жизненный кризис) (Brody & Rosenfeld, 2002; Dorfman & Zlokazov, 2016).

Не исчерпаны возможности операционализации психоаналитической концепции нарушений социализации как причины преступного поведения, к которым относится изучение внутриличностных последствий негативного отношения родителей к ребенку в аспектах искажения индивидуальных представлений о себе, семье и обществе и формирования антиобщественного поведения. В психоаналитических исследованиях подобные нарушения социализации, как правило, рассматриваются через призму «искаженного» (De Masi, 2020) или «преступного» (Ferguson, 1988) Супер-Эго. Отмечается, что несовершеннолетние, заимствуя преступную мораль у асоциального окружения, либо теряют способность к развитию своего Супер-Эго (в результате чего оно остается примитивным и фактически не выполняет своей функции по порождению тревоги и вины), либо, «заражаясь» ценностью преступного образа жизни, трансформируют Супер-Эго до дисфункционального состояния.

Как показывает анализ, помимо перечисленного, психоаналитический подход может дополнить существующие психодиагностические и психотерапевтические представления о дезадаптации представлениями о внутриличностных причинах социальной и психологической незрелости (инфантилизме), аморальности и цинизме как составляющих криминальной направленности, иррациональных компонент, влияющих на принятие решения о совершении преступления.

Безусловно, описанные возможности могут быть реализованы только при их опытно-экспериментальной проверке, поскольку, перефразируя J. Goldstein, следует отметить, что и сейчас, более века спустя после своего появления, психоанализ является скорее проектом, чем завершенной теорией личности преступника, а юристы, которые полагаются на психоанализ как на законченную теорию, предлагающую полное объяснение любой и всякой человеческой деятельности, будут либо обмануты, либо разочарованы (Goldstein, 1968).

Заключение

В статье рассмотрен комплекс теоретических представлений о личности преступника, разработанный З. Фрейдом и его последователями. Показано, что применение психоаналитического подхода позволяет расширить теорию личности преступника и методологию его психологического исследования, в частности, дополнить представление о внутриличностных процессах, побуждающих к совершению преступления и сдерживающих их.

Отмечается, что качественная методология психоаналитического подхода не позволяет осуществлять количественные исследования, поэтому научно-методической задачей является не столько концептуализация, сколько операционализация идей, получивших эмпирическую поддержку в исследованиях преступников и правонарушителей.

Теоретическими перспективами выполненного исследования обладает разработка диагностических конструктов по исследованию Эго-функций и Эго-состояний, переживаний чувств тревоги и вины у лиц, склонных к совершению преступлений.

Практической ценностью статьи является возможность применения результатов для разработки методик психологической диагностики, коррекции и профилактики противоправных действий у несовершеннолетних и молодежи.

Ограничениями исследования является необходимость эмпирической верификации психоаналитических положений о личности преступника, ее структуры, функций и характеристик.

Список литературы

- Антонян, Ю. М. (2015). Бессознательное в корыстном преступном поведении. *Общество и право*, 2 (52), 120–128.
- Антонян, Ю. М. (2020). Криминология садизма. *Общество и право*, 2 (72), 41–48.
- Антонян, Ю. М. (2024). Психическая зависимость и преступное поведение. *Общество и право*, 1 (87), 8–15.
- Антонян, Ю. М. (2025). Криминогенная значимость тревожности. *Научный портал МВД России*, 1 (69), 56–62.
- Albrecht, G. L. (2006). Sigmund freud, from some character-types met with in psycho-analytic work (1916). In G. L. Albrecht (Ed.), *Encyclopedia of disability* (Vol. 5, pp. v358-v359). SAGE Publications, Inc. <https://doi.org/10.4135/9781412950510.n1034>
- Alexander, F. (1930). The Neurotic Character. *International Journal of Psychoanalysis*, 11, 292–311.
- Alexander, F. (1961). *The Scope of Psychoanalysis*. New York: Basic Books.
- Alexander, F., & Staub, H. (1956). *The criminal, the judge and the public*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Anastasopoulos, D., Lignos, E., & Waddell, M. (Eds.). (1999). *Psychoanalytic Psychotherapy of the Severely Disturbed Adolescent* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429479045>
- Aragno, A. (2014). The Roots of Evil: A Psychoanalytic Inquiry. *Psychoanalytic Review*, 101, 249–288.
- Asch, S. S. (1974). Some Superego Considerations in Crime and Punishment. *The Journal of Psychiatry & Law*, 2 (2), 159–181. <https://doi.org/10.1177/009318537400200204>
- Bailey R, Pico J. Defense Mechanisms. (Updated 2023 May 22). In *StatPearls* [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2025 Jan-. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK559106>
- Bowlby, J. (1944). Forty-four juvenile thieves: their characters and home-life. *The International Journal of Psychoanalysis*, 25, 19–53.
- Brody, Y., & Rosenfeld, B. (2002). Object Relations in Criminal Psychopaths. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 46 (4), 400–411. <https://doi.org/10.1177/0306624X02464003>
- Costello, S. J. (2018). *The Pale Criminal*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429482649>

- De Masi, F. (2020). The perverse and the psychotic superego. *International Journal of Psychoanalysis*, 101, 735–739.
- Dorfman, L. Ya., & Zlokazov, K. V. (2016). Defeat and Destructive Patterns: A Brief Review of Recent Studies. Part I. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 9 (1), 5–16. <https://doi.org/10.14529/psy160101>
- Dukes, G. (1946). The Development of Psycho-Analytic Criminology. *International Journal of Psychoanalysis*, 27, 145–151.
- Fenichel, O. (1934). Outline of Clinical Psychoanalysis—Concluded. *Psychoanalytic Quarterly*, 3, 223–302.
- Ferguson, M. (1988). The Clinical Situation and Epistemological Problems in Psychoanalysis: A Response to Grünbaum. *Psychoanalysis and Contemporary Thought*, 11, 535–561.
- Fitzpatrick, J. J. (1976). Psychoanalysis and Crime: A Critical Survey of Salient Trends in the Literature. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 423 (1), 67–74. <https://doi.org/10.1177/000271627642300107>
- Freud S. (1908). Die «kulturelle» Sexualmoral und die moderne Nervosität. *Sexual-Probleme*, 4 (3), 107–129. URL: <https://www.psychanalyse.lu/Freud/FreudSexualmoral.pdf>
- Freud, S. (1965). *New introductory lectures on psychoanalysis*. New York: Norton.
- Freud, A. (1937). *The Ego and the Mechanisms of Defence*. London: Hogarth Press.
- Freud, S. (1906). Psycho-Analysis and the Establishment of the Facts in Legal Proceedings. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 9, 97–114.
- Freud, S. (1931/1971). The expert opinion in the Halsmann case, in *The Future of an Illusion: Civilisation and its Discontents*, *Standard Edition of the Complete Works*, 21, 251–253. Hogarth/Institute of Psycho-Analysis: London.
- Freud, S. (1947). *The Question Of Lay Analysis An Introduction To Psycho-analysis*. Imago Publishing Company, Limited.
- Glover, E. (1952). Research methods in psychoanalysis. *The International Journal of Psychoanalysis*, 33, 403–409.
- Goldstein, J. (1968). Psychoanalysis and Jurisprudence. *The Yale Law Journal*, 77(6), 1053–1077. <https://doi.org/10.2307/794884>.
- Goldstein, R. L. (1983). Sigmund Freud: Forensic psychiatrist. *Bulletin of the American Academy of Psychiatry & the Law*, 11 (3), 273–277.
- Hacker, F. J. (1962). The Discriminatory Function of the Ego. *International Journal of Psychoanalysis*, 43, 395–405.
- Hartmann, H. (1958). *Ego psychology and the problem of adaptation*. New York: International University Press.
- Hoffmann, K., & Kluttig, T. (2006). Special Section: Psychoanalytic and Group-Analytic Perspectives in Forensic Psychotherapy. *Group Analysis*, 39 (1), 9–23. <https://doi.org/10.1177/0533316406062321>
- Hogan, R. (1970). A dimension of moral judgment. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 35 (2), 205–212. <https://doi.org/10.1037/h0030095>
- Johnson, A. M., & Szurek, S. A. (1952). The Genesis of Antisocial Acting Out in Children and Adults. *The Psychoanalytic Quarterly*, 21 (3), 323–343. <https://doi.org/10.1080/21674086.1952.11925884>
- Kupfersmid, J. (1995). Does the Oedipus complex exist? *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 32, 535–547. <https://doi.org/10.1037/0033-3204.32.4.535>
- Lacan, J. (2001). *Prémisses à tout développement possible de la criminology*. *Autres écrits* (pp. 121–125). Paris, Le Seuil.

- Lacan, J. (1996). A Theoretical Introduction to the Functions of Psychoanalysis in Criminology. *Psychoanalysis Culture and Society*, 1, 13–25.
- Lagache, D. (1993). *The Works of Daniel Lagache: Selected Papers, 1938–1964*. Retrieved from: <https://books.google.ru/books?id=47OOKf4UPUcC>
- Laufer, W. S., Johnson, J. A., & Hogan, R. (1981). Ego control and criminal behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 41 (1), 179–184. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.41.1.179>
- Laws, B. (2020). Reimagining 'the Self' in Criminology: Transcendence, Unconscious States and the Limits of Narrative Criminology. *Theoretical Criminology*, 26 (3), 475–493. <https://doi.org/10.1177/1362480620919102>
- Levinson, D. J. (1952). Criminality from a sense of guilt; a case study and some research hypotheses. *Journal of personality*, 20 (4), 402–429. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1952.tb01117.x>
- Lukas, E. (1947). Maturity and Crime. *American Journal of Psychoanalysis*, 7, 82–84.
- Megargee, E. I. (1966). Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression. *Psychological Monographs: General and Applied*, 80 (3), 1–29. <https://doi.org/10.1037/h0093894>
- Miller, S. J. (2003). Analytic Gains and Anxiety Tolerance: Punishment Fantasies and the Analysis of Superego Resistance Revisited. *Psychoanalytic Psychology*, 20 (1), 4–17.
- Murray, J. M. (1964). Narcissism and the ego ideal. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 12, 477–511.
- Nunberg, H. (1942). Ego Strength and Ego Weakness. *American Imago*, 3 (3), 25–40. <http://www.jstor.org/stable/26301136>
- Robinson, R. A., & Gadd, D. (2015). Annihilation anxiety and crime. *Theoretical Criminology*, 20 (2), 185–204. <https://doi.org/10.1177/1362480615594872>
- Smith, D. (2006). Making sense of psychoanalysis in criminological theory and probation practice. *Probation Journal*, 53 (4), 361–376. <https://doi.org/10.1177/0264550506069361>
- Wulach, J. S. (1983). August Aichorn's Legacy: The Treatment of Narcissism in Criminals. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 27 (3), 226–234. <https://doi.org/10.1177/0306624X8302700305>
- Wyse, J. J., Harding, D. J., & Morenoff, J. D. (2014). Romantic Relationships and Criminal Desistance: Pathways and Processes. *Sociological forum (Randolph, N. J.)*, 29 (2), 365–385. <https://doi.org/10.1111/socf.12088>

References

- Antonyan, Yu. M. (2015). Bessoznatel'noe v korystnom prestupnom povedenii. *Obshchestvo i pravo*, 2 (52), 120–128.
- Antonyan, Yu. M. (2020). Kriminologiya sadizma. *Obshchestvo i pravo*, 2 (72), 41–48.
- Antonyan, Yu. M. (2024). Psichicheskaya zavisimost' i prestupnoe povedenie. *Obshchestvo i pravo*, 1 (87), 8–15.
- Antonyan, Yu. M. (2025). Kriminogennaya znachimost' trevozhnosti. *Nauchnyj portal MVD Rossii*, 1 (69), 56–62.
- Albrecht, G. L. (2006). Sigmund freud, from some character-types met with in psycho-analytic work (1916). In G. L. Albrecht (Ed.), *Encyclopedia of disability* (Vol. 5, pp. v358-v359). SAGE Publications, Inc. <https://doi.org/10.4135/9781412950510.n1034>
- Alexander, F. (1930). The Neurotic Character. *International Journal of Psychoanalysis*, 11, 292–311.
- Alexander, F. (1961). *The Scope of Psychoanalysis*. New York: Basic Books.
- Alexander, F., & Staub, H. (1956). *The criminal, the judge and the public*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Anastasopoulos, D., Lignos, E., & Waddell, M. (Eds.). (1999). *Psychoanalytic Psychotherapy of the Severely Disturbed Adolescent* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429479045>

- Aragno, A. (2014). The Roots of Evil: A Psychoanalytic Inquiry. *Psychoanalytic Review*, 101, 249–288.
- Asch, S. S. (1974). Some Superego Considerations in Crime and Punishment. *The Journal of Psychiatry & Law*, 2 (2), 159–181. <https://doi.org/10.1177/009318537400200204>
- Bailey R, Pico J. Defense Mechanisms. (Updated 2023 May 22). In *StatPearls* [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2025 Jan-. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK559106>
- Bowlby, J. (1944). Forty-four juvenile thieves: their characters and home-life. *The International Journal of Psychoanalysis*, 25, 19–53.
- Brody, Y., & Rosenfeld, B. (2002). Object Relations in Criminal Psychopaths. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 46 (4), 400–411. <https://doi.org/10.1177/0306624X02464003>
- Costello, S. J. (2018). *The Pale Criminal*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429482649>
- De Masi, F. (2020). The perverse and the psychotic superego. *International Journal of Psychoanalysis*, 101, 735–739.
- Dorfman, L. Ya., & Zlokazov, K. V. (2016). Defeat and Destructive Patterns: A Brief Review of Recent Studies. Part I. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 9 (1), 5–16. <https://doi.org/10.14529/psy160101>
- Dukes, G. (1946). The Development of Psycho-Analytic Criminology. *International Journal of Psychoanalysis*, 27, 145–151.
- Fenichel, O. (1934). Outline of Clinical Psychoanalysis — Concluded. *Psychoanalytic Quarterly*, 3, 223–302.
- Ferguson, M. (1988). The Clinical Situation and Epistemological Problems in Psychoanalysis: A Response to Grünbaum. *Psychoanalysis and Contemporary Thought*, 11, 535–561.
- Fitzpatrick, J. J. (1976). Psychoanalysis and Crime: A Critical Survey of Salient Trends in the Literature. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 423 (1), 67–74. <https://doi.org/10.1177/000271627642300107>
- Freud S. (1908). Die «kulturelle» Sexualmoral und die moderne Nervosität. *Sexual-Probleme*, 4 (3), 107–129. URL: <https://www.psychanalyse.lu/Freud/FreudSexualmoral.pdf>
- Freud, S. (1965). *New introductory lectures on psychoanalysis*. New York: Norton.
- Freud, A. (1937). *The Ego and the Mechanisms of Defence*. London: Hogarth Press.
- Freud, S. (1906). Psycho-Analysis and the Establishment of the Facts in Legal Proceedings. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 9, 97–114.
- Freud, S. (1931/1971). The expert opinion in the Halsmann case, in *The Future of an Illusion: Civilisation and its Discontents*, *Standard Edition of the Complete Works*, 21, 251–253. Hogarth/Institute of Psycho-Analysis: London.
- Freud, S. (1947). *The Question Of Lay Analysis An Introduction To Psycho-analysis*. Imago Publishing Company, Limited.
- Glover, E. (1952). Research methods in psychoanalysis. *The International Journal of Psychoanalysis*, 33, 403–409.
- Goldstein, J. (1968). Psychoanalysis and Jurisprudence. *The Yale Law Journal*, 77(6), 1053–1077. <https://doi.org/10.2307/794884>.
- Goldstein, R. L. (1983). Sigmund Freud: Forensic psychiatrist. *Bulletin of the American Academy of Psychiatry & the Law*, 11 (3), 273–277.
- Hacker, F. J. (1962). The Discriminatory Function of the Ego. *International Journal of Psychoanalysis*, 43, 395–405.
- Hartmann, H. (1958). *Ego psychology and the problem of adaptation*. New York: International University Press.

- Hoffmann, K., & Kluttig, T. (2006). Special Section: Psychoanalytic and Group-Analytic Perspectives in Forensic Psychotherapy. *Group Analysis*, 39 (1), 9–23. <https://doi.org/10.1177/0533316406062321>
- Hogan, R. (1970). A dimension of moral judgment. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 35 (2), 205–212. <https://doi.org/10.1037/h0030095>
- Johnson, A. M., & Szurek, S. A. (1952). The Genesis of Antisocial Acting Out in Children and Adults. *The Psychoanalytic Quarterly*, 21 (3), 323–343. <https://doi.org/10.1080/21674086.1952.11925884>
- Kupfersmid, J. (1995). Does the Oedipus complex exist? *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 32, 535–547. <https://doi.org/10.1037/0033-3204.32.4.535>
- Lacan, J. (2001). *Prémisses à tout développement possible de la criminology. Autres écrits* (pp. 121–125). Paris, Le Seuil.
- Lacan, J. (1996). A Theoretical Introduction to the Functions of Psychoanalysis in Criminology. *Psychoanalysis Culture and Society*, 1, 13–25.
- Lagache, D. (1993). *The Works of Daniel Lagache: Selected Papers, 1938–1964*. Retrieved from: <https://books.google.ru/books?id=47OOKf4UPUcC>
- Laufer, W. S., Johnson, J. A., & Hogan, R. (1981). Ego control and criminal behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 41 (1), 179–184. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.41.1.179>
- Laws, B. (2020). Reimagining ‘the Self’ in Criminology: Transcendence, Unconscious States and the Limits of Narrative Criminology. *Theoretical Criminology*, 26 (3), 475–493. <https://doi.org/10.1177/1362480620919102>
- Levinson, D. J. (1952). Criminality from a sense of guilt; a case study and some research hypotheses. *Journal of personality*, 20 (4), 402–429. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1952.tb01117.x>
- Lukas, E. (1947). Maturity and Crime. *American Journal of Psychoanalysis*, 7, 82–84.
- Megargee, E. I. (1966). Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression. *Psychological Monographs: General and Applied*, 80 (3), 1–29. <https://doi.org/10.1037/h0093894>
- Miller, S. J. (2003). Analytic Gains and Anxiety Tolerance: Punishment Fantasies and the Analysis of Superego Resistance Revisited. *Psychoanalytic Psychology*, 20 (1), 4–17.
- Murray, J. M. (1964). Narcissism and the ego ideal. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 12, 477–511.
- Nunberg, H. (1942). Ego Strength and Ego Weakness. *American Imago*, 3 (3), 25–40. <http://www.jstor.org/stable/26301136>
- Robinson, R. A., & Gadd, D. (2015). Annihilation anxiety and crime. *Theoretical Criminology*, 20 (2), 185–204. <https://doi.org/10.1177/1362480615594872>
- Smith, D. (2006). Making sense of psychoanalysis in criminological theory and probation practice. *Probation Journal*, 53 (4), 361–376. <https://doi.org/10.1177/0264550506069361>
- Wulach, J. S. (1983). August Aichorn’s Legacy: The Treatment of Narcissism in Criminals. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 27 (3), 226–234. <https://doi.org/10.1177/0306624X8302700305>
- Wyse, J. J., Harding, D. J., & Morenoff, J. D. (2014). Romantic Relationships and Criminal Desistance: Pathways and Processes. *Sociological forum (Randolph, N. J.)*, 29 (2), 365–385. <https://doi.org/10.1111/socf.12088>

Информация об авторах

Юрий Миранович Антонян – главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции центра по исследованию проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, анализа и прогнозирования преступности, социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный работник органов внутренних дел СССР, почетный работник высшего профессионального образования.

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

About the authors

Yuri Miranovich Antonyan – Chief Researcher of the Department for the Study of problems of sociological support for the activities of internal affairs bodies, the study of public opinion about the police of the Center for the Study of Problems of criminological support for the activities of internal affairs bodies, crime analysis and forecasting, sociological support for the activities of internal affairs bodies, the study of public opinion about the police of the federal state institution "All-Russian Research Institute of the MIA of Russia", Dr. Sci. (Jurid.), Professor, Honored Scientist of the RSFSR, Honored Worker of the USSR Internal Affairs bodies, Honorary worker of higher professional education.

Kirill V. Zlokazov – Head of the Research Department of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Psy.), Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 11.02.2025

Одобрена после рецензирования 28.03.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted February 11, 2025

Approved after reviewing March 28, 2025

Accepted July 28, 2025

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-224-240

Дерационализация сознания молодежи как вызов государственной системе образования – к постановке проблемы

Артур Александрович Реан

Федеральный научный центр
психологических и междисциплинарных исследований
(Москва, Россия)
profrean@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1107-9530

Георгий Меджидович Гогиберидзе

Федеральный научный центр
психологических и междисциплинарных исследований
(Москва, Россия)
giya28@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0472-8803

Иван Александрович Коновалов

Федеральный научный центр
психологических и междисциплинарных исследований
(Москва, Россия)
iv.konovalov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0982-5813

Аннотация

Введение. В представленной статье обоснована проблема дерационализации сознания современной молодежи, связанная с высоким спросом на товары, услуги и онлайн-обучение в области астрологии и эзотерики. Рассмотрены различные вызовы, стоящие перед государственной системой образования в Российской Федерации в связи с указанным явлением. **Материалы и методы.** Основным методом исследования в настоящей статье стал анализ статистических данных, опубликованных в открытом доступе в сети «Интернет», о рынке товаров и услуг эзотерического характера, а также данных о популярности онлайн-обучения, связанного с астрологией и эзотерикой. Методом исследования также выступил компаративный анализ научной литературы по различным аспектам проблемы рисков дерационализации сознания молодежи. **Результаты исследования.** Согласно открытым статистическим данным, запросы молодежи на онлайн-обучение по оккультным наукам (астрология, нумерология, регрессология, тарология и т. п.), а также спрос на эзотерические товары и услуги в последние четыре года демонстрируют активный рост, что свидетельствует о наметившейся тенденции дерационализации сознания молодежи. Природа этого феномена связана, как правило, с социально-экономическими и социально-политическими процессами. Анализ научной литературы позволил выделить причины ее возникновения, обусловленные в том числе противоречиями, сложившимися в духовной жизни общества. Кроме того, уделено внимание поиску способов

формирования рационального и критического мышления в современном образовательном пространстве. Компаративный анализ различных теорий и концепций позволил выявить значительный потенциал энактивной концепции познания, достижений в области позитивной психологии, психологии и педагогики критического мышления. **Обсуждение и заключение.** Рассмотренные подходы к снижению рисков дерационализации сознания молодежи потенциально могут органично встроиться в архитектуру современного российского образовательного пространства. В то же время еще только предстоит выявить возможности снижения деструктивного эффекта от дерационализации сознания молодежи, используя научные достижения мультиотраслевого характера.

Ключевые слова

дерационализация сознания, когнитивистика, позитивная психология, энактивная концепция познания, рациональное мышление, критическое мышление, профилактика распространения оккультных идей

Для цитирования: Реан, А. А., Гогиберидзе, Г. М., Коновалов, И. А. (2025). Дерационализация сознания молодежи как вызов государственной системе образования – к постановке проблемы. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 224–240. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-224-240.

Original paper

Derationalisation of young people's consciousness as a challenge to the state educational system – a problem statement

Artur A. Rean

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research
(Moscow, Russia)
profrean@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1107-9530

Georgy M. Gogiberidze

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research
(Moscow, Russia)
giya28@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0472-8803

Ivan A. Konovalov

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research
(Moscow, Russia)
iv.konovalov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0982-5813

Abstract

Introduction. The presented article substantiates the problem of the derationalisation of modern youth's consciousness, which is associated with the increasing demand for goods, services, and online education related to astrology and esotericism. The article also examines various challenges faced by the state educational system in Russia in relation to this phenomenon. **Materials and methods.** The article relies on the statistics analysis published in open access on the Internet about the market

of goods and services of an esoteric nature, as well as on data reflecting the popularity of online training related to astrology and esoterics. Additionally, the research includes a comparative analysis of scientific literature on the risks of derationalisation of young people's consciousness. *Results.* According to open statistics, the demand of young people for online education in occult sciences (astrology, numerology, regressology, tarot card reading, etc.), as well as for esoteric goods and services has been growing steadily over the last four years, which is a sign of a trend towards derationalisation of youth consciousness. This phenomenon is likely linked to socio-economic and socio-political factors. Based on research in the field, some possible causes have been identified, including contradictions in the spiritual sphere of society. It is also important to address the need for promoting rational and critical thinking in modern education. A comparative analysis of various theories and concepts has revealed the significant potential of the concept of inactive cognition, as well as achievements in the fields of positive psychology and the psychology and pedagogy of critical thinking. *Discussion and Conclusion.* The discussed approaches to derationalisation of youth consciousness can potentially be integrated into the modern Russian educational system. However, the potential of using scientific findings from various disciplines to reduce the impact of derationalised youth consciousness has not been fully explored.

Keywords

derationalisation of consciousness, cognitive science, positive psychology, inactive concept of cognition, rational thinking, critical thinking, prevention of the spread of occult ideas

For citation: Rean, A. A., Gogiberidze, G. M., Konovalov, I. A. (2025). Derationalisation of young people's consciousness as a challenge to the state educational system – a problem statement. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 224–240. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-224-240.

Введение

Согласно данным современных образовательных интернет-сервисов, запросы молодых россиян на онлайн-обучение по эзотерическим направлениям (астрология, нумерология, регрессология, тарология и т. п.) в постковидный период демонстрируют активный прирост, значительно опережая традиционных лидеров – психологию, изучение языков, тренинги личностного роста, курсы финансовой грамотности. Эта тенденция прослеживается довольно четко: эзотерические идеи растворяются в дискурсе поп-психологии, зож-, бьюти-, лайф-коучинга и трансформируются в идеи радикального индивидуализма «любви к себе», «заботы о себе» в качестве важнейших ценностей. Особенно популярными становятся следующие идеологемы: «Никто никому ничего не должен», «Человек сам устанавливает для себя правила», «Избавьтесь от токсичных людей вокруг себя» и связанные с ними практики, которые, как правило, оказывают не всегда заметное, но глубокое влияние на сознание молодого человека, приводящее его к постепенной дерационализации. Под влиянием деструктивных идей определенная часть молодых россиян стремится корректировать свои жизненные стратегии, что нередко негативно отражается на них самих, на их политической и гражданской позиции, а также на демографических процессах. Меняется иерархия ценностей: дискурс социально одобряемого личного успеха замещается дискурсом ложно понимаемой самореализации, что в конечном итоге затрудняет прогнозирование социально значимого поведения.

Тенденция дерационализации молодежного сознания набирает силу и требует от современных отечественных педагогов и психологов, ученых и практиков строгости и гибкости, интеллектуальной рефлексии, способности к ее исследованию и поиску механизмов профилактики, так как сложившаяся ситуация, по сути, бросает вызов системе государственного образования, которая опирается в числе прочих на принцип научности, призванный обеспечивать содержание обучения, основанное исключительно на актуальных научных знаниях.

Согласно этому принципу, элементы научного поиска и исследовательских методов, применяемые в учебно-воспитательном процессе, нацелены на то, чтобы научить школьников и студентов отличать истинные данные от ложных. В связи с этим возникает закономерный вопрос о возможностях формирования рационального мышления и сознания, т. е. о процессе его моделирования в образовательном пространстве с опорой на принцип научности.

Проблема формирования рационального мышления и сознания является одной из самых сложных и значимых в современной науке. Она изучается на междисциплинарном уровне в разных аспектах: философском, психологическом, социологическом, нейробиологическом, педагогическом. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск потенциальных возможностей формирования рационального и критического мышления и сознания в образовательном пространстве. Необходимость исследований в этом направлении очевидна и обоснована социальными, педагогическими и социокультурными потребностями, которые могут быть удовлетворены через создание инновационных образовательных технологий, призванных помочь практикующим педагогам фокусировать мысли и интересы учащейся молодежи на рациональном мышлении.

Обзор литературы

В настоящее время проблемой дерационализации сознания и поиском способов снижения ее деструктивного эффекта занимаются отечественные и зарубежные ученые, на труды которых мы опирались, анализируя разные подходы в рамках обозначенного проблемного поля. Это работы «Новое объяснение сознания: подход М. Грациано» (Акопов, 2022), «О поиске социальных и когнитивных оснований сознания» (Аллахвердов, 2021), «Сознание и вещи: очерк феноменалистической онтологии» (Васильев, 2021), «Наука сознания. Современная теория субъективного опыта» (Грациано, 2021), «Логические исследования» (Гуссерль, 2024), «Теория сознания в работе Роберта Нозика “Инварианты”» (Мкртчян, 2024), «Сознание как ключевой компонент родовой человеческой сущности» (Момджян, 2025), «Развитие сознания в контексте проблемы знакового и символического опосредствования» (Поляков, 2022), «Behavioral Epigenetics and Attachment: The New Science of Trust and Mistrust» (Baylin, 2013), «The Idea of the World: A Multi-Disciplinary Argument for the Mental Nature of Reality» (Kastrup, 2019), «Mycorrhizal Networks Facilitate Tree Communication, Learning, and Memory» (Simard, 2018) и др. При этом следует заметить, что зарубежные исследователи склонны оперировать термином «массовое сознание», тогда как отечественные ученые, критично оценив западный опыт, остерегаются превращать сообщество людей в «толпу» и предпочитают использовать феномен «общественное сознание» как наиболее аутентичный модус. Примечательно, что еще в XIX веке известный русский публицист Н. К. Михайловский выделил основные признаки массовости: омарчение сознания и слабость воли, обусловленные «специальными обстоятельствами», которые помогли нашим философам определиться с выбором тезауруса.

Современные философские, психологические и педагогические исследования в области сознания послужили методологической основой изучения потенциальных возможностей формирования рационального мышления и сознания обучающихся в условиях образовательного пространства. В этом плане существенный задел представляют труды «Сознание личности как проблема» (Абульханова, Славская, 2019), «Иррациональное мышление: роль астропрогноза в жизни современных студентов» (Ардашев, 2020), «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии» (Асмолов, 2002), «Особенности динамики ценностных ориентаций студентов в условиях образовательного пространства современного российского вуза» (Гогиберидзе, 2024), «Социально-педагогические пробле-

мы социализации» (Мудрик, 2016), «Позитивная психология и педагогика» (Реан, Ставцев, Кузьмин, 2023), «Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности» (Фомин, 2009) и др.

Теоретический анализ указанных работ позволил рассматривать средства упорядочения и организации информационной среды как механизмы формирования рационального мышления и сознания обучающихся. При этом следует учитывать, что, с точки зрения М. К. Мамардашвили, целенаправленно формировать сознание личности нельзя, но можно реконструировать имеющийся опыт восприятия внешнего мира (Мамардашвили, 2014). В этом мы увидели главное препятствие на пути решения поставленных задач. Однако с позиции диалектико-материалистического подхода возможность формирования сознания обеспечивается совокупным влиянием на личность сразу нескольких факторов, а именно общественными отношениями, деятельностью и средствами языка. Согласно воззрениям В. А. Лекторского, диалектико-материалистическую концепцию сознания можно критически дополнить современными актуальными идеями и найти сбалансированный подход к решению поставленной проблемы. Ученый обнаружил потенциальные возможности системно-деятельностного подхода, который он называет «самым плодотворным в понимании сознания и познания» и рассматривает «активную деятельность в качестве определяющего момента в формировании сознания» (Rockmore, 2022).

Сопоставительный анализ аргументов, выдвинутых перечисленными выше учеными, позволяет констатировать, что возможности системно-деятельностного подхода, реализуемого в настоящее время в российском образовательном пространстве, значительно расширятся, если его обогатить современными достижениями, связанными с энактивной концепцией познания и позитивной психологией. У истоков энактивизма стоял чилийский биолог, нейрофизиолог и философ F. J. Varela (Varela, 1996). Данная концепция получила мощный импульс развития в трудах «Is the Visual World a Grand Illusion» (Noë, 2002), «Mind in life biology, phenomenology, and the sciences of mind» (Thompson, 2010), «Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content» (Hutto, 2012). В отечественной научной литературе существенный вклад в изучение этой проблемы внесли Е. Н. Князева (Князева, 2014) и другие исследователи, которым удалось доказать, что сознание неотрывно от природы и человека и находится в постоянном активном формировании. Что касается позитивной психологии, то разработкой ее теоретического, концептуального и практического инструментария активно занимались зарубежные ученые (Бонивелл, 2009; Seligman & Csikszentmihalyi, 2014; Чиксентмихайи, 2013 и др.) В России изучением использования возможностей позитивной психологии в образовательном пространстве занимается группа психологов и педагогов во главе с академиком А. А. Реаном (Реан и др., 2023).

Материалы и методы

Основными методами в настоящей статье выступили анализ статистических данных, опубликованных в открытом доступе в сети «Интернет», о рынке товаров и услуг эзотерического характера, а также данных о популярности онлайн-обучения, связанного с астрологией и эзотерикой. Методом исследования также стал компаративный анализ научной литературы по различным аспектам проблемы рисков дерационализации сознания молодежи.

Результаты

В современном обществе наблюдается устойчивая тенденция дерационализации сознания и ослабления способности к критическому мышлению. Особенно ярко она высвечива-

ется в молодежной среде и довольно убедительно подтверждается статистическими данными. Например, в России в 2021 г. продажи книг о предсказаниях и различных духовных практиках выросли на 53 %. Об этом сообщает «Коммерсант» со ссылкой на данные группы «Эксмо-Арт», объединяющей крупные издательства¹. Если верить данным GetCourse, одной из ведущих российских интернет-компаний, предназначенных для запуска, продажи и проведения онлайн-курсов, «запросы на онлайн-обучение по откровенно эзотерическим направлениям в 2022 г. выросли на 15 % по сравнению с предыдущим годом. В основном интерес к курсам проявляет молодежь от 16 до 30 лет»². А за «первые три месяца 2023 г. аудитория онлайн-школ, обучающих мистическим техникам, выросла сразу в 19 раз! Кроме того, российские маркетплейсы зафиксировали рост популярности эзотерических товаров: спрос на амулеты и браслеты для защиты от порчи увеличился на 95 %»³. По данным аналитиков «АТОЛ Онлайн», в 2024 г. спрос на магические атрибуты увеличился на 34 % по сравнению с предыдущим годом. При этом средняя стоимость эзотерического набора составила 9,4 тыс. руб., что на 10 % выше показателей 2023 г. Наибольшей популярностью пользуются наборы рун, занимающие 32 % всех продаж в данной категории. Средняя цена такого набора выросла на 11 % и составила 761 руб. Самым дорогостоящим атрибутом стал шаманский бубен со средней ценой 4,1 тыс. руб., при этом спрос на этот товар вырос практически вдвое. Впечатляющий рост показали продажи стеклянных шаров для гадания: спрос увеличился на 146 %⁴.

Лавинообразный рост спроса на товары и услуги эзотерического характера свидетельствует о том, что образовавшийся в общественном сознании мировоззренческий вакуум начинает заполняться информацией о различных сектантских учениях, экстрасенсорике, магии, астрологии, паранормальных явлениях и т. п. мода на оккультизм и мистику особенно интенсивно стала распространяться в постковидный период.

Г. М. Гогиберидзе приводит следующие данные: «Результаты проведенного исследования вскрыли наличие такой характеристики молодежного сознания, как эклектичность. Выяснилось, что определенной части современных студентов и старшеклассников свойственны: фрагментарность картины мира, мировоззренческий плюрализм, сочетание различных, часто диаметрально противоречивых религиозных или псевдонаучных идей, а также представлений антиутопического характера. Эта позиция нередко сопровождается социальной апатией и потребительскими настроениями, замещающими собой установки на активную трудовую деятельность» (Гогиберидзе, 2024).

Несомненно, сама природа тенденции усиления иррациональности общественного сознания связана, прежде всего, с социально-экономическими и социально-политическими процессами. Как правило, именно в сложные, переходные периоды актуализируются архаичные структуры когнитивной подсистемы социума. На основе анализа различных источников можно выделить следующие причины дерационализации сознания молодежи, связанные в том числе с противоречиями, сложившимися в духовной сфере жизни общества.

¹ Лебедева, В. (2022, 1 февраля). Карма – источник знаний. *Коммерсантъ*, 17, 1. <https://www.kommersant.ru/doc/5193414?ysclid=m7tdejhb6e277212255>

² Итоги 2022 года от GetCourse. (2022, 28 декабря). *GetCourse*. <https://getcourse.ru/blog/1015833?ysclid=m7jfm4gvai536975439>

³ Мамиконян, О. (2024, 15 марта). Аудитория эзотерических онлайн-курсов выросла в 19 раз в начале года. *Forbes Russia*. <https://www.forbes.ru/forbeslife/486783-auditoria-ezotericeskih-onlajn-kursov-vyrosla-v-19-raz-v-nacale-goda>

⁴ Ефремова, С. (2025, 2 марта). Интерес россиян к эзотерическим товарам и услугам заметно вырос. *Российская газета*. <https://rg.ru/2025/03/02/raskryli-karty.html?ysclid=m7tcrq6apn686849116>

К ним относятся:

- связь веры в астрологию с нарциссизмом и более низкими показателями интеллекта (Andersson, Persson, & Kajonius, 2022); как следствие, можно предположить, что для молодых людей с верой в астрологию характерны клиповость мышления, фрагментация и примитивизация формируемой картины мира;
- влияние гаджетов, перегрузка сознания обучающихся аудиовизуальной информацией развлекательного типа (Белкин, 2020);
- несформированность навыков работы с информацией и, как следствие, преобладание догматического, а не критического мышления (Корешникова, Фрумин, Пащенко, 2020); в этом контексте можно утверждать, что чрезмерная опора молодых людей на использование знающих платформ и поисковых систем (Google, «Википедия» и т. п.) потенциально создает у пользователей иллюзию доступности любого знания и собственной компетентности;
- институционализация рынка эзотерических услуг и формирование устойчивого сегмента астрологических, тарологических, нумерологических и иных оккультных предложений в интернете (Гришина, 2019);
- нарастающий раскол в среде адептов традиционных для народов России религий (православие, ислам, буддизм, иудаизм) на «модернистов», выступающих за принятие социальных и технологических новаций, и «фундаменталистов», отторгающих эти новации;
- целенаправленная ориентация подходов, форм и практик агитации на молодежь как одну из самых пластичных возрастных групп, проявляющих интерес к учениям эзотерического характера.

Риски дерационализации молодежного сознания потенциально соотносятся с комплексом социальных проблем. Переосмысливаются и нередко обесцениваются такие основополагающие для полноценной жизни человека понятия, как работа, семья, брак, рождение и воспитание детей. Особенно уязвима в этом отношении инфантильная молодежь, поскольку увлеченность эзотерическими учениями, как правило, снимает ответственность человека за свои поступки, размывает элементарные причинно-следственные связи: ведь легче искать корень проблем в прошлой жизни или расположении планет, чем в собственных мыслях и поведенческих стратегиях. Кроме того, это хороший повод, чтобы снять с себя ответственность, которую несут рационально мыслящие люди. В качестве примера можно привести движение *childfree*, набирающее популярность в молодежной среде. Несмотря на приверженность основной части юных россиян к традиционным ценностям, *childfree* как способ семейного поведения складывается в самостоятельную практику, основанную на альтернативных представлениях о семье и браке, которые предполагают осознанный и добровольный выбор в пользу отказа от рождения детей. При наличии различных типов и причин такого репродуктивного выбора сама идея бездетности выступает неотъемлемой частью этой идеологии, связывающей ее адептов. Еще один пример – дрейнеры – особая молодежь, отличающаяся необычным восприятием жизни. Чаще всего это социофобы, которые являются приверженцами идеологии социальной апатии, депрессивного реализма, морального и эмоционального опустошения. И подобных примеров множество.

Риски дискредитации рациональной методологии в общественном сознании в XXI в. могут быть объяснены еще и тем, что эзотерики, используя нерешенные научные проблемы, активно паразитируют на научном знании, предлагая заменить его созерцательной верой. Например, эзотерический дискурс оказывает влияние на практическую психологию и прикладную педагогику, которые в восприятии части современной российской молодежи утрачивают свой «интеллектуальный иммунитет», проникаясь идеями и практиками

мистического характера. Так, в настоящее время набирает популярность демонирующая рациональность поп-психология, для которой характерно необоснованное сращивание известных психологических теорий с псевдонаучными представлениями и такими понятиями, как карма, воздаяние, аура и т. п.

Таким образом, необходимо учитывать, что если складывающаяся в сознании молодежи картина мира уводит ее в эзотерику и магию, то неизбежно усиливается вероятность общественного регресса. В этих условиях многие государственные и общественные институты, и прежде всего система образования, сталкиваются с серьезным вызовом: необходимостью интенсивного поиска способов профилактики распространения оккультных идей среди учащейся молодежи и снижения деструктивных эффектов.

М. К. Мамардашвили в свое время справедливо настаивал на нередуцируемости сознания и психики, а также на том, что сознание вообще не может стать для нас объектом (Мамардашвили, 2014). В то же время в рамках энактивизма субъект познания рассматривается как активный и интерактивный: он активно встраивается в среду, его когнитивная активность совершается посредством погружения в информационное поле. Таким образом, отдельные положения энактивной концепции познания органично сочетаются с системно-деятельностным подходом в рамках российского образовательного процесса. Кроме того, методологически значимым положением является идея Е. Н. Князевой о том, что феномен сознания следует рассматривать как процесс поддержания интереса к собственной идентичности, ее постоянному поиску и самообновлению (Князева, 2014). Отталкиваясь от этого положения, мы рассматриваем интерес как форму побуждения, в которой сочетаются признаки мотива (осознание познавательной потребности) и субъективной значимости (эмоциональной привлекательности). Если же в процессе реализации интереса у студентов или старшеклассников возникают устойчивые положительные эмоциональные реакции, то интерес переходит в потребность. Трансформация интереса в потребность представляет собой общий психологический механизм обучения и воспитания личности, выработки у нее социально приемлемых форм поведения и нормативных ценностей (Корниенко, 2010, с. 306). А ценность, которая проявляется через действенное отношение человека к внешнему миру, следует рассматривать в качестве предмета ценностного сознания. Одним из условий формирования такого сознания является принцип «положительно предвзятого отношения педагога к обучающимся», разработанный в русле позитивной психологии (Реан и др., 2023). Г. М. Гогиберидзе утверждает: «Выбор комплекса учебно-воспитательных методик, основанных на принципах позитивной психологии, обусловлен актуальными вызовами новой социальной реальности. Эффективность образовательных программ, созданных в рамках позитивной педагогики и психологии (The Penn Resiliency Program, The SPARK Resiliency Program), доказана эмпирическим путем и подтверждена сформированностью у школьников таких навыков, как когнитивный рефрейминг, креативное мышление, рациональное восприятие реальности» (Гогиберидзе, 2023, с. 366).

На этом фоне в рамках российской государственной системы образования значительно возрастает роль одного из основополагающих принципов дидактики – принципа научности, методологическое значение которого в предотвращении либо модификации информационных, идеологических и демографических рисков и угроз невозможно переоценить.

В обозначенном контексте рисков дерационализации сознания молодежи следует вспомнить психолого-педагогическую традицию изучения критического мышления и применения данных разработок в образовательных практиках. Проблема развития критического мышления поднимается в образовательном контексте уже давно, начиная с работ философа и педа-

гога Дж. Дьюи (Dewey, 1910), обозначавшего данный феномен как «рефлексивное мышление»: «Активное, настойчивое и внимательное рассмотрение какого бы то ни было мнения или предполагаемой формы знания, при свете оснований, на которых оно покоится, и анализ дальнейших выводов, к которым оно приводит, и образует рефлексивное мышление» (Дьюи, 2021, с. 14). Рост числа англоязычных научных публикаций, посвященных феномену критического мышления в образовательной практике, начался в 80-х гг. XX в. (Siegel, 1980; Brabeck, 1983) и продолжается до сих пор (Tedla & Chen, 2024).

В советской психолого-педагогической традиции термин «критическое мышление» практически не использовался (Корешникова, 2021; Пащенко, 2024), однако феномен развития и формирования мышления в образовательном процессе был исследован весьма разносторонне с использованием различного концептуального аппарата: «умственные действия» (Гальперин, 1966) и «диалектическое мышление» (Ильенков, 1964), введены различия в специфике формирования житейских и научных понятий в учебной деятельности (Давыдов, 1996), проведен анализ категории и процесса мышления в рамках деятельностного подхода⁵. Иными словами, отечественная традиция имеет долгую историю изучения феномена мышления в учебной деятельности, а также разработки практик формирования различных компонентов данного процесса.

На современном этапе «критическое мышление» определяется как «универсальная компетентность, включающая знания, навыки и диспозиции, позволяющие рационально анализировать и оценивать информацию для аргументированного принятия решений» (Пащенко, 2024 с. 4). Стоит указать на широкую популярность указанной тематики в различных образовательных контекстах: в рамках подхода «обучение через исследование» (Inquiry-Based Learning, IBL, см. напр., Arifin et al., 2025), в контексте вопросов включения ИИ в образовательную практику (Walter, 2024), в вопросах готовности педагогов к использованию практик формирования критического мышления в образовательном процессе (Dessingué & Wagner, 2025) и т. д.

Важно отметить сложившуюся позицию о роли критического мышления в профилактике рисков негативной социализации, в частности радикализации. Согласно исследованиям, формирование приверженности радикальной идеологии является главным способом рекрутирования в экстремистские сообщества, в связи с чем развитие критического мышления молодежи расценивается как средство противодействия риску появления экстремистских установок (Реан и др., 2021). Роль критического мышления, среди прочего, заключается в умении противостоять установке на жесткое деление на «своих» и «чужих» и формировании чувства ненависти к «чужим» (Mattsson & Säljö, 2017; Реан и др., 2021; Коновалов, 2023). «Критическое мышление» в данном контексте определяется как способность анализировать и оценивать информацию различного типа, а также умение поставить под вопрос источник и способ подачи того или иного контента и сформировать индивидуальное представление о сообщении или описываемом явлении (Ghosh et al., 2016; Реан и др., 2021; Коновалов, 2023).

Вполне обоснованно можно предположить, что включение практик формирования критического мышления в образовательный процесс может существенно снизить описанные выше риски дерационализации сознания молодежи. Тем не менее в настоящий момент в научных исследованиях фиксируется следующая ситуация: «Несмотря на то, что критическое мышление как образовательный результат зафиксировано в ФГОС ВО, институциональные условия для его развития не созданы (отсутствуют курсы повышения квалификации, педагогические вузы не обучают практикам развития критического мышления) и администрация не требует

⁵ Тихомиров, О. К. (1984). *Психология мышления: учебное пособие*. Издательство Московского университета.

от преподавателей достижения данного результата (Корешникова и др., 2020, с. 51)». В указанной работе описаны также иные барьеры для создания педагогических условий для развития критического мышления современных российских студентов: проблема кадров и дефицит курсов повышения квалификации для преподавателей (основная масса педагогов не готова внедрять практики критического мышления в рамках своих курсов), отсутствие валидного инструментария для оценки сформированности критического мышления у студентов; методические материалы в рамках дисциплин не предполагают использования навыков критического мышления, у студентов не хватает базовых знаний, необходимых для применения критического мышления, в частности, знаний о способах работы с информационными источниками (Корешникова и др., 2020).

Обсуждение и заключение

Результаты сопоставительного анализа статистических данных за 2021–2024 гг., касающихся спроса на товары и услуги эзотерического характера со стороны разных возрастных групп, убедительно свидетельствуют о высокой распространенности рисков дерационализации сознания в молодежной среде. Более того, запросы молодежи на онлайн-обучение по астрологии, нумерологии, регрессологии и тарологии в постковидный период год от года демонстрируют существенный рост. Нарастающая тенденция дерационализации сознания – это не просто изменение вектора интересов или временное увлечение молодых людей, это поле для взращивания деструктивных идей и стратегий поведения, формирующих ложное понимание самореализации и способствующих снижению уровня когнитивной безопасности в обществе.

Кроме того, эту тенденцию можно рассматривать как дерзкий вызов государственной системе образования, призванной формировать у обучающихся социально значимые навыки и приобщать их к традиционным духовным ценностям. Учитывая сложившуюся ситуацию, следует признать, что вполне обоснованно и убедительно звучат многочисленные аргументы в пользу необходимости работы над ошибками, совершенствования образовательной политики, снижения деструктивных явлений и тенденций в духовной сфере. Однако не очевидно, что даже тщательно проработанные законодательные акты, программные документы, стратегии и доктрины гарантируют решение проблемы формирования у учащейся молодежи рационального мышления и сознания. Данная проблема до настоящего времени не решена и является одной из самых сложных и значимых как в науке, так и в педагогической практике.

Объектом исследования в настоящей статье выступили актуальные вызовы, стоящие перед государственной системой образования как институтом формирования рационального мышления и сознания подрастающего поколения. Общеизвестно, что государственная система образования призвана обеспечить содержание учебного процесса в соответствии с актуальными научными знаниями. Это положение как бы априори способствует формированию рационального мышления обучающихся. Однако в современной социальной реальности мы сталкиваемся с новыми вызовами: релятивизмом мировоззрения, утилитаризмом духовных ценностей, усложнением социального устройства, вызовами, связанными с внедрением искусственного интеллекта в образовательное пространство и пр. В результате складывается тенденция перехода от классического образования, нацеленного на гармоничное развитие личности, к программированию и формированию «одномерного человека» (Маркузе, 2003), обладающего иррациональным типом мышления и легко поддающегося пропаганде со стороны адептов деструктивных культов и учениям эзотерического характера.

В рамках статьи в результате применения компаративного анализа разных подходов, концепций и способов решения проблемы рисков дерационализации был выявлен значитель-

ный потенциал различных подходов, в частности энактивной концепции познания (Varela, 1996; Ноё, 2002; Thompson, 2010, Hutto, 2012, Князева, 2014) и позитивной психологии (Реан и др., 2023; Бонивелл, 2019; Seligman & Csikszentmihalyi, 2014, Чиксентмихайи, 2013). Внимание также было уделено рассмотрению роли формирования критического мышления в образовательной практике для решения смежных задач (снижение риска радикализации) и рассмотрению потенциала данного направления для снижения рисков дерационализации сознания молодежи.

Список литературы

- Абульханова, К. А., Славская, А. Н. (2019). Сознание личности как проблема. Часть I. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*, (4), 8–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-4-8-23>
- Акопов, Г. В. (2022). Новое объяснение сознания: подход М. Грацианно. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19 (1), 169–182. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-169-182>
- Аллахвердов, В. М. (2021, 30 марта). О поиске социальных и когнитивных оснований сознания. *Психологическая газета*. <https://psy.su/feed/8931/?ysclid=m8obe5ru1b624056233>
- Ардашев, Р. Г. (2020). Иррациональное мышление: роль астропрогноза в жизни современных студентов. *Alma mater: Вестник высшей школы*, (6), 41–43. <https://doi.org/10.20339/AM.06-20.041>
- Асмолов, А. Г. (2002). *По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии*. Москва: Издательство «Смысл».
- Белкин, А. И. (2020). Воздействие медиаинформации на сознание и поведение младших школьников в контексте проблематики судебно-психологической экспертизы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 20 (1), 56–62. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-56-62>
- Бонивелл, И. (2009). *Ключи к благополучию: Что может позитивная психология* (пер. с англ. М. Бабичевой). Москва: Издательство «Время».
- Васильев, В. В. (2021). *Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии*. Издательская группа URSS.
- Гальперин, П. Я. (1966). Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. В Е. В. Шорохова (Ред.), *Исследование мышления в советской психологии: сборник статей* (стр. 132). Москва: Издательство «Наука».
- Гогиберидзе, Г. М. (2023). Модернизация патриотического воспитания в современной школе на основе принципов позитивной психологии. *Психология человека в образовании*, 5 (3), 366–375. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-366-375>
- Гогиберидзе, Г. М. (2024). Особенности динамики ценностных ориентаций студентов в условиях образовательного пространства современного российского вуза. В *Молодежь в современном мире: ценности и риски: материалы III научно-практической конференции* (стр. 38–45). Москва: РУДН. <https://www.rudn.ru/media/events/9d78af62-20a2-4a8a-b1f1-cd597f0b5a50>
- Грациано, М. (2021). *Наука сознания: Современная теория субъективного опыта* (пер. А. Петровой). Москва: Издательство «Альпина нон-фикшн».
- Гришина, Е. А. (2019). Оккультные услуги в потребительском пространстве современного российского общества. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, (4), 94–108. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2019-4-94-108>

- Гуссерль, Э. (2024). *Логические исследования* (Т. 2). Москва: Издательство «Академический проект».
- Давыдов, В. В. (1996). *Теория развивающего обучения*. Российская академия образования, Психологический институт, Международная ассоциация "Развивающее обучение": монография. Москва: Издательство «Интор».
- Дьюи, Д. (2021). *Психология и педагогика мышления* (пер. Н. М. Никольской). Москва: Издательство «Юрайт».
- Ильенков, Э. В. (1964). Школа должна учить мыслить. *Народное образование*, 6–55.
- Князева, Е. Н. (2014). *Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии*. Санкт-Петербург: Издательство «Университетская книга».
- Коновалов, И. А. (2023). *Социально-перцептивные и поведенческие аспекты асоциальности подростков в контексте проблем молодежной политики*: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург. <https://go.spbu.ru/22a101101>
- Корешникова, Ю. Н. (2021). *Организационные и педагогические условия развития критического мышления у студентов вузов*: дис. ... канд. пед. наук. Москва. <https://www.hse.ru/sci/diss/484151933>
- Корешникова, Ю. Н., Фрумин, И. Д., Пащенко, Т. В. (2020). Барьеры для создания педагогических условий развития критического мышления в российских вузах. *Педагогика*, 84 (9), 45–53.
- Корниенко, А. Ф. (2010). Деятельность как сознательная форма поведения человека. *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 2 (20), 304–308.
- Мамардашвили, М. К. (2014). *Сознание и цивилизация*. Санкт-Петербург: Издательство «Лениздат».
- Маркузе, Г. (2003). *Одномерный человек* (пер. с англ. А. А. Юдина). Москва: АСТ: Ермак.
- Мкртчян, Н. С. (2024). Теория сознания в работе Роберта Нозика «Инварианты». *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, 48 (1), 41–57. <https://doi.org/10.55959/MSU0201-7385-7-2024-1-41-57>
- Момджян, К. Х. (2025). Сознание как ключевой компонент родовой человеческой сущности. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, 49 (1), 73–93.
- Мудрик, А. В. (2016). *Социально-педагогические проблемы социализации*. Москва: Московский педагогический государственный университет.
- Пащенко, Т. В. (2024). *Использование проблемно-ориентированного обучения для развития критического мышления взрослых*: дис. ... канд. пед. наук. Москва. <https://www.hse.ru/sci/diss/7531285>
- Поляков, А. М. (2022). Развитие сознания в контексте проблемы знакового и символического опосредствования. *Культурно-историческая психология*, 18 (2), 4–12. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180201>
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Новикова, М. А., Молчанова, Д. В. (2021). *Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: Анализ мирового опыта*: монография. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА».
- Реан, А. А., Ставцев, А. А., Кузьмин, Р. Г. (2023). *Позитивная психология и педагогика*. Москва: Московский педагогический государственный университет.
- Фомин, А. П. (2009). *Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности*: дис. ... доктора филос. наук. Санкт-Петербург. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003464895>
- Чиксентмихайи, М. (2013). *Эволюция личности* (пер. Е. Алексеева). Москва: Издательство «Альпина нон-фикшн».

- Andersson, I., Persson, J., & Kajonius, P. (2022). Even the stars think that I am superior: Personality, intelligence and belief in astrology. *Personality and Individual Differences*, 187, 111389. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111389>
- Arifin, Z., Perdana, R., Rahayu, W., & Suryadi, D. (2025). The effect of inquiry-based learning on students' critical thinking skills in science education: A systematic review and meta-analysis. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 21 (3), em2592. <https://doi.org/10.29333/ejmste/15988>
- Baylin, J. (2013). Behavioral epigenetics and attachment: The new science of trust and mistrust. *The Neuropsychotherapist*, 1, 68–79. [https://doi.org/10.12744/tnpt\(3\)068-079](https://doi.org/10.12744/tnpt(3)068-079)
- Brabeck, M. M. (1983). Critical thinking skills and reflective judgment development: Redefining the aims of higher education. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 4 (1), 23–34. [https://doi.org/10.1016/0193-3973\(83\)90056-4](https://doi.org/10.1016/0193-3973(83)90056-4)
- Dessingué, A., & Wagner, D. A. (2024). Promoting dialogical critical thinking in education: Examining teachers' practices and conceptualizations in the Norwegian school context. *Journal of Curriculum Studies*, 57 (2), 184–202. <https://doi.org/10.1080/00220272.2024.2334937>
- Dewey, J. (1910). *How we think*. D. C. Heath. <https://doi.org/10.1037/10903-000>
- Ghosh, R., Chan, W. Y. A., Manuel, A., & Dilimulati, M. (2016). Can education counter violent religious extremism? *Canadian Foreign Policy Journal*, 23 (2), 117–133. <https://doi.org/10.1080/1926422.2016.1165713>
- Hutto, D. D. (2012). *Radicalizing enactivism: Basic minds without Content*. MIT Press.
- Kastrup, B. (2019). *The idea of the world: A multi-disciplinary argument for the mental nature of reality*. Iff Books.
- Mattsson, C., & Säljö, R. (2017). Violent extremism, national security and prevention: Institutional discourses and their implications for schooling. *British Journal of Educational Studies*, 66 (1), 109–125. <https://doi.org/10.1080/00071005.2017.1337870>
- Noë, A. (2002). Is the visual world a grand illusion? *Journal of Consciousness Studies*, 9 (5–6), 1–12. <https://philpapers.org/rec/NOITV>
- Rockmore, T. (2022). Lektorsky on dialectical materialism and enactivism. *Philosophy of Science and Technology / Filosofiya Nauki i Tekhniki*, 27 (2), 46–57. <https://doi.org/10.21146/0235-7234-2022-27-2-46-57>
- Seligman, M. E. P., & Csikszentmihalyi, M. (2000). Positive psychology: An introduction. *American Psychologist*, 55 (1), 5–14. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.5>
- Siegel, H. (1980). Critical thinking as an educational ideal. *The Educational Forum*, 45 (1), 7–23. <https://doi.org/10.1080/00131728009336046>
- Simard, S. W. (2018). Mycorrhizal networks facilitate tree communication, learning, and memory. In F. Baluška, M. Gagliano, & G. Witzany (Eds.), *Memory and learning in plants* (pp. 135–161). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-75596-0_10
- Tedla, Y. G., & Chen, H. L. (2024). The impacts of computer-supported collaborative learning on students' critical thinking: A meta-analysis. *Education and Information Technologies*, 30, 1487–1516. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12857-y>
- Thompson, E. (2010). *Mind in life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind*. Harvard University Press. <https://philpapers.org/rec/THOMIL>
- Walter, Y. (2024). Embracing the future of Artificial Intelligence in the classroom: The relevance of AI literacy, prompt engineering, and critical thinking in modern education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 21 (1), 15. <https://doi.org/10.1186/s41239-024-00448-3>

Varela, F. J. (1996). Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem. *Journal of Consciousness Studies*, 3 (4), 330–349. <https://philpapers.org/rec/VARNAM>

References

- Abul'hanova, K. A., Slavskaya, A. N. (2019). Soznanie lichnosti kak problema. Chast' I. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, (4), 8–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-4-8-23>
- Akopov, G. V. (2022). Novoe ob'yasnenie soznaniya: podhod M. Gracianno. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 19 (1), 169–182. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-169-182>
- Allahverdiv, V. M. (2021, 30 marta). O poiske social'nyh i kognitivnyh osnovanij soznaniya. *Psihologicheskaya gazeta*. <https://psy.su/feed/8931/?ysclid=m8obe5ru1b624056233>
- Ardashev, R. G. (2020). Irracional'noe myshlenie: rol' astroprognoza v zhizni sovremennykh studentov. *Alma mater: Vestnik vysshej shkoly*, (6), 41–43. <https://doi.org/10.20339/AM.06-20.041>
- Asmolov, A. G. (2002). *Po tu storonu soznaniya: Metodologicheskie problemy neklassicheskoy psikhologii*. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl».
- Belkin, A. I. (2020). Vozdejstvie mediainformacii na soznanie i povedenie mladshih shkol'nikov v kontekste problematiki sudebno-psihologicheskoy ekspertizy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 20 (1), 56–62. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-56-62>
- Bonivell, I. (2009). *Klyuchi k blagopoluchiyu: Chto mozhet pozitivnaya psikhologiya* (per. s angl. M. Babichevoj). Moscow: Izdatel'stvo «Vremya».
- Vasil'ev, V. V. (2021). *Soznanie i veshchi: Ocherk fenomenalisticheskoy ontologii*. Izdatel'skaya gruppa URSS.
- Gal'perin, P. Ya. (1966). Psihologiya myshleniya i uchenie o poetapnom formirovanii umstvennykh dejstvij. V E. V. Shorohova (Red.), *Issledovanie myshleniya v sovetskoj psikhologii: sbornik statej* (str. 132). Moscow: Izdatel'stvo «Nauka».
- Gogiberidze, G. M. (2023). Modernizaciya patrioticheskogo vospitaniya v sovremennoj shkole na osnove principov pozitivnoj psikhologii. *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*, 5 (3), 366–375. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-366-375>
- Gogiberidze, G. M. (2024). Osobennosti dinamiki cennostnykh orientacij studentov v usloviyah obrazovatel'nogo prostranstva sovremennogo rossijskogo vuza. V *Molodezh' v sovremennom mire: cennosti i riski: materialy III nauchno-prakticheskoy konferencii* (str. 38–45). Moscow: RUDN. <https://www.rudn.ru/media/events/9d78af62-20a2-4a8a-b1f1-cd597f0b5a50>
- Graciano, M. (2021). *Nauka soznaniya: Sovremennaya teoriya sub"ektivnogo opyta* (per. A. Petrovoj). Moscow: Izdatel'stvo «Al'pina non-fikshn».
- Grishina, E. A. (2019). Okkul'tnye uslugi v potrebitel'skom prostranstve sovremennogo rossijskogo obshchestva. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»*, (4), 94–108. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2019-4-94-108>
- Gusserl', E. (2024). *Logicheskie issledovaniya* (T. 2). Moskva: Izdatel'stvo «Akademicheskij proekt».
- Davydov, V. V. (1996). *Teoriya razvivayushchego obucheniya. Rossijskaya akademiya obrazovaniya, Psihologicheskij institut, Mezhdunarodnaya asociaciya "Razvivayushchee obuchenie"*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Intor».
- D'yui, D. (2021). *Psihologiya i pedagogika myshleniya* (per. N. M. Nikol'skoj). Moscow: Izdatel'stvo «YUrajt».
- Il'enkov, E. V. (1964). Shkola dolzhna učit' myslit'. *Narodnoe obrazovanie*, 6–55.
- Knyazeva, E. N. (2014). *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Universitetskaya kniga».

- Konovalov, I. A. (2023). *Social'no-perceptivnye i povedencheskie aspekty asocial'nosti podrostkov v kontekste problem molodezhnoj politiki*: dis. ... kand. psihol. nauk. Saint Petersburg. <https://go.spbu.ru/22a101101>
- Koreshnikova, Yu. N. (2021). *Organizacionnye i pedagogicheskie usloviya razvitiya kriticheskogo myshleniya u studentov vuzov*: dis. ... kand. ped. nauk. Moscow. <https://www.hse.ru/sci/diss/484151933>
- Koreshnikova, Yu. N., Frumin, I. D., Pashchenko, T. V. (2020). Bar'ery dlya sozdaniya pedagogicheskikh uslovij razvitiya kriticheskogo myshleniya v rossijskikh vuzah. *Pedagogika*, 84 (9), 45–53.
- Kornienko, A. F. (2010). Deyatel'nost' kak soznatel'naya forma povedeniya cheloveka. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2 (20), 304–308.
- Mamardashvili, M. K. (2014). *Soznanie i civilizaciya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Lenizdat».
- Markuze, G. (2003). *Odnomernyj chelovek* (per. s angl. A. A. Yudina). Moscow: AST: Ermak.
- Mkrtchyan, N. S. (2024). Teoriya soznaniya v rabote Roberta Nozika «Invarianty». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, 48 (1), 41–57. <https://doi.org/10.55959/MSU0201-7385-7-2024-1-41-57>
- Momdzhyan, K. H. (2025). Soznanie kak klyuchevoj komponent rodovoj chelovecheskoj sushchnosti. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, 49 (1), 73–93.
- Mudrik, A. V. (2016). *Social'no-pedagogicheskie problemy socializacii*. Moscow: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet.
- Pashchenko, T. V. (2024). *Ispol'zovanie problemno-orientirovannogo obucheniya dlya razvitiya kriticheskogo myshleniya vzroslyh*: dis. ... kand. ped. nauk. Moscow. <https://www.hse.ru/sci/diss/7531285>
- Polyakov, A. M. (2022). Razvitie soznaniya v kontekste problemy znakovogo i simvolicheskogo oposredstvovaniya. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, 18 (2), 4–12. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180201>
- Rean, A. A., Konovalov, I. A., Novikova, M. A., Molchanova, D. V. (2021). *Profilaktika agressii i destruktivnogo povedeniya molodezhi: Analiz mirovogo opyta*: monografiya. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya «KOSTA».
- Rean, A. A., Stavcev, A. A., Kuz'min, R. G. (2023). *Pozitivnaya psihologiya i pedagogika*. Moscow: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet.
- Fomin, A. P. (2009). *Pedagogicheskoe soznanie v usloviyah virtualizacii social'noj real'nosti*: dis. ... doktora filos. nauk. Saint Petersburg. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003464895>
- Chiksentmihaji, M. (2013). *Evoljuciya lichnosti* (per. E. Alekseeva). Moscow: Izdatel'stvo «Al'pina non-fikshn».
- Andersson, I., Persson, J., & Kajonius, P. (2022). Even the stars think that I am superior: Personality, intelligence and belief in astrology. *Personality and Individual Differences*, 187, 111389. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111389>
- Arifin, Z., Perdana, R., Rahayu, W., & Suryadi, D. (2025). The effect of inquiry-based learning on students' critical thinking skills in science education: A systematic review and meta-analysis. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 21 (3), em2592. <https://doi.org/10.29333/ejmste/15988>
- Baylin, J. (2013). Behavioral epigenetics and attachment: The new science of trust and mistrust. *The Neuropsychotherapist*, 1, 68–79. [https://doi.org/10.12744/tnpt\(3\)068-079](https://doi.org/10.12744/tnpt(3)068-079)
- Brabeck, M. M. (1983). Critical thinking skills and reflective judgment development: Redefining the aims of higher education. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 4 (1), 23–34. [https://doi.org/10.1016/0193-3973\(83\)90056-4](https://doi.org/10.1016/0193-3973(83)90056-4)

- Dessingué, A., & Wagner, D. A. (2024). Promoting dialogical critical thinking in education: Examining teachers' practices and conceptualizations in the Norwegian school context. *Journal of Curriculum Studies*, 57 (2), 184–202. <https://doi.org/10.1080/00220272.2024.2334937>
- Dewey, J. (1910). *How we think*. D. C. Heath. <https://doi.org/10.1037/10903-000>
- Ghosh, R., Chan, W. Y. A., Manuel, A., & Dilimulati, M. (2016). Can education counter violent religious extremism? *Canadian Foreign Policy Journal*, 23 (2), 117–133. <https://doi.org/10.1080/1926422.2016.1165713>
- Hutto, D. D. (2012). *Radicalizing enactivism: Basic minds without Content*. MIT Press.
- Kastrup, B. (2019). *The idea of the world: A multi-disciplinary argument for the mental nature of reality*. Iff Books.
- Mattsson, C., & Säljö, R. (2017). Violent extremism, national security and prevention: Institutional discourses and their implications for schooling. *British Journal of Educational Studies*, 66 (1), 109–125. <https://doi.org/10.1080/00071005.2017.1337870>
- Noë, A. (2002). Is the visual world a grand illusion? *Journal of Consciousness Studies*, 9 (5–6), 1–12. <https://philpapers.org/rec/NOITV>
- Rockmore, T. (2022). Lektorsky on dialectical materialism and enactivism. *Philosophy of Science and Technology / Filosofiya Nauki i Tekhniki*, 27 (2), 46–57. <https://doi.org/10.21146/0235-7234-2022-27-2-46-57>
- Seligman, M. E. P., & Csikszentmihalyi, M. (2000). Positive psychology: An introduction. *American Psychologist*, 55 (1), 5–14. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.5>
- Siegel, H. (1980). Critical thinking as an educational ideal. *The Educational Forum*, 45 (1), 7–23. <https://doi.org/10.1080/00131728009336046>
- Simard, S. W. (2018). Mycorrhizal networks facilitate tree communication, learning, and memory. In F. Baluška, M. Gagliano, & G. Witzany (Eds.), *Memory and learning in plants* (pp. 135–161). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-75596-0_10
- Tedla, Y. G., & Chen, H. L. (2024). The impacts of computer-supported collaborative learning on students' critical thinking: A meta-analysis. *Education and Information Technologies*, 30, 1487–1516. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12857-y>
- Thompson, E. (2010). *Mind in life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind*. Harvard University Press. <https://philpapers.org/rec/THOMIL>
- Walter, Y. (2024). Embracing the future of Artificial Intelligence in the classroom: The relevance of AI literacy, prompt engineering, and critical thinking in modern education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 21 (1), 15. <https://doi.org/10.1186/s41239-024-00448-3>
- Varela, F. J. (1996). Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem. *Journal of Consciousness Studies*, 3 (4), 330–349. <https://philpapers.org/rec/VARNAM>

Информация об авторах

Артур Александрович Реан – академик РАО, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, председатель Научного совета Российской академии образования по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, доктор педагогических наук, профессор.

Георгий Меджидович Гогиберидзе – главный научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, доктор педагогических наук, профессор.

Иван Александрович Коновалов – научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, кандидат психологических наук.

About the authors

Artur A. Rean – Academician of the Russian Academy of Education, Head of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the Prevention of Aggression and Destructive Behavior in Students, Dr. Sci. (Edu.), Professor.

Georgy M. Gogiberidze – Chief Scientific Officer at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Dr. Sci. (Edu.), Professor.

Ivan A. Konovalov – Research fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Cand. Sci. (Psy.).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 21.05.2025

Одобрена после рецензирования 20.06.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted May 21, 2025

Approved after reviewing June 20, 2025

Accepted July 28, 2025

УДК 159.99:343.955

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-241-254

Личность несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве: аспекты дезадаптации

Андрей Викторович Поминов

Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий
(Сибай, Россия)
pominoffan@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3076-0962

Аннотация

Введение. В российском обществе констатируется снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также преступлений в отношении несовершеннолетних. При этом проблема дезадаптации несовершеннолетних, ставших участниками, жертвами или свидетелями криминальных событий, остается актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане. Проблема дезадаптации несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства наблюдается во всех проявлениях субъектности: подозреваемый/подследственный, потерпевший, свидетель. Проявление дезадаптации, ее типы и уровни, а также интенсивность зависят от соотношения и когерентности внешнего актора и внутренней готовности к дезадаптивным процессам. В психологическом плане дезадаптация влияет на регулятивные процессы. Криминальное событие является актором дезадаптации потерпевшей личности и свидетеля. Дезадаптация влияет на понимание и осознание вины совершенного криминального поступка, содержания и последствий криминального события.

Цель исследования. В исследовании поставлены задачи, направленные на определение связи процессов саморегуляции с возрастной и индивидуальной готовностью понимать вину как событие и последствие; определение признаков проявления, содержания и методов диагностики социального дефекта несовершеннолетнего как последствий его участия в криминальном событии; разработку требований к отбору методов и методик судебной психологической экспертизы в отношении несовершеннолетних; создание модели деятельности психолога как специалиста в уголовном судопроизводстве по сопровождению прав и интересов несовершеннолетнего; определение статуса, содержания и средств деятельности специалиста-психолога по оценке достоверности показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в ходе проведения с ними процессуальных мероприятий. **Методы исследования.** Основу исследования составили анализ информации и эмпирические исследования. **Результаты.** На основании проведенных изысканий сделаны выводы и поставлен ряд перспективных исследовательских задач.

Ключевые слова

дезадаптация, социальный дефект, произвольная саморегуляция, достоверность показаний, несовершеннолетний, криминальная психология

Для цитирования: Поминов, А. В. (2025). Личность несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве: аспекты дезадаптации. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 241–254. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-241-254.

Personality of a minor in criminal proceedings: aspects of maladaptation

Andrey V. Pominov

Sibay Institute (branch) Ufa University of Science and Technology

(Sibay, Russia)

pominoffan@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3076-0962

Abstract

Introduction. In Russian society, a decrease in the number of offences committed by minors, as well as crimes against minors, has been stated. At the same time, the relevance of the problem of maladaptation of minors having been involved in criminal events, either as participants, victims or witnesses, remains important and significant both in theoretical and practical terms. The problem of maladaptation of minors as parties in criminal proceedings is observed in all forms of subjectivity: suspect/ defendant, victim, witness. The phenomenon of maladaptation, its types and levels, as well as its intensity depend on the ratio and coherence of the external actor and internal readiness for maladaptive processes. In psychological terms, maladaptation affects regulatory processes. The criminal event is an actor of maladaptation of a victim and witness. The maladaptation affects the understanding and realisation of the guilt for the criminal act committed, the content and consequences of the criminal event. **Purpose of the research.** The research is aimed at: determining the correlation of self-regulation processes with age and individual readiness to understand the guilt as an event and consequence; identifying the signs of manifestation, content and methods of diagnosing the social defect of a minor as a consequence of his participation in a criminal event; developing the requirements for methods and techniques of forensic psychological examination of minors; developing a model of a psychologist's activity as a specialist in criminal proceedings to support the rights and interests of a minor; determining the status, content and means of an expert-psychologist's activity to assess the reliability of the testimony of minor participants involved in criminal proceedings. **Research methods.** The research was based on information analysis and empirical examination. **Results.** A number of conclusions were drawn and a few promising research tasks were formulated on the basis of the research findings.

Keywords

maladaptation, social defect, self-directed regulation, reliability of testimony, minor, criminal psychology

For citation: Pominov, A. V. (2025). Personality of a minor in criminal proceedings: aspects of maladaptation. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 241–254. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-241-254.

Введение

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ (далее – Анализ статистических данных)¹ позволяет констатировать: с 2003 г. наблюдается тенденция к снижению количества преступлений, совершенных несовершеннолетними; долевое наполнение содержания криминальных поступков осталось без изменений; содержание

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2007–2022 годы. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>

ст. 158 УК РФ составляет около 50 % общего количества преступлений несовершеннолетних, на втором–четвертом местах располагаются по мере снижения доли: ст. ст. 161, 166, 228–234¹ УК РФ; при оценке возрастного параметра участников преступлений соотношение доли подростков 14–15 лет (среднее значение – 13 467 преступлений) к подросткам 16–17 лет (среднее значение – 30 330 преступлений) составляет 2,31 раза. Этот факт позволяет определить проблему скрытой криминальной активности среди подростков до 16 лет и наступления в 16 лет фактического рецидива в поведении криминализированных подростков.

Ю. В. Андриенко в своем исследовании отмечает, что факторами снижения преступности являются: рост экономического благосостояния (снижение насильственных преступлений) и повышение сроков образования (система общего образования перешла на 11-летнее обучение с 2001 г.); спад рождаемости в 1990 г., что обусловило снижение количества насильственных преступлений в 2010–2020 гг. Повышают уровень преступности передача криминального опыта в поколениях преступников, уровень употребления алкоголя, доля одиноких мужчин и т. п. (Андриенко, 2001).

Преступность во всех аспектах предполагает запуск дезадаптивных процессов в поведении созревающей личности. В разные годы проблемами дезадаптации занимались Ю. М. Антонян, И. Б. Бойко, А. Н. Голик, Э. В. Зауторова, Л. М. Семенюк, Н. К. Сухотина, Д. И. Фельдштейн, И. К. Шац и др.

По мнению ряда ученых, проблема дезадаптации напрямую связана с процессами саморегуляции. Значительный вклад в решение проблемы произвольной саморегуляции внес О. А. Конопкин. Группа исследователей (А. В. Зверьков, В. И. Морасанова, А. К. Осиницкий, Е. В. Эйдман и др.) в области произвольной саморегуляции совершенствовала диагностический аппарат и получила важные эмпирические данные для решения данной проблемы.

Одним из последствий социальной дезадаптации личности несовершеннолетнего может стать проявление социального дефекта в поведении личности. Социальный дефект в аспекте виктимизации изучали О. О. Андронникова, Т. В. Варчук, В. Е. Квашиш, А. Г. Овчаренко, Е. В. Руденский, Ю. Е. Руденская, В. А. Туляков.

Выявленные психологические последствия криминального события для несовершеннолетних определяют одну из проблем криминалистики и криминальной психологии в частности: сопровождение прав и интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве; роль и содержание работы специалиста-психолога в сопровождении прав и интересов несовершеннолетних; стандартизация требований к методологии судебной психологической экспертизы в отношении несовершеннолетних; содержание и средства деятельности специалиста-психолога в уголовном судопроизводстве по оценке достоверности показаний несовершеннолетних правонарушителей, потерпевших и свидетелей.

Научная новизна исследования заключается в разработке ряда направлений и задач: сопровождение прав и интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве представлено как юридико-психологическая реальность; определены роль и содержание деятельности психолога в этом сопровождении; выделены и обоснованы подходы и принципы к процессу стандартизации методов, методик и процедур судебно-экспертных исследований в отношении несовершеннолетних; предложены подходы в определении содержания, процедур и средств деятельности психолога по оценке достоверности показаний несовершеннолетних правонарушителей, потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве. Теоретическая значимость исследования характеризуется теоретическим и эмпирическим определением связи процессов саморегуляции с возрастной и индивидуальной готовностью понимать вину как событие и последствие, выделением признаков проявления социального дефекта у несовершеннолетнего, теоретическим анализом и экспериментальной проверкой методологии диагностики социального дефекта у несовершеннолетнего как последствия его участия в криминальном событии.

Методология и методы

Основу исследования составили: анализ статической информации о состоянии преступности в России в динамике за 2003–2023 гг.; выборка из базы данных преступлений, совершенных несовершеннолетними, с распределением их по статьям УК РФ, выделение преступлений, которые совершаются чаще всего в отношении несовершеннолетних; анализ судебных психологических экспертиз, проведенных в отношении несовершеннолетних правонарушителей, потерпевших и свидетелей; данные, полученные в ходе исследования несовершеннолетних на предмет состояния у них произвольной саморегуляции и когнитивных функций (N=74).

Результаты

Концепция дезадаптации личности несовершеннолетнего в криминологии девиантного поведения. В связи с интенсивным ростом цифровых технологий наметилось возрастание количества исследований, связанных с проблемами адаптации личности несовершеннолетнего, сохранности его когнитивной сферы. Исследователи отмечают: «Негативные влияния игровой активности подростков на эмоциональные и социальные особенности поведения геймеров... могут быть связаны не только с временными затратами на игру, но, возможно, и с преморбидными особенностями подростков, такими как депрессивные переживания» (Каменская, Томанов, 2022, с. 151).

Проблема дезадаптации подростков с девиантным поведением стала предметом междисциплинарных исследований. Так, Ю. М. Антонян определяет понятие дезадаптации в аспекте отчуждения, которое раскрывается в семантике понятия психологической аномии: «Отчуждение при аномии состоит, на наш взгляд, в том, что человек не адаптирован к каким-то социальным нормам, отвергает их или не верит в них, а в некоторых случаях просто не знает об их существовании» (Антонян, 2022, с. 9). Э. В. Зауторова выделяет ряд факторов, детерминирующих дезадаптацию несовершеннолетних: 1) дисфункциональность семьи; 2) школьная дезадаптация; 3) воздействие асоциальной неформальной среды; 4) социально-демографические факторы (Зауторова, 2018).

Во многих исследованиях показаны два вида дезадаптации: психическая и моральная. Психическая дезадаптация приводит к деградации личности на поведенческом уровне и чаще проявляется в форме отклонений, когда в «личном профиле... отмечаются неадекватность этической ориентации принятым нормам, импульсивность, склонность к конфликтам, плохо предсказуемому поведению и др.»². Нередко в исследованиях проблем дезадаптации, девиации и преступного поведения встречается понятие «моралепатия». Моралепатия предполагает исследование «моральных отклонений в поведении и дефектов моральной сферы личности, т. е. при моралепатии важно выявить различные ее формы, отделить психопатологические нарушения от противоправных отклонений и проступков, подлежащих юридическим санкциям»³. Следовательно, девиация может быть определена уровнем патопсихологического развития личности; девиация может быть порождена проблемами умственного развития, когда ребенок не понимал смысла и социального значения своих действий в силу неспособности к моделированию и прогнозированию психической активности, трудностей с психической саморегуляцией. Термин «моралепатия» позволяет сконцентрироваться исключительно на предметности социального поведения личности, исключив патологический механизм его порождения. Такое понимание позволяет утверждать, что девиантное поведение является социальным дефектом.

² Ковалев, О. Г., Малышева, О. А. (2001). *Криминологические и психологические проблемы дезадаптации женщин молодежного возраста, отбывших наказание в виде лишения свободы*: учебное пособие (Сер. Выпуск 24 Тюремная библиотека) (стр. 12). Издательство «Права человека».

³ Там же.

Эмпирическое исследование психической саморегуляции и самоконтроля в проявлении дезадаптации личности несовершеннолетнего. Саморегуляция – это индикатор, который помогает понять и раскрыть внутреннюю психологическую структуру социального дефекта. Саморегуляция является важнейшим элементом созревания психики, формирования высших психических функций, произвольности поведения. Именно период несовершеннолетия наполнен процессами, когда от внешней регуляции поведения происходит переход к внутренней регуляции – саморегуляции.

Изучая произвольную саморегуляцию психической активности у детей с девиантным типом поведения, будем опираться на исследования О. А. Конопкина, где показано, что саморегуляция – это единый процесс, содержащий две составляющие: структурно-функциональную и содержательно-психологическую. Под структурно-функциональным аспектом произвольной саморегуляции будем понимать внутренние механизмы саморегуляции, включающие функциональные звенья: принятие цели деятельности, определение комплекса условий, выбор программы действий, выбор критериев достижения исходной цели, осуществление контроля и оценки результатов, коррекцию системы саморегуляции. Содержательно-психологическая составляющая содержит когнитивный, эмоциональный и волевой опыт, личностные, ценностные предпочтения и ориентации (Конопкин, 2005). Проведенные нами исследования саморегуляции среди подростков порой носят парадоксальный характер: наблюдается ориентация на групповые поведенческие нормы при проявленности автономности в организации активности. Данный факт требует дополнительного экспериментального подтверждения за счет увеличения размера и квот выборки и теоретического объяснения.

В основу эмпирического исследования саморегуляции положена опросная методика «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» В. И. Морасановой⁴, шкала депрессии А. Т. Бека (детский вариант), тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверьков, Е. В. Эйдман).

О. В. Липунова в своем исследовании уровня субъективного контроля девиантных подростков отмечает: «Для подавляющего большинства исследуемых девиантных подростков характерен низкий уровень субъективного контроля» (Липунова, 2015, с. 113). Это позволяет предположить наличие взаимосвязи уровня самоконтроля и саморегуляции, выявление конкретных шкальных корреляций и определение таким образом факторов, обуславливающих нарушения в саморегуляции подростков с девиантным поведением. При сопровождении подростков в ходе уголовного судопроизводства можно зафиксировать, что часто жертвы насильственных преступлений эмоционально возбудимы, легко впадают в депрессивные состояния, в их поведении проявляется низкий уровень самоконтроля. Данный факт требует разрешения как правовых, так и методологических проблем возникшего процессуального акта:

- каковы признаки эмоционального возбужденного поведения несовершеннолетнего;
- каково влияние таких психических состояний на качество показаний несовершеннолетнего;
- насколько выявленное психическое состояние отвечает требованиям к процессуальным мероприятиям;
- каковы методология и методы деятельности психолога для разрешения психологической стороны процессуального акта;
- какими должны быть процессуальные действия всех субъектов уголовного судопроизводства при возникновении данного процессуального акта.

Корреляционная и факторная связность самоконтроля и саморегуляции должна стать следующим этапом экспериментального и эмпирического исследования социального дефекта поведения.

⁴ Морасанова, В. И., Кондратюк, Н. Г. (2020). *Опросная методика В. И. Морасановой "Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020"*. Заявитель: Психологический институт Российской академии образования

По мнению О. А. Конопкина, «регуляторная активность экстернизируется в речевой деятельности, в различного рода знаковых системах, в разнообразных действиях по поиску, сбору и оценке нужных сведений» (Конопкин, 2005, с. 32). Это позволяет ориентироваться на исследования саморегуляции посредством психолого-лингвистического анализа криминальной лирики, в которой экстернизировалась регуляторная деятельность личности с девиантным поведением. Данное исследование позволит не только выявить характер регуляторной активности лиц с девиантным поведением, но и описать ценностные блоки и нравственные устремления личности.

Осознание вины в парадигме концепции дезадаптации несовершеннолетнего субъекта криминальной ситуации. Часть 1 ст. 25 УК РФ указывает на необходимость определения формы вины. Но форма вины есть итоговая фаза определения вины. Форма вины образуется из самой вины, а точнее из содержания вины. В большинстве юридических исследований вина определяется как психическое отношение субъекта к совершенному деянию. Само понятие психического отношения имеет широкий спектр понимания как в психологической науке, так и в юриспруденции.

Психологическая теория психического отношения представляет широкий спектр описаний среды, где проявляется субъектность личности, т. е. причинность индивида в его взаимоотношениях и переживаниях взаимоотношений (Петровский, А., Петровский, В., 2014).

Диалектическое понимание вины, изложенное в статье С. В. Векленко, позволяет утверждать, что психология вины концентрируется вокруг понятий «осознанность» и «воля», где осознанность и воля образуют форму вины, а семантика образованного действия – содержание вины. В этом исследовании выделен неизменный признак, способный стать основой не только для видовой дифференциации вины, но и для доктринального понимания вины в уголовном судопроизводстве. Таким признаком становится сознание. Основой видовой многообразия форм вины автор считает волю как содержание этой вины, и тогда становится понятным введение понятия интеллектуального содержания виновного отношения к деянию (Векленко, 2008).

Пункты 2 и 3 статьи 25 УК РФ свидетельствуют об осознанности и понимании как ключевых характеристиках субъекта преступления. В психологической науке понятие субъекта включает ряд качеств, выраженных в способностях к самоорганизации; постановке целей с учетом достижений, активной адаптации с учетом собственных целей и условий социально-культурной и биологической среды; саморегуляции своей направленной активности (Котелевцев, 2019). Цель и мотив преступного акта играют роль в момент совершения преступления. Само преступное действие служит достижению цели и удовлетворению мотива. Образую субъективную сторону преступления, цель и мотив не могут отождествляться с виной, которая не может проистекать параллельно с преступным актом (Тарханов, Гайфутдинов, 2020). Возникает закономерный вопрос: каков процесс созревания когнитивных функций, обеспечивающих понимание, осознание и на основе этого саморегуляцию в сложных системах социальных отношений. Ответ на него видится в организации эмпирического исследования на возрастных выборках несовершеннолетних.

Проблема индивидуального осознания и понимания вины и виновности характерна не только для правонарушителей, но и для несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Рассмотрим эпизод уголовного преступления, где расследовался инцестуальный случай с девочкой школьного возраста. Девочка с возраста дошкольника была включена в семье в различные формы сексуальных актов, но рассматривала данное явление не как насильственные действия, а как норму семейных отношений. Формирование представления о виновности данного действия у нее априори будет заторможено. Это накладывает отпечаток на саморегуляцию в сексуальном поведении несовершеннолетней, создает реальную почву для ее дезадаптации.

Несовершеннолетний как субъект правонарушения: семантический анализ понятия девиантного поведения несовершеннолетнего в парадигме дезадаптации. Анализ статистических данных позволяет выделить ряд тенденций. Так, около 50 % преступлений несовершеннолетних формируется за счет краж. При этом проявление состава преступления по ст. 161 УК РФ снижается от максимальной 22,4 % в 2006 г. до 8,72 % в 2023 г. Доля преступлений, входящих в состав ст. ст. 166 и 228–234¹ УК РФ, незначительно увеличивается. Известно, что причина доминирования краж в подростковой преступности определяется социальным портретом ребенка с признаками девиации: это ребенок из неблагополучной среды, неполной семьи, страдающий ранним табакокурением, алкогольной и наркотической зависимостью. В то же время наблюдается рост числа правонарушителей из полных семей. Отмечается также снижение числа детей из социальных учреждений, вставших на путь совершения преступления. Это требует постановки исследовательской задачи, решение которой направлено на понимание психологии девиации современного подростка, уточнение механизмов и факторов формирования у него девиантного поведения, что позволит определить семантическое поле понятия «девиантное поведение».

В основе девиантного поведения лежит проблема дезадаптации личности несовершеннолетнего (Панцырь, Новгородцева, 2013). Употребление термина «социально-психологическая дезадаптация» всегда обозначает трудности, которые многогранны и многовариативны, проявляются с разной степенью интенсивности, опосредуются различными причинами и детерминируют определенные типы поведения (Семенова, 2024). Дезадаптация – это принятие того или иного деструктивного типа отношения к себе или социуму. Перед нами стоит задача выявить типы и уровни дезадаптации, симптомы проявления дезадаптации несовершеннолетнего на каждом из уровней, способы диагностики проявлений дезадаптации и использования полученных знаний в уголовном судопроизводстве.

Ключевым вопросом криминальной активности несовершеннолетнего выступает мотивация. Проблему мотивации девиантного поведения в своих исследованиях раскрывали такие ученые, как Е. Г. Дозорцева, М. М. Коченов, В. С. Мухина, В. В. Романов, Ф. С. Сафуанов, О. Д. Ситковская. Семантика девиантного поведения определяется параметром устойчивости во времени, где под устойчивостью понимается ценностно-смысловая обусловленность, поэтому в исследованиях широко представлены мотивы, регулирующие девиантное поведение несовершеннолетнего на ценностно-смысловом уровне. Мы предлагаем акт девиантного поведения рассматривать как продукт, детерминированный психологической историей личности, событийно-смысловым рядом, психоэмоциональным состоянием, саморегуляцией, когда даже случайное событие приобретает личностную обусловленность и историческую привязку. Если мы отойдем от такого ключевого критерия в определении девиантного поведения, как устойчивость, то перед нами откроются новые семантические поля понятия девиантного поведения. Это позволяет подойти к решению проблемы понимания личностью вменяемости ей преступного акта. Психология вменяемости играет важную роль в определении вины, так как предполагает ответ на ключевой вопрос субъективной стороны преступления: сознание и воля, выраженные в осознанности и понимании; цели и мотивы (Гарбатович, Классен, 2017). Л. Д. Гаухман предлагает рассматривать субъективную сторону преступления через понятия «вина», «цель» и «мотив», но выраженные в объективной реальности. Если вина может быть рассмотрена через виновное деяние, то цель во всех своих свойствах – осознанность, мыслеформа, речевая форма – является продуктом психической деятельности, но обусловленным объективной реальностью (Гаухман, 2001). И если цель обусловлена внешним объектом деятельности, то мотив – порождение внутренних процессов. Таким образом, мы подходим к определению вины в парадигме культурно-исторической концепции, когда правонарушитель понимает природу своей вины и ответственности через переживание событийной

предопределенности девиации. Такое видение важно с точки зрения понимания предопределенности девиации даже по легкомыслию или небрежности и позволяет личности в рефлексии увидеть событийную и личностную обусловленность девиации, тогда вина предстает перед нами как упречное отношение лица к совершаемому им нарушению запрета (Векленко, 2024).

Несовершеннолетний потерпевший: проблемные психологические аспекты участия несовершеннолетних жертв преступлений в уголовном судопроизводстве. Личность ребенка, ставшего жертвой правонарушения, является объектом пристального внимания педагогов и психологов, социальных работников и медиков. В то же время исследователи указывают, что «зачастую орган предварительного расследования не сообщает в компетентные органы системы профилактики о факте совершения преступления в отношении ребенка в семье, тем самым оставляя его на протяжении всего срока расследования дела в той же обстановке, где он уже подвергся неправомерному поведению» (Капинус, 2019, с. 23). Данную функцию мог бы выполнять такой социальный институт, как комиссия по делам несовершеннолетних.

Психологическим итогом противоправного действия в отношении несовершеннолетнего становится дезадаптация несовершеннолетнего в связи с отсутствием ощущения личностной безопасности и вероятным наступлением виктимизации. Проблеме виктимизации жертвы преступления посвящено немало научных работ, в которых рассматривается широкий спектр предметов: генезис, факторы и механизмы виктимизации, типы виктимного поведения, формы проявления виктимности. Виктимность включает систему как внешних социопатогенных факторов, стимулирующих виктимность, так и внутренних психологических факторов, обусловленных личностными особенностями и выступающих неким субстратом виктимности. Виктимность может быть следствием и алкогольного опьянения несовершеннолетнего (Енгальчев, Королева, Александрова, 2023), и отсутствия сформированного чувства безопасности. Ведя речь о виктимности в криминальной ситуации, мы придерживаемся точки зрения Е. В. Васькэ: в основе виктимности поведения несовершеннолетнего «лежит неспособность к пониманию характера и значения совершаемых» противоправных действий в его отношении (Васькэ, 2010). Психологическая типология виктимного поведения несовершеннолетних жертв преступлений против половой неприкосновенности представлена в исследовании Е. В. Васькэ⁵.

Анализ практики судебной психологической экспертизы по уголовным делам свидетельствует о том, что психологи-эксперты игнорируют исследование последствий психологически травмирующей криминальной ситуации или формирования социального дефекта. Используемые методики психологической диагностики не предполагают наличия тонких инструментов оценки социального дефекта от совершенного преступления. Данный факт требует исследования методологии психодиагностического инструментария психологов-экспертов. Такое исследование позволит запустить процесс стандартизации требований к судебно-экспертным методикам. При этом базой для стандартизации требований к методикам диагностики может стать ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения».

Несовершеннолетний свидетель: психология преодоления негативного воздействия в процессе уголовного судопроизводства. «Свидетель – это лицо, обладающее информацией, требуемой следственным органам» (Кирсанова, Тертычная, 2021, с. 35), которое имело прямой или косвенный контакт с преступником или противоправным действием. Вопросами, связанными с определением роли свидетельствования в уголовном процессе, занимались исследователи в области юриспруденции: Ф. Г. Григорьев, К. Ф. Кабиров, М. С. Кармановский, Т. А. Кирсанова,

⁵ Васькэ, Е. В., Гагина, О. В., Полкунова, Е. В., Русаковская, О. А. и др. (2020). *Курс лекций по программе дополнительной профессиональной переподготовки по экспертной специальности 20.1 "Исследование психологии человека"*: учебное пособие. Российский Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

И. В. Тертычная, И. Н. Якимов. Важную роль в разработке основ психологии несовершеннолетнего свидетеля сыграли О. Д. Ситковская и Е. Г. Дозорцева.

М. С. Кармановский в своем исследовании утверждает, «что свидетель – непосредственный носитель информации, имеющей значение по делу, ... изначально определяет его виктимность» (Кармановский, 2010, с. 80). Уголовное судопроизводство – это стрессогенная среда для подростка, которая представляет собой матрицу для обострения виктимного поведения, «деформирующую психологическую силу, которая, ... дезорганизует практически все механизмы субъектной регуляции, что значительно повышает вероятность рисков жизнеспособности подростка» (Руденский, 2020, с. 34). Сама психологическая природа допроса имеет конфликтный характер⁶.

Криминалистический аспект деятельности специалиста-психолога при сопровождении несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве в парадигме идеи дезадаптации. В середине XX в. остро встала проблема психологической оценки достоверности показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, которая исследуется в трудах современных российских ученых: О. В. Александрова, А. Г. Афанасьева, Е. В. Васкэ, Е. Г. Дозорцевой, В. Ф. Енгальчева, А. В. Карповой, Е. А. Королевой, О. Д. Ситковской, Д. С. Чижовой.

В работе «Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе» впервые формулируется понятие «психологическая достоверность показаний свидетеля»⁷. Е. Г. Дозорцева проводит сравнительное исследование методологии существующих зарубежных практик оценки достоверности показаний. Значительный вклад в разработку методологии и методов оценки достоверности показаний внес В. Ф. Енгальчев. В исследовании «Новые подходы к применению специальных психологических знаний при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними» авторы указывают на специфику ситуаций недостоверности показаний, выявляют ряд причин, препятствующих работе следователя и психолога в разрешении этого вопроса (Енгальчев и др., 2023). А. В. Карпова, Ю. А. Михайлова и Д. С. Чижова предлагают экспертно-исследовательский подход, основанный на комплексном анализе личности несовершеннолетнего. Данное исследование претендует на формирование нового процессуального статуса специалиста, а также на его особую подготовку (Карпова, Михайлова, Чижова, 2019).

Одной из проблем достоверности показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших выступает эффект индуцированности личности несовершеннолетнего. В современных научных исследованиях и практике индукция личности ребенка рассматривается в основном в рамках гражданских процессов. О. Д. Ситковская указывает на возможную индуцированность несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля значимым или близким взрослым: «Речь идет о том, что свидетель иногда воспроизводит не первичную информацию, не то, что он в свое время воспринял, а свои суждения, высказанные на первом допросе, свои первоначальные показания. Зная о необходимости в дальнейшем повторить показания, допрашиваемый старается не забыть сказанного. При этом действительное событие отодвигается на задний план» (Ситковская, 2019, с. 1010). Такая индуцированность и для потерпевшего, и для свидетеля создает трудности в даче показаний вследствие психологического воздействия,

⁶ Васкэ, Е. В. (2020). Лекция 12. Психологическая мотивация преступного действия несовершеннолетних при совершении групповых и индивидуальных деликтов. В Курс лекций по программе дополнительной профессиональной переподготовки по экспертной специальности 20.1 "Исследование психологии человека": учебное пособие (стр. 194–207). Российский Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

⁷ Ситковская, О. Д., Конышева, Л. П. (2001). *Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе*: научно-методическое пособие. Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

повлекшего за собой нарушения саморегуляции. Этот эффект также рассматривается в исследованиях В. Ф. Енгальчева, Д. С. Чижовой и И. А. Кудрявцева.

При том что привлечение психолога в этапы досудебного и судебного уголовного судопроизводства оговорено УПК РФ, его статус в данном мероприятии определяется ст. 58 УПК РФ. В законе не отражено, какой психолог может быть привлечен – детский психолог, психолог-консультант, клинический психолог (Баранов, Коробкова, 2024). В зарубежном опыте имеется практика привлечения профессиональных психологов, специализирующихся на работе с несовершеннолетними.

Заключение и обсуждение

На основании проведенных изысканий можно сделать выводы и поставить ряд перспективных исследовательских задач.

1. Сопровождение прав и интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве представляет собой юридико-психологическую реальность. Видится необходимость решения следующих задач:

- психологическому сопровождению прав и интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве необходимо выделить юридико-психологические феномены и их взаимосвязанных комплексов, разработка особого правового статуса психолога, процессуальной и психолого-методологической стороны его деятельности;
- содержание деятельности специалиста-психолога заключается в минимизации эффекта от психотравмирующих мероприятий в отношении несовершеннолетнего, и это центральная проблема гуманизации уголовного судопроизводства и сопровождения прав и интересов несовершеннолетних.

2. Судебно-экспертная деятельность в отношении несовершеннолетних является неотъемлемой частью сопровождения их прав и интересов, основывается на подходах и принципах, требует стандартизации в плане методов, методик и процедур судебно-экспертных исследований в отношении несовершеннолетних, что влечет за собой разработку методологии стандартизации требований к методикам диагностики при проведении психологической экспертизы в отношении несовершеннолетнего (правонарушителя, потерпевшего, свидетеля).

3. Одним из важных элементов сопровождения прав и интересов несовершеннолетних является создание условий исследования достоверных показаний несовершеннолетнего, что раскрывается в подходах определения содержания, процедур и средств деятельности психолога по оценке достоверности показаний несовершеннолетних правонарушителей, потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве. Анализ эмпирических данных и проведенных научных изысканий позволяет поставить ряд исследовательских задач:

- уточнение понятия «психологическая достоверность показаний»;
- систематизация существующих подходов к психологической оценке достоверности показаний, исследование возможности традиционных психолого-психиатрических экспертиз для разрешения исследуемой проблемы;
- выделение границ допустимости подходов, их полноты и целостности при психологической оценке достоверности показаний несовершеннолетних на разных этапах взросления;
- определение уголовно-процессуального статуса психолога при психологической оценке достоверности показаний несовершеннолетнего;
- определение необходимого уровня компетенций психолога при психологической оценке достоверности показаний несовершеннолетнего.

4. На теоретическом и экспериментальном уровнях определена связь процессов саморегуляции с возрастной и индивидуальной готовностью понимать вину как событие и последствие. Высокая доля интеллектуальной составляющей в осознании вины требует соответствующего

уровня сформированности данных функций не только со стороны личностной готовности осознавать, но и с позиции возрастной способности осознавать и понимать сложные социальные системы и процессы, порожденные объективной стороной преступления. Это побуждает нас обратиться к вопросам:

- структурно-функциональной модели интегративной работы мозга (А. Р. Лурия);
- возрастного созревания отделов коры головного мозга;
- определения ключевых механизмов осознания вины несовершеннолетним, как события и последствия события становятся высшими психическими функциями и процессами экстерииоризации и интериоризации в саморегуляции.

5. Определены признаки проявления социального дефекта у несовершеннолетнего как последствия криминального события. Деадаптационные процессы личности, запущенные криминальной стрессовой ситуацией в докриминальный, криминальный и посткриминальный периоды, накладывают негативный отпечаток на саморегуляцию личности несовершеннолетнего. Ключевой задачей при этом становится определение содержания социального дефекта, и то, как он скажется на регулятивной функции психики. Это задача посткриминальной реабилитации и определения психологических аспектов сопровождения в уголовном судопроизводстве.

6. Проведен теоретический анализ и осуществлена экспериментальная проверка методологии диагностики социального дефекта у несовершеннолетнего как последствия его участия в криминальном событии. Ставится ряд исследовательских задач:

- выделение содержания процессов виктимизации поведения в зависимости от индивидуальных особенностей личности несовершеннолетней жертвы или свидетеля и характера уголовного преступления;
- выявление признаков психологического вреда (социального дефекта) от определенных преступных актов, что может стать основой для пенализации по конкретным статьям УК РФ;
- формирование тактических моделей участия специалиста-психолога в досудебном производстве и судебных заседаниях.

Список литературы

- Андриенко, Ю. В. (2001). В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход. *Экономический журнал ВШЭ*, 5 (2), 194–220.
- Антонян, Ю. М. (2022). Отчуждение личности как причина преступности. *Общество и право*, 2 (80), 8–19.
- Баранов, А. М., Коробкова, Е. Е. (2024). Участие психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних (постановка проблемы). *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*, 1 (66), 5–10.
- Васкэ, Е. В. (2010). Психологический анализ поведенческого реагирования в юридически значимых ситуациях несовершеннолетних потерпевших по половым преступлениям. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 3 (11). <http://psystudy.ru>
- Векленко, С. В. (2008). Значение категорий диалектики для познания вины в уголовном праве. *Научный вестник Омской академии МВД России*, 2 (29), 44–48.
- Векленко, С. В. (2024). Презумпция вины в уголовном праве России. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2 (102), 131–136. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-131-136>
- Гарбатович, Д. А., Классен, А. Н. (2017). Квалификация преступлений по мотиву и цели. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*, 17 (3), 13–18. <https://doi.org/10.14529/law170302>
- Гаухман, Л. Д. (2001). *Квалификация преступлений: закон, теория, практика*. Москва: Центр ЮрИнфоР.

- Дозорцева, Е. Г., Афанасьева, А. Г. (2015). Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних. Современная зарубежная психология, 4 (3), 47–56. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2015040306>
- Енгальцев, В. Ф., Королева, Е. А., Александрова, О. В. (2023). Новые подходы к применению специальных психологических знаний при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними. Человек: преступление и наказание, 31 (4), 610–618. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).4.610-618](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.610-618)
- Зауторова, Э. В. (2018). К вопросу о причинах дезадаптации личности несовершеннолетних. Школа Науки, 6 (6), 30–31.
- Каменская, В. Г., Томанов, Л. В. (2022). Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков. Экспериментальная психология, 15 (1), 139–159. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150109>
- Капинус, О. С. (ред.) (2019). Особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: вопросы теории и практики: сборник материалов семинара (Москва, 14 ноября 2018 года). Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации.
- Кармановский, М. С. (2010). К вопросу о правовом статусе свидетеля как потерпевшего от преступных посягательств. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 3 (47), 79–81.
- Карпова, А. В., Михайлова, Ю. А., Чижова, Д. С. (2019). Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве. Психология и право, 9 (4), 174–186. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090413>
- Кирсанова, Т. А., Тertyчная, И. В. (2021). Понятие потерпевшего и свидетеля в уголовном праве. Евразийская адвокатура, (1 (50)), 34–38. <https://doi.org/10.52068/2304-9839202150134>
- Конопкин, О. А. (2005). Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2 (1), 27–42.
- Котелевцев, Н. А. (2019). Определение субъекта и субъектности в отечественной психологической науке. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 3 (51), 208–212.
- Липунова, О. В. (2015). Взаимосвязь уровня субъективного контроля и доминирующих защитных механизмов у девиантных подростков. Наука и мир, 4-2(20), 113–115.
- Панцырь, С. Н., Новгородцева, А. П. (2013). Личностные особенности подростков с девиантными формами поведения. Культурно-историческая психология, 9 (2), 64–72.
- Петровский, А., Петровский, В. (2014). Категория личности (к построению онтологической модели личности). Развитие личности, (2), 58–91.
- Руденский, Е. В. (2020). Субъектная виктимность личности подростка как уязвимость жизнеспособности: феноменология, гносеология и онтология. СМАЛЬТА, (3), 32–40.
- Сафуанов, Ф. С., Макушкин, Е. В. (2017). Экспертная психолого-психиатрическая диагностика способности к саморегуляции обвиняемых и потерпевших по делам о психическом воздействии. Прикладная юридическая психология, (3), 6–17.
- Семенова, К. Г. (2024). Социально-психологическая дезадаптация подростков: типология и взаимосвязь с системой ценностных ориентаций. Вестник практической психологии образования, 21 (1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>
- Ситковская, О. Д. (2019). Психологические основы допроса свидетеля. В Д. В. Сочивко (Ред.), Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов

- Всероссийского симпозиума психологов (Рязань, 05 апреля 2019 года, стр. 1002–1012). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Тарханов, И. А., Гайфутдинов, Р. Р. (2020). Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 162 (2), 161–176. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.161-176>
- Фоминых, Е. С. (2014). Психологические механизмы виктимности. *Научно-методический электронный журнал "Концепт"*, (5), 116–120.

References

- Andrienko, Yu. V. (2001). V poiskah ob'yasneniya rosta prestupnosti v Rossii v perekhodnyj period: kriminometricheskij podhod. *Ekonomicheskij zhurnal VSHE*, 5 (2), 194–220.
- Antonyan, Yu. M. (2022). Otchuzhdenie lichnosti kak prichina prestupnosti. *Obshchestvo i pravo*, 2 (80), 8–19.
- Baranov, A. M., Korobkova, E. E. (2024). Uchastie psihologa pri proizvodstve po ugovolnym delam s uchastiem nesovershennoletnih (postanovka problemy). *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (66), 5–10.
- Vaske, E. V. (2010). Psihologicheskij analiz povedencheskogo reagirovaniya v yuridicheski znachimyh situacijah nesovershennoletnih poterpevshih po polovym prestupleniyam. *Psihologicheskie issledovaniya: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, 3 (11). <http://psystudy.ru>
- Veklenko, S. V. (2008). Znachenie kategorij dialektiki dlya poznaniya viny v ugovolnom prave. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*, 2 (29), 44–48.
- Veklenko, S. V. (2024). Prezumpciya viny v ugovolnom prave Rossii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2 (102), 131–136. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-131-136>
- Garbatovich, D. A., Klassen, A. N. (2017). Kvalifikaciya prestuplenij po motivu i celi. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 17 (3), 13–18. <https://doi.org/10.14529/law170302>
- Gauhman, L. D. (2001). *Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika*. Moscow: Centr YurInfoR.
- Dozorceva, E. G., Afanas'eva, A. G. (2015). Ocenka dostovernosti svidetel'skih pokazanij nesovershennoletnih. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 4 (3), 47–56. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2015040306>
- Engalychev, V. F., Koroleva, E. A., Aleksandrova, O. V. (2023). Novye podhody k primeneniyu special'nyh psihologicheskikh znaniy pri rassledovanii prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti, sovershennyh nesovershennoletnimi. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 31 (4), 610–618. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).4.610-618](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.610-618)
- Zautorova, E. V. (2018). K voprosu o prichinah dezadaptacii lichnosti nesovershennoletnih. *Shkola Nauki*, 6 (6), 30–31.
- Kamenskaya, V. G., Tomanov, L. V. (2022). Cifrovye tekhnologii i ih vliyanie na social'nye i psihologicheskie harakteristiki detej i podrostkov. *Ekspperimental'naya psihologiya*, 15 (1), 139–159. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150109>
- Kapinus, O. S. (red.) (2019). *Osobennosti proizvodstva sledstvennyh dejstvij s uchastiem nesovershennoletnih poterpevshih i svidetelej: voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov seminarov (Moskva, 14 noyabrya 2018 goda)*. Moscow: Universitet prokuratury Rossijskoj Federacii.
- Karmanovskij, M. S. (2010). K voprosu o pravovom statuse svidetelya kak poterpevshego ot prestupnyh posyagatel'stv. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (47), 79–81.
- Karpova, A. V., Mihajlova, Yu. A., Chizhova, D. S. (2019). Vozmozhnosti psihologicheskogo analiza pokazanij nesovershennoletnih svidetelej i poterpevshih v ugovolnom sudoproizvodstve. *Psihologiya i pravo*, 9 (4), 174–186. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090413>

- Kirsanova, T. A., Tertychnaya, I. V. (2021). Ponyatie poterpevshego i svidetelya v ugolovnom prave. *Evrazijskaya advokatura*, (1 (50)), 34–38. <https://doi.org/10.52068/2304-9839202150134>
- Konopkin, O. A. (2005). Strukturno-funkcional'nyj i sodержatel'no-psihologicheskij aspekty oznannoj samoregulyacii. *Psihologiya. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki*, 2 (1), 27–42.
- Kotelevcev, N. A. (2019). Opredelenie sub'ekta i sub'ektnosti v otechestvennoj psihologicheskoj nauke. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (51), 208–212.
- Lipunova, O. V. (2015). Vzaimosvyaz' urovnya sub'ektivnogo kontrolya i dominiruyushchih zashchitnyh mekhanizmov u deviantnyh podrostkov. *Nauka i mir*, 4-2(20), 113–115.
- Pancyr', S. N., Novgorodceva, A. P. (2013). Lichnostnye osobennosti podrostkov s deviantnymi formami povedeniya. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, 9 (2), 64–72.
- Petrovskij, A., Petrovskij, V. (2014). Kategoriya lichnosti (k postroeniyu ontologicheskoy modeli lichnosti). *Razvitie lichnosti*, (2), 58–91.
- Rudenskij, E. V. (2020). Sub'ektnaya viktimmnost' lichnosti podrostka kak uyazvimost' zhiznesposobnosti: fenomenologiya, gnoseologiya i ontologiya. *SMAL'TA*, (3), 32–40.
- Safuanov, F. S., Makushkin, E. V. (2017). Ekspertnaya psihologo-psihiatricheskaya diagnostika sposobnosti k samoregulyacii obvinyaemyh i poterpevsih po delam o psihicheskom vozdeystvii. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, (3), 6–17.
- Semenova, K. G. (2024). Social'no-psihologicheskaya dezadaptaciya podrostkov: tipologiya i vzaimosvyaz' s sistemoy cennostnyh orientacij. *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya*, 21 (1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>
- Sitkovskaya, O. D. (2019). Psihologicheskie osnovy doprosa svidetelya. V D. V. Sochivko (Red.), *Psihologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: sbornik materialov Vserossijskogo simpoziuma psihologov* (Ryazan', 05 aprelya 2019 goda, str. 1002–1012). Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Tarhanov, I. A., Gajfutdinov, R. R. (2020). Sub'ektivnaya storona prestupleniya i otrazhenie ee priznakov v ugolovnom zakonodatel'stve. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 162 (2), 161–176. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.161-176>
- Fominyh, E. S. (2014). Psihologicheskie mekhanizmy viktimmnosti. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept"*, (5), 116–120.

Информация об авторе

Андрей Викторович Поминов – доцент кафедры педагогики и психологии Сибайского института (филиала) Уфимского университета науки и технологий, кандидат педагогических наук.

About the author

Andrey V. Pominov – Docent of the Department of Pedagogy and Psychology, Sibai Institute (branch) of Ufa University of Science and Technology, Cand. Sci. (Pedag.)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 23.02.2025

Одобрена после рецензирования 29.03.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted February 21, 2025

Approved after reviewing March 29, 2025

Accepted July 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 316.6: 159.9.072.43

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-255-266

Социально-психологические детерминанты киберагрессии: эмпирическое обоснование теоретической модели

Светлана Степановна Антипина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
sveta-anti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-8141

Анастасия Владимировна Микляева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
miklyaeva@herzen.spb.ru

ORCID: 0000-0001-8389-2275

Аннотация

Введение. Вопрос подростковой киберагрессии в наши дни приобретает особую остроту. Под киберагрессией понимают любые деструктивные действия, совершаемые в интернете. Исследователи активно изучают особенности распространения киберагрессии и последствия кибервиктимизации. При этом вопрос о причинах такого поведения остается малоизученным. Отсутствие единого теоретического конструкта не позволяет комплексно изучить данный феномен. Таким образом, цель исследования заключалась в эмпирическом обосновании ранее предложенной теоретической модели социально-психологических детерминантов киберагрессии у подростков. **Методы.** В исследовании приняли участие 325 подростков, учащиеся 5–10-х классов общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга. Исследование проводилось с использованием надежных, валидных и современных социально-психологических методик. Склонность к киберагрессии изучалась при помощи опросника «Типология киберагрессии». **Результаты.** В качестве основных социально-психологических детерминантов киберагрессии представлены агрессивность, эмпатия, стили поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные характеристики и социальный интеллект. В качестве условий, влияющих на киберагрессию, выделены пол, возраст и время, проведенное подростком в интернете. Проверка модели проводилась при помощи метода структурных уравнений (SEM). В ходе проверки полученная модель доказала влияние всех предложенных детерминантов на киберагрессию у подростков. Данные, полученные в ходе исследования, послужат основой для дальнейшего, более детального анализа феномена киберагрессии в подростковой среде. Они также могут быть использованы при создании профилактических и коррекционных программ, адаптированных к различным возрастным группам и учитывающих различия в проявлениях киберагрессивного поведения у мальчиков и девочек.

Ключевые слова

киберагрессия, подростки, эмпирическая модель, социально-психологические детерминанты, агрессивность, эмпатия, коммуникативные характеристики, конфликты, социальный интеллект

Для цитирования: Антипина, С. С., Микляева, А. В. (2025). Социально-психологические детерминанты киберагрессии: эмпирическое обоснование теоретической модели. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 255–266. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-255-266.

Original paper

Socio-psychological determinants of cyberaggression: empirical substantiation of the theoretical model

Svetlana S. Antipina

The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
sveta-anti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-8141

Anastasia V. Miklyaeva

The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
miklyaeva@herzen.spb.ru

ORCID: 0000-0001-8389-2275

Abstract

Introduction. The issue of teenage cyber aggression is getting a special acuteness nowadays. Cyberaggression means any destructive actions committed on the Internet. Researchers actively study the peculiarities of the spread of cyber aggression and the consequences of cyber victimisation. At the same time, the question of the causes of such behaviour remains poorly studied. The lack of a single theoretical construct does not allow to comprehensively study this phenomenon. Thus, the aim of the study was to empirically substantiate the previously proposed theoretical model of socio-psychological determinants of cyber aggression in adolescents. **Methods.** 325 adolescents, students of 5th-10th grades of general education schools in St. Petersburg took part in the study. The study was conducted using reliable, valid and modern socio-psychological techniques. The tendency to cyberaggression was studied using the questionnaire “Typology of cyberaggression”. **Results.** Aggressiveness, empathy, styles of behavior in conflict situations, communicative characteristics and social intelligence are presented as the main socio-psychological determinants of cyberaggression. Gender, age and time spent by a teenager on the Internet were marked as conditions affecting cyberaggression. The model was tested using the structural equation method (SEM). During testing, the model proved the influence of all the proposed determinants on cyber aggression in adolescents. The data obtained in the course of the study will serve as a basis for further, more detailed analyses of the phenomenon of cyber aggression in adolescents. They can also be used to create preventive and corrective programmes adapted to different age groups and taking into account the differences in the manifestations of cyber aggressive behaviour in boys and girls.

Keywords

cyberaggression, adolescents, empirical model, socio-psychological determinants, aggression, empathy, communicative characteristics, conflicts, social intelligence

For citation: Antipina, S. S., Miklyaeva, A. V. (2025). Socio-psychological determinants of cyberaggression: empirical substantiation of the theoretical model. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 255–266. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-255-266.

Введение

Виртуальная реальность плотно вошла в жизнь современного человека. Подростки все больше увлекаются онлайн-средой, проводя там более пяти часов ежедневно (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2023). Онлайн-пространство способствует формированию новых форм интернет-взаимодействия, которые могут носить как позитивный, так и негативный характер. По мнению подростков, интернет связан у них с положительными эмоциями и наполнен дружественными контактами (по данным исследования Росмолодежи)¹. Однако интернет открывает возможности для распространения негативного, а порой и агрессивного взаимодействия, включающего в себя и киберагрессию, которой в большей степени подвержены подростки как наиболее активные пользователи.

В рамках нашего исследования киберагрессия включает все формы деструктивного поведения в интернете, осуществляемые через электронные средства связи и направленные на то, чтобы причинить вред другим пользователям. Киберагрессия не оказывает прямого физического воздействия, но приводит к проявлению «цифровых повреждений», незаметных для окружающих, но способствующих развитию различных психосоциальных проблем (Patchin & Hinduja, 2010; Klomek et al., 2008).

Изучение киберагрессивного поведения – достаточно новая область науки. Исследователи изучают гендерные и возрастные проявления киберагрессии (Jang, Song, & Kim, 2014)², особенности распространения данного феномена и его последствия (Hinduja & Patchin, 2010; Шейнов, 2019).

Между тем механизмы возникновения и развития агрессии в онлайн-пространстве, а также социально-психологические факторы, определяющие киберагрессивное поведение, остаются недостаточно изученными. В связи с этим существует острая потребность в разработке новых теоретических моделей, способных адекватно отразить многогранность и комплексность данного феномена.

Опубликовано немало исследований, посвященных изучению отдельных социально-психологических факторов, влияющих на киберагрессию среди подростков, однако в психологической науке до сих пор не сформирован единый конструкт, объясняющий особенности киберагрессии. Большинство исследований в данном направлении содержат разрозненные и часто противоречащие друг другу результаты. Это обуславливает необходимость системного изучения социально-психологических факторов киберагрессии у подростков.

В результате проведенного нами теоретического обзора (Антипина, 2022) была сформулирована теоретическая модель, описывающая социально-психологические детерминанты, определяющие киберагрессивное поведение подростков. Ключевыми детерминантами в данной модели выступают эмпатия, агрессивность, стратегии поведения в конфликтных ситуациях,

¹ Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Дренева, А. А., Илюхина, С. Н. (2019). *Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учебно-методическое пособие*. Издательство «Когито-Центр».

² Там же.

коммуникативные характеристики и социальный интеллект. Предполагается, что указанные факторы образуют сложную систему взаимосвязей, оказывающую влияние как на проявление киберагрессии, так и друг на друга. В качестве детерминирующих переменных, модулирующих развитие подростка и его предрасположенность к киберагрессии, выделены пол, возраст и время, проводимое в онлайн-среде.

Таким образом, целью исследования является эмпирическая проверка теоретической модели, описывающей взаимосвязь между киберагрессией и комплексом социально-психологических детерминантов у подростков. Для достижения этой цели необходимо провести тестирование предложенной модели, включающей все рассматриваемые переменные, в целях выявления потенциальных смешанных переменных и получения валидных оценок прогностической силы каждой переменной в отношении киберагрессии у подростков.

Методы

Выборку исследования составили 325 учащихся общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга в возрасте от 10 до 16 лет, с гендерным распределением 48 % девочек и 52 % мальчиков. Сбор необходимых сведений осуществлялся во внеурочное время. Участие в исследовании было добровольным, при наличии информированного согласия законных представителей подростков.

Для оценки склонности к киберагрессии и ее различных проявлений использовался опросник «Типология киберагрессии» (Антипина, 2021). Этот инструмент классифицирует киберагрессию по двум независимым критериям: мотивационным целям (ответные или инициативные) и уровню самоконтроля (произвольный или импульсивный). В результате выделяются четыре типа киберагрессивного поведения, а также определяется общая предрасположенность к киберагрессии. Импульсивно-ответная киберагрессия – это спонтанная реакция на провокацию, обусловленная сильными негативными эмоциями, такими как гнев, ярость. Произвольно-ответная киберагрессия – это обдуманные действия, направленные на нейтрализацию негативных эмоций, вызванных поведением другого человека, например, месть. Импульсивно-инициативная киберагрессия – это спонтанные агрессивные действия, совершаемые без размышлений о последствиях, часто ради развлечения. Произвольно-инициативная киберагрессия – это спланированные агрессивные действия, направленные на достижение долгосрочных целей, например, получение выгоды или улучшение отношений со значимыми людьми.

Социально-психологические детерминанты исследовались с помощью следующих психодиагностических методик: стили поведения в конфликтной ситуации измеряли «Тестом описания поведения» К. Томаса в адаптации Н. В. Гришиной; агрессивность – «Личностным опросником агрессивности Басса–Перри» в адаптации С. Н. Ениколопова; эмпатию – «Шкалой эмоционального отклика» А. Меграбяна в модификации Н. Эпштейна; коммуникативный контроль – «Диагностикой коммуникативного контроля» М. Шнайдера; коммуникативную импульсивность – опросником В. А. Лосенкова для оценки потенциала коммуникативной импульсивности; коммуникативную направленность в общении – методикой «Направленность личности в общении» С. Л. Братченко; социальный интеллект – «Шкалой социального интеллекта Тромсо», адаптированной А. Д. Наследовым и В. Ю. Семеновым.

Для изучения социально-демографических характеристик подростков и их опыта в сфере цифровых технологий было проведено анкетирование.

Чтобы оценить достоверность предложенной теоретической модели, использовался метод моделирования структурными уравнениями (SEM). Для обработки полученных результатов была применена программа IBM SPSS AMOS версия 23.0.

Результаты

Результаты исследования выделенных социально-психологических детерминантов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Данные описательной статистики (по выборке в целом, n = 325)

Table 1. Descriptive statistics (for the sample as a whole, n = 325)

Признаки	По всей выборке (n=325)				
	M	SD	Me	min	max
Киберагрессия					
Импульсивно-ответная киберагрессия	9,03	3,28	8,00	6	24
Произвольно-ответная киберагрессия	10,5	2,94	10,00	6	22
Произвольно-инициативная киберагрессия	7,43	2,35	6,00	6	18
Импульсивно-инициативная киберагрессия	7,39	2,65	7,00	5	18
Суммарный показатель киберагрессии	34,34	8,62	33,00	23	66
Агрессивность					
Физическая агрессия	20,29	7,34	19	9	44
Гнев	18,53	6,22	18	6	35
Враждебность	19,29	6,2	19	8	38
Вербальная агрессия	13,09	3,75	13	5	24
Агрессивность (сум.)	58,12	15,64	56	28	107
Эмпатия					
Эмпатия	65,35	11,12	66	31	93
Стили поведения в конфликтной ситуации					
Соперничество	4,57	3,05	4	0	12
Сотрудничество	6,0	1,71	6	1	10
Компромисс	7	1,91	7	2	12
Избегание	6,2	1,89	6	1	11
Приспособление	6,25	2,53	6	0	12
Социальный интеллект					
Социальное осознание	25,38	8,14	25	7	47
Социальные навыки	39,17	8,28	39	8	56
Социальный интеллект (сум.)	64,55	10,29	65	15	102
Коммуникативные характеристики					
Коммуникативный контроль	5,11	1,81	5	1	10
Коммуникативная импульсивность	49,05	8,42	49	26	75
Авторитарная направленность	3,42	2,28	3	0	14
Альтероцентристская направленность	4,91	3,26	4	0	14
Конформная направленность	4,72	2,26	5	0	12
Манипулятивная направленность	3,89	2,18	4	0	14
Индиферентная направленность	2,93	2,21	3	0	10
Диалогическая направленность	0,21	0,63	0	0	5

Исходя из данных, представленных в таблице, можно сделать вывод, что все перечисленные детерминанты характерны для подростков в исследуемый период. На основании данных описательной статистики было выявлено, что подростки склонны проявлять киберагрессию. В той или иной степени различные типы киберагрессии проявляются на протяжении подросткового возраста. Чаще подростки демонстрируют ответные типы киберагрессии, особенно произвольно-ответную киберагрессию.

Далее был проведен регрессионный анализ выделенных переменных в отношении киберагрессии, который показал: эти переменные существенно связаны и подвержены влиянию, что позволило предсказать их участие в определенных типах киберагрессии. На основе полученных данных при помощи структурных уравнений была проведена проверка теоретической модели. Проверка включала разработку нескольких моделей, исследующих взаимосвязи между детерминантами киберагрессивного поведения и самой киберагрессией.

Показатели соответствия исходным данным модели 1 оказались недостаточно удовлетворительными ($\chi^2 = 595,03$, $df = 172$, $CMIN/DF = 3,46$ при $p < 0,001$, $CFI = 0,91$, $RMSEA = 0,08$). Требовалась дальнейшая корректировка модели. Основываясь на низкой статистической значимости регрессионных коэффициентов, из модели 1 были удалены некоторые переменные. Дальнейшая работа над моделью велась поэтапно: исключались недостоверные взаимосвязи. Модификация продолжалась до тех пор, пока не были достигнуты приемлемые значения индекса согласия.

Проведенный анализ подтвердил статистическую значимость и приемлемое соответствие итоговой модели эмпирическим данным (рис. 1). Об этом говорят следующие показатели: $\chi^2 = 667,32$, $df = 273$, $CMIN/DF = 2,4$ при $p < 0,001$, $CFI = 0,92$, $RMSEA = 0,06$.

Все показатели ковариаций и регрессионных коэффициентов в итоговой модели статистически значимы и достоверны, что позволяет подтвердить состоятельность модели и содержательно ее интерпретировать.

Анализ модели показал, что различные типы киберагрессии по-разному связаны с определенными личностными характеристиками. Импульсивно-ответная киберагрессия сопровождается повышенной физической агрессией, гневом, развитым социальным осознанием, стремлением к соперничеству и импульсивностью в общении. При этом высокий уровень гнева может служить индикатором низкой вовлеченности в киберагрессивное поведение. Произвольно-ответная киберагрессия характеризуется высоким социальным интеллектом, коммуникативной импульсивностью и ориентацией на процесс общения, но низкой склонностью к приспособлению в конфликтных ситуациях. Произвольно-инициативная киберагрессия демонстрирует значимую взаимосвязь с умением сопереживать и понимать чувства других, социальным осознанием, стратегиями соперничества, навыками уклонения от конфликтных ситуаций, регуляцией коммуникативного поведения и ориентацией на диалог в процессе взаимодействия. Импульсивно-инициативная киберагрессия обнаруживает положительную корреляцию с социальным интеллектом, различными стилями поведения в конфликтах, контролем и импульсивностью в общении, а также с манипулятивными тенденциями в общении. Важно отметить высокую степень выраженности данных взаимосвязей.

Анализ социально-демографических переменных выявил, что с возрастом увеличивается склонность к инициативным формам киберагрессии. Возраст связан также с такими детерминантами, как эмпатия, социальное осознание, альтероцентристская и конформная направленность в общении. Однако из всех перечисленных характеристик положительная взаимосвязь наблюдается только с эмпатией. Среди исследуемых переменных «пол» демонстрирует отрицательную связь с импульсивно-ответной и произвольно-инициативной киберагрессией. В то же время «пол» положительно соотносится с проявлениями гнева, вербальной агрессии и эмпатии, а отрицательно – с авторитарной и конформной направленностью

в общении и физической агрессией. Однако ожидания, что подростки, проводящие много времени в интернете, будут более склонны к киберагрессии, не подтвердились. Кроме того, время, проведенное в сети, положительно коррелирует с эмпатией и отрицательно – с социальными навыками.

В целом исследование показывает сложную взаимосвязь между социально-демографическими характеристиками, использованием интернета и различными типами киберагрессии, а также детерминантами, которые могут влиять на ее проявление.

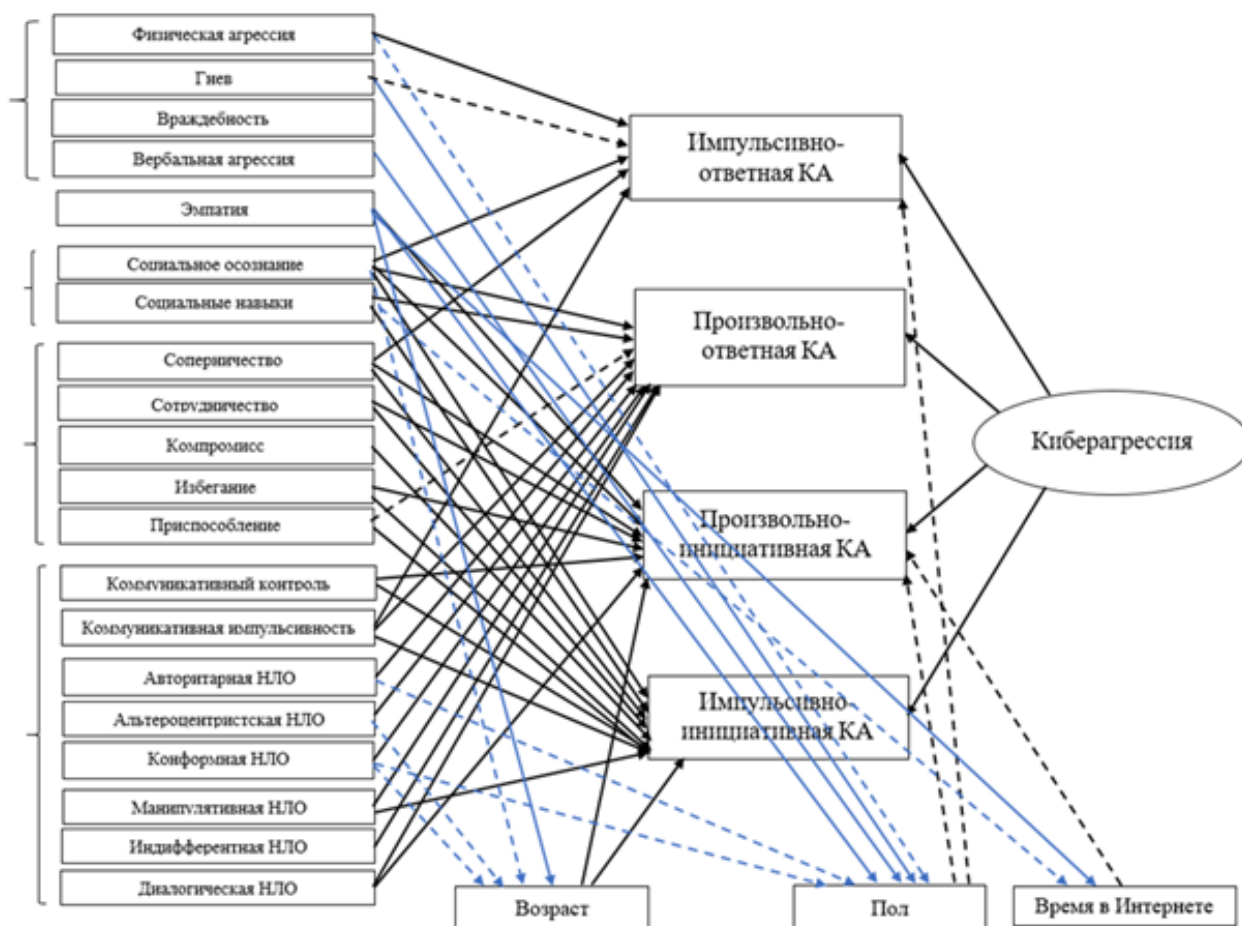

Рис. 1. Структурная диаграмма итоговой модели

Fig. 1. Structural diagram of the final model

Примечание: в прямоугольных контурах – явные переменные-индикаторы, в округлых контурах – латентные факторы;

—> – положительные связи между детерминантами и типами киберагрессии;

- -> – отрицательные связи между детерминантами и типами киберагрессии;

—> – положительные связи между детерминантами и факторами, определяющими специфику подростковой киберагрессии;

- -> – отрицательные связи между детерминантами и факторами, определяющими специфику подростковой киберагрессии.

Обсуждение

Опираясь на полученные результаты, можно заключить, что влияние выделенных детерминантов на киберагрессивное поведение подростков изменяется при совокупном изучении. Агрессивность напрямую взаимосвязана лишь с импульсивно-ответной киберагрессией, но может косвенно влиять на произвольно-инициативную киберагрессию в зависимости от половой принадлежности подростка. Эмпатия является детерминантом только для произвольно-инициативной киберагрессии, при этом на импульсивно-ответную и произвольно-инициативную киберагрессию влияние эмпатии опосредовано полом и временем, проведенным в интернете. Скорее всего, эмпатия выступает в качестве защитного фактора (Rodríguez-Hidalgo et al., 2020). Социальный интеллект детерминирует произвольно-ответную и импульсивно-инициативную киберагрессию, при этом социальное осознание может косвенно, в зависимости от возраста, оказать влияние на инициативные типы киберагрессии, а социальные навыки относительно времени, проведенного в интернете, могут повлиять на произвольно-инициативную киберагрессию. Социальный интеллект связан с киберагрессивным поведением у подростков, но в зависимости от типа киберагрессии эти связи будут либо положительные, либо отрицательные. Стили поведения в конфликтной ситуации оказывают влияние на все типы киберагрессивного поведения у подростков. Данное влияние – одно из самых сильных. Агрессивные стили поведения напрямую влияют на склонность к проявлению киберагрессии, что подтверждают и выводы других ученых (Garaigordobil, 2017). Приспособление взаимосвязано лишь с произвольно-ответной киберагрессией, и эта связь отрицательная. Коммуникативные характеристики, в свою очередь, оказывают влияние на произвольно-ответную киберагрессию.

В итоге киберагрессивное поведение подростков, мотивированное яростью, часто связано с повышенной импульсивностью и склонностью к физической агрессии. Кроме того, подростки, как особенно чувствительная и восприимчивая к различным социальным ситуациям категория, стремятся удовлетворить свои интересы, не задумываясь о последствиях своих действий, при этом мальчики и девочки ведут себя по-разному (Леньков, 2020). Подавляя свой гнев, подросток часто проявляет его пассивно-агрессивным способом. Это может привести к негативным последствиям. Подростки могут выплескивать эмоции гнева, накопившиеся за день, вечером или ночью в интернете (Малова, 2020). Вероятно, именно поэтому прослеживается отрицательная связь между гневом и киберагрессией. Таким образом, проявляя импульсивно-ответную киберагрессию, подростки стремятся реализовать свои эмоции в данной конкретной ситуации без учета последствий своих поступков.

При этом произвольно-ответная киберагрессия, мотивированная местью в онлайн-среде, в значительной степени определяется коммуникативными особенностями. Независимо от возраста и пола, к ней склонны как подростки, стремящиеся к доминированию и использующие других в своих интересах, так и те, кто склонен к подчинению и поиску понимания. Основным мотивом является желание отомстить, причем слабые подростки могут присоединяться к агрессорам, а эгоцентричные – использовать киберагрессию для достижения личных целей. Развитый социальный интеллект, позволяющий лучше понимать и прогнозировать поведение онлайн-собеседника, также способствует проявлению этого типа киберагрессии.

Что касается произвольно-инициативной киберагрессии, совершаемой подростками по собственной инициативе в целях получения будущей выгоды, то она требует от подростков развитого самоконтроля, понимания социальных нюансов и способности предвидеть последствия своих действий. Онлайн-коммуникация создает благоприятную среду для такого поведения. Частота этого типа киберагрессии изменяется с возрастом и различается у мальчиков и девочек. При этом вопреки предположениям для проявления произвольно-инициативной

киберагрессии не требуется длительное пребывание в интернете. В свою очередь, импульсивно-инициативная киберагрессия, когда подростки действуют спонтанно ради развлечения и получения мгновенного удовольствия, часто подпитывается потребностью в острых ощущениях и возбуждении. Подростки могут спонтанно проявлять агрессию в онлайн-среде, чтобы повеселиться. Чувствительные к мнению значимых окружающих, подверженные влиянию, они легко поддаются давлению сверстников, что может приводить к необдуманным агрессивным действиям. Такое поведение обычно связано с общей склонностью к агрессивным стратегиям в конфликтных ситуациях. В стремлении к соперничеству и ради шутки они могут позволить себе оскорбления в адрес собеседника. Вероятно, подростки не всегда осознают последствия своих действий и не понимают, какой вред могут нанести другим, считая такое поведение приемлемым (Steffgen et al., 2011). Подростки, склонные к манипуляциям в общении, находят в киберагрессии привлекательный способ поведения, что согласуется с результатами других исследований (Sontag et al., 2011).

Заключение

Целью данного исследования было изучить, как рассматриваемые предикторы – агрессивность, эмпатия, социальный интеллект, стратегии поведения в конфликтной ситуации, коммуникативные характеристики, пол, возраст и время, проведенное в интернете, в совокупности влияют на киберагрессивное поведение подростков. Результаты показали, что все выделенные детерминанты (за исключением враждебности) прямо или косвенно влияют на киберагрессию у подростков. Особенно заметно влияние стратегий поведения в конфликтных ситуациях, в частности, в отношении импульсивно-инициативной агрессии, которая обусловлена стремлением к отдыху и развлечениям.

Подросткам нелегко справляться с агрессивными тенденциями, которые возникают при общении с окружающими, с желанием «быть лучше всех», «быть лидером». Эти стремления могут принимать новые формы, одной из которых является киберагрессия. Неоднозначность действий в интернете, склонность видеть враждебные намерения в других участниках виртуального общения, трудности в реальном взаимодействии с окружающими, стремление удовлетворить свои желания – все это может способствовать проявлению киберагрессивного поведения (в частности, импульсивно-ответного типа) (Шинкевич, 2020). Использование смайликов, призванных облегчить понимание, может, как ни странно, способствовать возникновению враждебности и ответной киберагрессии (Marín-López et al., 2019). Асинхронность онлайн-общения позволяет подросткам не только обдумывать свои ответы, но и разрабатывать стратегии для мстительных нападок, что может привести к планированию и реализации агрессивных действий. Более того, умение распознавать чужие эмоции, вместо того чтобы предотвращать агрессию, может быть использовано подростками для более эффективной и целенаправленной киберагрессии.

Таким образом, полученные нами данные вносят вклад в растущий объем исследований, посвященных киберагрессии, и могут стать основой для разработки эффективных программ психолого-педагогического сопровождения киберсоциализации подростков. Наше исследование демонстрирует, что для успешной профилактики и снижения уровня киберагрессии среди подростков требуется дифференцированный подход, учитывающий возрастные и гендерные различия в проявлениях агрессивного поведения в сети. Критически важным представляется повышение уровня информированности взрослых (родителей, педагогов) о типологии киберагрессии и методах ее превенции. Профилактические интервенции должны быть ориентированы на оказание поддержки подросткам, развитие навыков общения и урегулирования конфликтов, а также на повышение уровня знаний в области цифровых технологий.

Список литературы

- Антипина, С. С. (2021). Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 23 (1(85)), 113–122. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122>
- Антипина, С. С. (2022). Социально-психологические детерминанты киберагрессии: теоретическая модель. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Социальная и экономическая психология*, (5), 27–35. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-3>
- Леньков, С. Л. (2020). Специфика деструктивной киберагрессии в образовательной среде. *Ярославский педагогический вестник*, (4 (115)), 107–117. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-4-115-107-117>
- Малова, Е. О. (2020). Современные реалии асоциальных проявлений подростков в интернет-пространстве. *Инновационное развитие профессионального образования*, (2 (26)), 107–114.
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Чигарькова, С. В. (2023). *Киберагрессия и цифровая культура: представления подростков, молодежи и родителей*. Москва: Издательство Московского института психоанализа.
- Шейнов, В. П. (2019). Кибербуллинг: предпосылки и последствия. *Институт психологии Российской академии наук*, 4 (2(14)), 77–98.
- Шинкевич, Т. В. (2020). Кибербуллинг в подростковой среде как социально-педагогическая проблема. *От идеи – к инновации: материалы XXVII Международной студенческой научно-практической конференции в 4 частях (г. Мозырь, 23 апреля 2020 года, стр. 263–264)*. Мозырь: Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина.
- Garaigordobil, M. (2017). Conducta antisocial: conexión con bullying/cyberbullying y estrategias de resolución de conflictos. *Psychosocial Intervention*, 26, 47–54. <https://doi.org/10.1016/j.psi.2015.12.002>
- Hinduja, S., & Patchin, J. W. (2010). Bullying, cyberbullying, and suicide. *Archives of Suicide Research*, 14 (3), 206–221. <https://doi.org/10.1080/13811118.2010.494133>
- Jang, H., Song, J., & Kim, R. (2014). Does the offline bully-victimization influence cyberbullying behavior among youths? Application of general strain theory. *Computers in Human Behavior*, 31, 85–93. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.007>
- Klomek, A. B., Marrocco, F., Kleinman, M., Schonfeld, I. S., & Gould, M. (2008). Peer victimization, depression, and suicidality in adolescents. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 38 (2), 166–180. <https://doi.org/10.1521/suli.2008.38.2.166>
- Marín-López, I., Zych, I., Ortega-Ruiz, R., Hunter, S. C., & Llorent, V. J. (2019). Relations among online emotional content use, social and emotional competencies and cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 108, 104647 <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104647>
- Patchin, J. W., & Hinduja, S. (2010). Trends in online social networking: adolescent use of My Space over time. *New media & society*, 12 (2), 197–216. <https://doi.org/10.1177/1461444809341857>
- Rodríguez-Hidalgo, A. J., Mero, O., Solera, E., Herrera-López, M., & Calmaestra, J. (2020). Prevalence and psychosocial predictors of cyberaggression and cybervictimization in adolescents: a Spain-Ecuador transcultural study on cyberbullying. *PLoS ONE*, 15 (11). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241288>
- Sontag, L. M., Clemans, K. H., Graber, J. A., & Lyndon, S. T. (2011). Traditional and cyber aggressors and victims: a comparison of psychosocial characteristics. *Journal of Youth & Adolescence*, 40, 392–404. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9575-9>

Steffgen, G., König, A., Pfetsch, J., & Melzer, A. (2011). Are cyberbullies less empathic? Adolescents' cyberbullying behavior and empathic responsiveness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14 (11), 643–648. <https://doi.org/10.1089/cyber.2010.0445>

References

- Antipina, S. S. (2022). Social'no-psihologicheskie determinanty kiberagressii: teoreticheskaya model'. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*, (5), 27–35. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-3>
- Antipina, S. S. (2021). Oprosnik «Tipologiya kiberagressii»: struktura i pervichnye psihometricheskie harakteristiki. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23 (1(85)), 113–122. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122>
- Len'kov, S. L. (2020). Specifika destruktivnoj kiberagressii v obrazovatel'noj srede. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, (4 (115)), 107–117. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-4-115-107-117>
- Malova, E. O. (2020). Sovremennye realii asocial'nyh proyavlenij podrostkov v internet-prostranstve. *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya*, (2 (26)), 107–114.
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., Chigar'kova, S. V. (2023). *Kiberagressiya i cifrovaya kul'tura: predstavleniya podrostkov, molodezhi i roditelej*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo instituta psihoanaliza.
- Shejnov, V. P. (2019). Kiberbulling: predposylki i posledstviya. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk*, 4 (2(14)), 77–98.
- Shinkevich, T. V. (2020). Kiberbulling v podrostkovoju srede kak social'no-pedagogicheskaya problema. *Ot idei – k innovacii: materialy XXVII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoi konferencii v 4 chastyah* (g. Mozyr', 23 aprelya 2020 goda, str. 263–264). Mozyr': Mozyrskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni I. P. Shamyakina.
- Garaigordobil, M. (2017). Conducta antisocial: conexión con bullying/cyberbullying y estrategias de resolución de conflictos. *Psychosocial Intervention*, 26, 47–54. <https://doi.org/10.1016/j.psi.2015.12.002>
- Hinduja, S., & Patchin, J. W. (2010). Bullying, cyberbullying, and suicide. *Archives of Suicide Research*, 14 (3), 206–221. <https://doi.org/10.1080/13811118.2010.494133>
- Jang, H., Song, J., & Kim, R. (2014). Does the offline bully-victimization influence cyberbullying behavior among youths? Application of general strain theory. *Computers in Human Behavior*, 31, 85–93. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.007>
- Klomek, A. B., Marrocco, F., Kleinman, M., Schonfeld, I. S., & Gould, M. (2008). Peer victimization, depression, and suicidality in adolescents. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 38 (2), 166–180. <https://doi.org/10.1521/suli.2008.38.2.166>
- Marín-López, I., Zych, I., Ortega-Ruiz, R., Hunter, S. C., & Llorent, V. J. (2019). Relations among online emotional content use, social and emotional competencies and cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 108, 104647 <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104647>
- Patchin, J. W., & Hinduja, S. (2010). Trends in online social networking: adolescent use of My Space over time. *New media & society*, 12 (2), 197–216. <https://doi.org/10.1177/1461444809341857>
- Rodríguez-Hidalgo, A. J., Mero, O., Solera, E., Herrera-López, M., & Calmaestra, J. (2020). Prevalence and psychosocial predictors of cyberaggression and cybervictimization in adolescents: a Spain-Ecuador transcultural study on cyberbullying. *PLoS ONE*, 15 (11). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241288>
- Sontag, L. M., Clemans, K. H., Graber, J. A., & Lyndon, S. T. (2011). Traditional and cyber aggressors and victims: a comparison of psychosocial characteristics. *Journal of Youth & Adolescence*, 40, 392–404. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9575-9>

Steffgen, G., König, A., Pfetsch, J., & Melzer, A. (2011). Are cyberbullies less empathic? Adolescents' cyberbullying behavior and empathic responsiveness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14 (11), 643–648. <https://doi.org/10.1089/cyber.2010.0445>

Информация об авторах

Светлана Степановна Антипина – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Анастасия Владимировна Микляева – профессор кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор психологических наук, доцент.

About the authors

Svetlana S. Antipina – Postgraduate student of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

Anastasia V. Miklyaeva – Professor of the Department of General and Social Psychology of the Herzen State Pedagogical University of Russia. Dr. Sci. (Psy.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 02.04.2025

Одобрена после рецензирования 09.06.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted April 02, 2025

Approved after reviewing Juny 09, 2025

Accepted July 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-267-281

Характеристика и условия формирования паттерна радикализации у обучающихся

Надежда Павловна Ничипоренко

Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казань, Россия)

nichiporenko.n@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3175-0085

Ирина Ивановна Пацакула

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского (Калуга, Россия)

kaluga-irina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5969-8509

Ильдар Шамилович Галиев

Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казань, Россия)

Ildar.galiev@tatar.ru

ORCID: 0009-0007-6371-2821

Аннотация

Введение. Угроза радикализации молодежи становится предметом научных обсуждений, поиска и исследований, большая часть из которых сосредоточена в рамках изучения трех компонентов: личность–поведение–среда. Представляется, что концепция паттерна будет более эффективной при решении задач управления рисками радикализации по сравнению с психологическим подходом. **Целью исследования** выступает осмысление предпосылок радикализации лиц молодого возраста на основе метаанализа двух эмпирических исследований, в одном из которых изучались лица, совершившие преступления террористической направленности, а в другом – психологическая безопасность образовательной среды в связи с агрессивностью и депрессивностью обучающихся. Структуру радикального паттерна, описанного для осужденных террористов, образует комплекс индивидуально-психологических характеристик и социальных факторов: личностные диспозиции, склонность к зависимому поведению, виктимность, религиозное мировоззрение радикального толка, фиксация на идее справедливости, идеологически оформленное ядро идентичности, разбалансировка и дефицитарность семейной системы, предупреждающие поведенческие признаки. В определенных кризисных условиях и при влиянии катализирующих факторов данный паттерн может быть активирован и реализован посредством террористического акта. Предполагается, что агрессивность, депрессивность, отсутствие доверия и поддержки в среде сверстников и учителей, опыт насилия, дефицит просоциальной активности, выделенные среди обучающихся, могут рассматриваться как предпосылки

становления радикального паттерна в подростково-юношеском возрасте. Определяющим (причинным) всегда будет характер взаимодействия предикторов в данных условиях и закономерности долгосрочной динамики системы в направлении радикализации. **Методология, методы и методики.** Методологическими основаниями исследования выступают концепция психологической безопасности образовательной среды, субъектно-деятельностный подход, рассматривающий в единстве психологическую безопасность личности и среды, а также риск-ресурсный подход, направленный на выявление угроз и предотвращение рисков, возникающих в среде и влияющих на психологическую безопасность субъектов в среде. **Эмпирическое исследование** направлено на описание радикального паттерна как варианта адаптации личности и выявление предпосылок радикализации в образовательной среде. **Методом сбора** информации в исследовании осужденных выступали: глубинное интервью; анализ демографических и социально-психологических показателей, которые представляют важность с точки зрения социализации и радикализации личности; восемь психодиагностических методик тестового характера: сокращенный многофакторный опросник исследования личности (СМОЛ), ценностные ориентации (методики М. Рокича и Д. А. Леонтьева), локус контроля, психологические защиты (опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Р. Конте), копинг-стратегии (опросник Р. Лазаруса), склонность к зависимому поведению (опросник В. Д. Менделевича). Мониторинг психологической безопасности образовательной среды проводился методом электронного опроса и включал анкетирование (33 вопроса, касающихся образовательного пространства, отношений с учителями и сверстниками, обстановки в семье, причастности к насилию, в том числе буллингу), психодиагностическое обследование уровня депрессии (шкала В. Зунга в адаптации Т. И. Балашовой) и агрессивности (опросник А. Басса и М. Перри (ВРАQ-24 в адаптации С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского). **Метод обработки результатов:** корреляционный и сравнительный анализ. **Выборка исследования:** 30 осужденных по статьям террористического характера и 30 членов их семей; 244 143 респондента от 12 до 23 лет: учащиеся школ 6–11 классов, студенты средних специальных и высших учебных заведений различных регионов нашей страны; из них 52,7 % юношей и 47,3 % девушек. **Результаты.** Представлены характеристики паттерна радикализации, в которых отражены поведенческие проявления личности, а также характеристики радикализованной личности. Определены характеристики среды, взаимодействие с которой способствует становлению паттерна радикализации. **Научная новизна.** Полученные данные расширяют представление о причинах радикализации молодежи, смещая исследовательский фокус к диагностике нарушений развития и описанию паттерна адаптации. **Практическая значимость.** Процесс становления паттерна радикализации можно рассматривать как одну из траекторий сложного социального отклонения и как вариант дизонтогенеза, возникающего в ходе взаимодействия личности с небезопасными условиями среды. Использование такого подхода в психокоррекционной и психопрофилактической работе с молодежью и обучающимися рассматривается как способ выявления на ранних этапах нарушений развития личности и оказание адресного психолого-педагогического воздействия.

Ключевые слова

радикализация, паттерн радикализации, саногенные и патогенные паттерны адаптации, предикторы радикализации

Исследование выполнено в рамках Государственного задания № FNRR-2024-0003 «Проблема методологии социального отклонения развития человека» (Психология)

Для цитирования: Ничипоренко, Н. П., Пацакула, И. И., Галиев, И. Ш. (2025). Характеристика и условия формирования паттерна радикализации у обучающихся. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 267–281. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-267-281.

Original paper

Characteristics and conditions of radicalisation pattern formation in students

Nadezhda P. Nichiporenko

Kazan Branch of the Federal Scientific Center
for Psychological and Interdisciplinary Research
(Kazan, Russia)

nichiporenko.n@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3175-0085

Irina I. Patsakula

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Kaluga, Russia)

kaluga-irina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5969-8509

Ildar Sh. Galiev

Kazan Branch of the Federal Scientific Center
for Psychological and Interdisciplinary Research
(Kazan, Russia)

ildar.galiev@tatar.ru

ORCID: 0009-0007-6371-2821

Abstract

Introduction. The threat of radicalisation of young people is becoming the subject of scientific discussions, search and researches, most of which are concentrated within the examination of three components: personality-behaviour-environment. The concept of pattern seems to be more effective in solving the tasks of radicalisation risk management compared to the personological approach. **The aim of the research is to analyse** the prerequisites for radicalisation of young people on the basis of a meta-analysis of two empirical researches: one examining the individuals having committed terrorist offences and the other studying the psychological safety of the educational environment in connection with the aggressiveness and depression of students. The structure of the radical pattern described for convicted terrorists is formed by a complex of individual-psychological characteristics and social factors: personal dispositions, addictive behaviour, victimisation, radical religious worldview, fixation on the idea of justice, ideologically shaped identity core, family system disbalance and deficiency, and behavioural warning signs. In certain crisis conditions and under the influence of catalysing factors, this pattern can be activated and realised through a terrorist act. Aggressiveness, depression, lack of trust and support among peers and teachers, experience of violence, deficit of prosocial activity identified among students can be considered as prerequisites for the formation of a radical pattern in adolescence and young adulthood. The nature of interaction between predictors in such conditions and the regularities of the long-term dynamics of the system directed towards radicalisation is expected to be determinant (causal). **Methodology, methods and techniques.** Methodological foundations of the research are based on the concept of psychological safety of the educational environment, subject-activity approach, regarding psychological safety of both an individual and his/her environment in integrity, as well as the risk-resource approach, aimed at identifying threats and preventing risks arising in the environment and affecting the psychological safety of subjects in the environment.

The empirical research is aimed at describing the radical pattern as a variant of personal adaptation and identifying the prerequisites for radicalisation in the educational environment. **The following methods for collecting data in the convicts' examination were used:** in-depth interview; analysis of demographic and socio-psychological indicators, considered important from the point of view of socialisation and radicalisation of the personality; eight psychodiagnostic test techniques: shortened multifactor personality research questionnaire, value orientations (methods by M. Rokeach and D. A. Leontiev), locus of control, psychological defences (Life Style Index questionnaire by R. Plutchik, H. Kellerman, H. R. Conte), coping strategies (R. Lazarus questionnaire), tendency to addictive behaviour (V. D. Mendeleevich questionnaire). Monitoring of psychological safety of the educational environment was conducted via electronic survey. It included a questionnaire (33 questions concerning the educational space, relations with teachers and peers, family situation, involvement in violence, including bullying), psychodiagnostic examination of the level of depression (V. Zung scale adapted by T. I. Balashova) and aggressiveness (Buss-Perry Aggression Questionnaire (BPAQ-24) adapted by S. N. Enikolopov and N. P. Tsibulsky). **Method of processing the results:** correlation and comparative analysis. **The sample of the research** consisted of 30 persons convicted for terrorist offences and 30 members of their families; 244,143 respondents from 12 to 23 years old: schoolchildren of grades 6-11, students of secondary specialised and higher educational organisations in Kazan and different regions of the Republic of Tatarstan; 52.7 % among them were males and 47.3 % were females. **Results.** The characteristics of the radicalisation pattern reflecting the behavioural manifestations of the personality as well as the characteristics of the radicalised personality are presented. The characteristics of the environment, interaction with which contributes to the formation of radicalisation pattern, are determined. **Scientific novelty.** The findings expand the understanding of the causes of radicalisation of young people, shifting the research focus to diagnosing developmental disorders and describing the pattern of adaptation. **Practical significance.** The process of radicalisation pattern formation can be considered as one of the trajectories of a complex social deviation and as a variant of dysontogenesis arising in the process of personality interaction with unsafe environmental conditions. The use of such an approach in psychocorrective and psychopreventive work with young people and students is considered as a way to identify personality development disorders at early stages and to provide targeted psychological and pedagogical intervention.

Keywords

radicalisation, radicalisation pattern, sanogenic and pathogenic adaptation patterns, predictors of radicalisation

The research was carried out within the framework of State Assignment № FNRR-2024-0003 “Problem of methodology of social deviation of human development” (Psychology)

For citation: Nichiporenko, N. P., Patsakula, I. I., Galiev, I. Sh. (2025). Characteristics and conditions of radicalisation pattern formation in students. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 267–281. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-267-281.

Введение

Данная статья представляет собой осмысление предпосылок радикализации лиц молодого возраста на основе метаанализа двух масштабных эмпирических исследований, изначально не связанных общей идеей. Исследование 2017–2020 гг. было посвящено изучению личностных характеристик и особенностей семейных систем лиц, совершивших преступления террористической направленности. В 2020 г. был проведен массовый мониторинг психологической безопасности образовательной среды в связи с агрессивностью и депрессивностью обучающихся. В качестве связующих теоретических конструктов используются некоторые аспекты понятия

безопасности как характеристики взаимодействия индивида и среды в данный момент времени (Ничипоренко, Пацакула, 2021), представления о саногенных и патогенных паттернах адаптации (Ничипоренко, 2022) и идея о существовании радикального паттерна как альтернатива персонологическому подходу в исследовании сложных форм социального отклонения (Ничипоренко, Пацакула, Галиев, 2025).

Актуальность исследования

Глобальные вызовы современности, с которыми столкнулось современное человечество: стремительный рост технологий, цифровизация, огромное количество поступающей информации, в том числе имеющей ложный и «токсичный» контент, феноменология постправды, пропаганда и обыденность насилия, усиление влияния виртуальных сообществ – негативно отражаются на развитии молодого поколения. Интернет и социальные сети являются инструментами, которые экстремистские группы используют для манипулирования сознанием, создавая угрозу радикализации молодежи. Остро стоит проблема не только прогнозирования и предупреждения различных форм современного терроризма, но и преодоления последствий воздействия радикальных идеологий и сохранения психического здоровья населения (Захарова, Баева, Соболев, 2018).

Для научного решения этих задач исследуются природа терроризма, роль социального окружения и индивидуально-психологических особенностей в процессах радикализации, инструменты внедрения деструктивных идеологий и их влияние на мировоззрение и поступки подрастающего поколения. В этом направлении активно изучаются компоненты триады «личность–поведение–среда» (Ениколопов, 2006; Казберов, Бовин, Фасоля, 2019; Бовин, Казберов, Бовина, 2021), проблемы социальной идентичности (Бовин, Бовина, Тихонова, 2021); показана высокая значимость для преступников-террористов понятия «справедливость» и религиозных ценностей (Кроз, Ратинова, 2022). Для молодежной категории разработаны и апробированы методики изучения диспозиций к насильственному экстремизму (Давыдов, Хломов, 2017), склонности к экстремизму (Эльзессер, 2024), рисков религиозной радикализации (Злоказов, 2023).

Зарубежные исследования отмечают глобальный формат транснационального терроризма, формирование ценностей, усиливающих поддержку насилия (Atran, 2021). В качестве факторов радикализации рассматриваются социальное несогласие (Vicente, 2022), классовый разрыв, кризис в социуме, коррупция, этнорелигиозная политика и секьюритизация государства, отсутствие возможностей, фрагментированная социальная и этническая идентичность (Ramasamy, 2021).

Теоретические предпосылки исследования

В настоящее время происходит смещение исследовательского фокуса внимания с отдельных психологических и социальных характеристик личности на изучение целостных паттернов (Gill, 2015; Meloy, 2018; Guldemann & Meloy, 2020; Höffler, Meyer & Möller, 2022; Van den Bos, 2020). Понятие «паттерн» представлено широко и может быть использовано в различных контекстах. В рамках наших исследований паттерн рассматривается как устойчивая модель поведения, сформированная в онтогенезе под воздействием длительного влияния на личность определенных факторов и условий среды, социума, особенностей социализации. Паттерн устойчив, а будучи сформированным, мало изменяется со временем, имеет определенные характерные черты. Паттерн радикализации (Ничипоренко, 2022) представляется как специфическая поведенческая модель, которая связана с экстремистской и террористической активностью индивида.

Концепция паттерна представляется более эффективной при решении задач управления рисками радикализации по сравнению с персонологическим подходом, поскольку предметом изучения становятся способы адаптации, объективированные в поведении. Если психодиагностика личности требует профессионального и разностороннего измерения, то выявление паттерна представляет собой фокусировку внимания исследователя на проявлениях, внешне выраженных признаках, доступных наблюдению. Надежность результатов в данном случае может быть обеспечена стандартизированными картами наблюдений, системностью, разнообразием условий и ситуаций, в которых проводится исследование, и сопоставлением результатов наблюдений нескольких экспертов, в качестве которых могут выступать не только психологи, но и родители, учителя, преподаватели, социальные педагоги.

Авторами была разработана система оснований для классификации признаков, релевантных задачам прогнозирования и управления рисками радикализации (Ничипоренко, 2024). Применительно к задачам раннего выявления предикторов радикализации среди обучающихся значимыми являются следующие группы критериев, которые могут быть положены в основу программы наблюдения. Имеющиеся исследования описывают в основном предикторы радикализации, выделенные по содержанию (индивидуальные, личностные, психопатологические, микросоциальные, макросоциальные). Исследуемые признаки также могут быть классифицированы по степени причинности (причины, триггеры, маркеры), специфичности (специфичные, слабоспецифичные, неспецифичные), степени проявленности (латентные, мерцающие, актуальные), значимости с точки зрения вида психологической помощи (психодиагностические, психопрофилактические, психокоррекционные, психотерапевтические).

Стоит обратить внимание на такой параметр того или иного признака, как динамичность / статичность. Этот аспект анализа факторов риска радикализации был предложен J. R. Meloy при составлении Протокола оценки террористической радикализации TRAP-18 (Terrorist Radicalization Assessment Protocol). Динамическими признаками террористической радикализации выступают путь, фиксация, идентификация, новая агрессия, энергетический выброс, утечка, напрямую переданная угроза и поведение последнего средства. Статичными признаками, характерными для террориста-одиночки, являются психическое расстройство, личная обида и моральное возмущение, оформленные идеологией, неспособность присоединиться к экстремистской или другой группе, зависимость от виртуального сообщества, фрустрация важных жизненных целей, изменение мышления и эмоций, неспособность к интимным сексуальным связям, креативность, история уголовного насилия (Meloy, 2018). Поскольку TRAP-18 диагностирует модели поведения, а не отдельные переменные, на основе такого способа оценки нельзя выявить того, кто именно совершит или не совершит преступление. Данный методический прием и сам инструмент будут полезны для прогнозирования того, каким лицам следует уделять первоочередное внимание и какие службы должны вмешаться в ситуацию в первую очередь (педагоги, психологи, специалисты по психическому здоровью; разведка, правоохранительные органы и службы безопасности).

Мы считаем важным разделять проявления паттерна радикализации в зависимости от срочности, приоритета и способов регистрации и реагирования (сплошное наблюдение, выборочное наблюдение, мониторинг, скрининг, фокусированное наблюдение, углубленное исследование, меры пресечения).

Организация, материалы и методы

Исследование проводилось среди 30 осужденных по статьям террористического характера в несколько этапов. На этапе в 2017–2019 гг. изучались особенности личности террориста и способы адаптации. В качестве методического инструментария выступили восемь

психодиагностических методик тестового характера. Диагностике подлежали личностные особенности осужденных с помощью сокращенного многофакторного опросника исследования личности (СМОЛ), ценностные ориентации (методики М. Рокича и Д. А. Леонтьева), locus контроля, психологические защиты (опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Р. Конте), копинг-стратегии (опросник Р. Лазаруса), склонность к зависимому поведению (опросник В. Д. Менделевича). Кроме того, было использовано глубинное интервью, проведен анализ демографических и социально-психологических показателей, важных с точки зрения социализации и радикализации личности. Структурированное глубинное интервью позволило произвести реконструкцию условий и жизненного пути человека, совершившего террористический акт. На этапе 2020–2021 гг. исследование проводилось с 30 членами семей осужденных по статьям террористического характера. Использовались методика «Шкала семейной адаптации и сплоченности» FACES-3 (D. Olson, J. Portner, Y. Lavee) и опросник склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова).

В 2020 г. посредством электронного опроса был проведен массовый мониторинг безопасности образовательной среды. Выборку исследования составили 244 143 респондента от 12 до 23 лет: учащиеся школ 6–11 классов, студенты средних специальных и высших учебных заведений различных регионов нашей страны; из них 52,7 % юношей и 47,3 % девушек. Методами исследования являлись анкетирование (33 вопроса, касающихся школьной среды, образовательного пространства, отношений с учителями и сверстниками, обстановки в семье, причастности к насилию, в том числе буллингу) и скрининговое психодиагностическое обследование. Для изучения уровня депрессии использовалась шкала В. Зунга (в адаптации Т. И. Балашовой), агрессивность измерялась при помощи опросника А. Басса и М. Перри (ВРАQ-24, в адаптации С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского). Из общей выборки была сформирована группа риска, в которую вошли обучающиеся с высоким суммарным показателем агрессивности и депрессии (складывались нормализованные баллы). Состав группы риска: 860 человек (0,35 % от общей выборки), в их числе 551 лицо (64 %) мужского пола и 309 (36 %) женского пола.

Результаты исследования

Паттерн радикализации в выборке осужденных выстраивался с учетом их личностных характеристик, особенностей социализации и межличностных отношений.

Результаты исследования посредством многофакторного личностного опросника СМОЛ нельзя считать полностью достоверными (у 40 % респондентов завышены значения по шкале лжи). В единичных случаях наблюдались высокие значения по шкалам индивидуалистичности, истероидной психопатии, гиперкомпенсации агрессии, сверхконтроля, депрессивности и тревожности, параноидной психопатии и ярко выраженных агрессивных черт.

В качестве приоритетных терминальных ценностей среди осужденных высокие ранговые значения имеют ценности «счастье других», в остальном были названы обычные человеческие ценности «счастливая семейная жизнь» и «здоровье». Высокие значения среди инструментальных ценностей представлены позициями «честность» и «терпимость», что подтверждается результатами исследования убеждений радикализованной личности (Жемчугова, 2020).

Спектр распространенных психологических защит осужденных представлен рационализацией (66 %), проекцией (48 %) и отрицанием (44 %). Предпочитаемыми копинг-стратегиями были названы «принятие ответственности» (среднее значение 83,3), «планирование решения проблемы» (72,2), «самоконтроль» (71,4) и «положительная переоценка ситуации» (66,7).

Характерными для данной категории испытуемых являются склонность к зависимому поведению и готовность к виктимному способу взаимодействия при одновременном отрицании собственной слабости и позиции жертвы (латентная виктимность).

У всех осужденных по статьям террористического характера имели место сложности социализации в юношеском возрасте и ранней молодости. Структурированное глубинное интервью позволило выявить наличие травматического опыта, кризиса самоопределения и затруднений в развитии идентичности, были отмечены незавершенные возрастные задачи развития подросткового этапа. Эти условия способствовали поиску безопасности, стабильности, духовных ориентиров и обращению к религиозному мировоззрению. Приобщение к религии у многих опрошенных происходило после травмирующих жизненных событий: 20 % пережили смерть близких родственников или их тяжелую болезнь (10 %); 13 % подвергались буллингу в школе; 13 % отметили сложный переезд; 7 % имели опыт собственного серьезного заболевания или травмы. Риск религиозной радикализации может быть усилен дефицитностью семейных отношений: «Недостаток эмоциональной близости и поддержки в семейных системах, утрата или несостоятельность отцовской фигуры формируют дефицитность надежного внутреннего объекта, в результате чего потребность в нем выносится во вне и легко опредмечивается суррогатными объектами. В качестве последних могут выступать фактически любые лица, сообщества или идеи, предлагающие надежду на стабильность, поддержку и справедливость» (Ничипоренко, 2023b, с. 28).

Результаты мониторинга психологической безопасности образовательной среды показали статистически достоверные отличия группы риска от общей выборки по большинству исследованных параметров.

Распределение численности группы риска имеет неравномерный характер: на 6 класс приходится 5,9 % состава группы риска, на 7 класс – 6,0 %, в 8 классе обучается 10,1 %; 21,5 % (большинство) составляют учащиеся 9 классов, 10 класс – 3,1 %, 11 класс – 6,3 %. В средних специальных и высших учебных заведениях профессионального образования число респондентов из группы риска на 1 курсе составляет 12,4 %, на 2 курсе – 2,2 %, на 3 курсе – 11,8 %, на 4 курсе – 9,1 %, на 5 курсе – 0,3 %, в магистратуре – 1,3 %. В общей сложности на 1, 2, 3 курсах средних специальных и высших учебных заведений группа риска составляет 36 % от всей численности обучающихся с высоким уровнем агрессии и депрессии (Ничипоренко, 2023a). Для студенческой выборки анализ был проведен отдельно (Nichiporenko & Zhemchugova, 2021).

Коморбидность агрессивности и уровня депрессии оказалась высокой ($r = 0.58$). Обучающиеся группы риска воспринимают образовательную среду как враждебную и небезопасную. Лица подросткового и юношеского возраста, характеризующиеся высоким уровнем агрессии и депрессии, достоверно чаще своих сверстников испытывают эмоциональные состояния страха, гнева и обиды, связанные с учебой и отношениями, являются жертвами буллинга, сталкиваются с проявлениями насилия на улице, чувствуют себя незащищенными от необоснованной критики и обвинений учителей; признают дефицит дружеских связей со сверстниками. В то же время представители группы риска не рассчитывают на поддержку и помощь со стороны педагогов, не доверяют сверстникам и не ожидают от них помощи и поддержки, опасаются открыто высказывать свою позицию и точку зрения, не склонны делиться с одноклассниками своими проблемами и менее счастливы в семье (Ничипоренко, 2021).

Обсуждение результатов

На основании результатов исследования лиц, совершивших преступления террористической направленности, нами был описан радикальный паттерн как вариант адаптации личности с траекторией сложного социального отклонения. «Структуру радикального паттерна образует комплекс индивидуально-психологических характеристик и социальных факторов: личностные диспозиции, склонность к зависимому поведению, виктимность, религиозное

мировоззрение радикального толка, фиксация на идее справедливости, идеологически оформленное ядро идентичности, разбалансировка и дефицитарность семейной системы, предупреждающие поведенческие признаки» (Ничипоренко, Пацакула, Галиев, 2025, с. 23).

Разносторонний анализ результатов мониторинга психологической безопасности образовательной среды (Ничипоренко 2021, 2022, 2023) позволил описать характеристики небезопасной образовательной среды, проявления психологического неблагополучия, выявить взаимосвязи агрессивности и депрессивности с особенностями восприятия обучающимися отношений между субъектами учебного взаимодействия. Полученные факторы и закономерности можно рассматривать в контексте дизонтогенеза как предпосылки нарушений развития. Сами по себе данные признаки линейно не детерминируют радикализацию конкретной личности, но характер их взаимодействия способен усугубить неблагоприятные тенденции развития и выступить условиями формирования и укрепления паттерна радикализации. Особенно стоит подчеркнуть, что предпосылки становления того или иного паттерна нельзя свести к перечню факторов. Определяющими (причинными) всегда будут характер взаимодействия предикторов в данных условиях и закономерности долгосрочной динамики системы в направлении радикализации.

Первичным объективным условием становления радикального паттерна адаптации выступает динамическая последовательность жизненных трудностей, фрустраций, деприваций, угроз и насильственных действий. Субъективными факторами являются дефицит доверия и поддержки, эмоциональные состояния бессилия, беспомощности, незащищенности, а негативные групповые феномены, такие как социальный остракизм, буллинг, психологическое насилие, в сочетании с данными факторами порождают экстремальные формы насилия в виде скулшутинга и террористических действий.

В итоге можно выделить три группы признаков, обладающих прогностической ценностью в отношении становления и диагностики паттерна радикализации лиц подростково-юношеского возраста:

1. Характеристики личности, склонной к формированию радикального паттерна (личностные предикторы):

- хроническая депривация базовых потребностей личности, неразвитые навыки заботы о себе, низкая дифференциация потребностей, неспособность своевременно осознавать и закрывать дефициты;

- длительные состояния незащищенности, бессилия и беспомощности;

- наличие любых признаков психической патологии;

- индивидуальное восприятие и оценка микросоциальной среды как враждебной и небезопасной;

- обостренное чувство справедливости, личная обида, моральное возмущение;

- проблемы с идентичностью;

- отчужденность, сложности в отношениях, затруднения и инструментальная недостаточность социальных навыков;

- дефицит доверия и поддержки в ближайшем окружении.

2. Характеристики радикального паттерна адаптации:

- история ущемления прав, унижения, насилия, социальной несправедливости;

- история неадекватного реагирования на стандартные ситуации;

- агрессивность как способ реагирования на фрустрацию, инструмент решения конфликта.

Особое внимание стоит уделять латентным признакам и форме пассивной агрессии;

- депрессивность как способ пережить трудности;

- избегание конфликтов либо высокая конфликтность;

- конформность, зависимость, в том числе от виртуальных сообществ, подверженность идеологии, религиозность, индоктринация;
- виктимность (проявленная или латентная);
- причастность к любому виду психологического или физического насилия (в том числе буллингу, газлайтингу) в любой роли (агрессора, жертвы или свидетеля). Позиция защитника жертвы заслуживает особого рассмотрения в зависимости от контекста ситуации, личностных особенностей и выбранных способов поведения.

3. Характеристики среды и социально-психологического климата, взаимодействие с которыми способствует становлению паттерна радикализации (условия становления паттерна):

- остракизм как групповой феномен, присутствующий в коллективах образовательной организации, включая администрацию, педагогов и учащихся;
- отсутствие антибуллинговых норм и правил;
- наличие в коллективной морали и ценностях двойных стандартов, создающих предпосылки неравенства и несправедливости;
- безнаказанность насилия, сокрытие фактов буллинга, искажение причинно-следственной обусловленности насилия (газлайтинг);
- дефицитарность среды в отношении возможностей удовлетворения базовых потребностей личности в физической и эмоциональной безопасности, принятии, поддержке, здоровой конкуренции.

Заключение

Процесс становления паттерна радикализации можно понимать и как один из вариантов траектории социального отклонения, и как вариант дизонтогенеза, т. е. определенное нарушение развития организма на каком-либо этапе онтогенеза.

Использование такого подхода в психокоррекционной и психопрофилактической работе с молодежью и обучающимися рассматривается как способ выявления на ранних этапах развития личности групп риска, оказание адресного психолого-педагогического воздействия с учетом определения направления и содержания профилактической работы. Разработка индивидуальных и групповых программ коррекционной и профилактической направленности позволит определить показатели поведенческих реакций, требующие особого внимания и контроля, например, наличие / отсутствие нарушений развития; описание паттерна адаптации и особенности его протекания; понимание социального отклонения как уникального деструктивного способа приспособления человека к жизненным обстоятельствам. Важно рассматривать и статические факторы риска, такие как история психического расстройства, наличие / отсутствие личной обиды, моральное возмущение, особенно оформленное идеологией.

Учет этих характеристик позволит выявить признаки деструктивных тенденций в рамках траектории социального отклонения индивида в процессе онтогенеза, рассматривать его как вариант дизонтогенеза, что, в свою очередь, определит своевременные меры коррекционно-развивающего воздействия с привлечением к работе родителей и специалистов различного профиля.

Список литературы

- Бовин, Б. Г., Бовина, И. Б., Тихонова, А. Д. (2021). Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III). *Психология и право*, 11 (1), 181–194. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
- Бовин, Б. Г., Дворянчиков, Н. В., Мельникова, Д. В., Бовина, И. Б. (2023). К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты. *Пенитенциарная наука*, 17 (1), 89–97. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.61.1.010>

- Бовин, Б. Г., Казберов, П. Н., Бовина, И. Б. (2021). Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. *Психология и право*, 11 (2), 86–105. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110207>
- Давыдов, Д. Г., Хломов, К. Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика*, 14 (1), 78–97.
- Ениколопов, С. Н. (2006). Терроризм и агрессивное поведение. *Национальный психологический журнал*, 1, 28–32.
- Жемчугова, А. А. (2020). Эмпирическое исследование справедливости в структуре когнитивных конструкторов личности, подпавшей под влияние радикальных идеологий. В *Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации*: коллективная монография (стр. 73–80). Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем.
- Захарова, Н. М., Баева, А. С., Соболев, Н. А. (2018). Социально-психологические последствия современного терроризма. *Психология и право*, 18 (3), 190–205. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080314>
- Злоказов, К. В. (2023). Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструктор и опросник. *Российский девиантологический журнал*, 3 (2), 155–172. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-2-155-172>
- Казберов, П. Н., Бовин, Б. Г., Фасоля, А. А. (2019). Психологический профиль террориста. *Психология и право*, 9 (3), 141–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311>
- Кроз, М. В., Ратинова, Н. А. (2022). Ценностные ориентации преступников-террористов. *Психология и право*, 12 (2), 99–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120208>
- Ничипоренко, Н. П. (2021). Специфика восприятия некоторых аспектов образовательной среды обучающимися группы риска. *Казанский педагогический журнал*, 5 (148), 267–273. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.149.5.037>
- Ничипоренко, Н. П., Пацакула, И. И. (2021). К вопросу о психологии безопасности личности и среды: границы взаимодействия в ситуации конфликта интересов. В *Девиантность & экстремизм: глобальное, социальное, личностное*: коллективная монография (выпуск 3., стр. 110–124). Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем.
- Ничипоренко, Н. П. (2022). Саногенные и патогенные паттерны адаптации в ракурсе системно-эволюционного подхода. *Казанский педагогический журнал*, 4 (153), 263–274. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.154.4.032>
- Ничипоренко, Н. П. (2023а). Взаимосвязь уровня депрессии с характеристиками образовательной среды в подростково-юношеском возрасте. *Казанский педагогический журнал*, 2 (157), 192–199. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2023.159.2.025>
- Ничипоренко, Н. П. (2023б). Психологическое сопровождение контингента ОВ с учетом социальной ситуации развития: от девиации к норме. В *Девиантность и экстремизм: методология, нарративы, исследовательская оптика*: коллективная монография. (2-е изд., перераб. и доп.) (стр. 23–32). Казань: Изд-во ММСИП.
- Ничипоренко, Н. П. (2024). Предикторы деструктивного и аутодеструктивного поведения в ракурсе системного подхода. В *Траектория социального отклонения в развитии личности: практические и методологические аспекты*: коллективная монография (стр. 107–118). Москва: Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
- Ничипоренко, Н. П., Пацакула, И. И., Галиев, И. Ш. (2025). От диагностики личности к диагностике паттерна: опыт исследования лиц, совершивших преступления

- террористической направленности. *Психология и право*, 15 (1), 16–28. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150102>
- Эльзесер, А. С. (2024). Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка. *Психология и право*, 14 (1), 89–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140106>
- Atran, S. (2021). Psychology of Transnational Terrorism and Extreme Political Conflict. *Annual review of psychology*, 72, 471–501. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050800>
- Gill, P. (2015). Toward a scientific approach to identifying and understanding indicators of radicalization and terrorist intent: Eight key problems. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2 (3–4), 187–191. <http://dx.doi.org/10.1037/tam0000047>
- Guldemann, A., & Meloy, J.R. (2020). Assessing the threat of lone-actor terrorism: the reliability and validity of the TRAP-18. *Forens Psychiatr Psychol Kriminol*, 14, 158–166. <https://doi.org/10.1016/j.psc.2016.07.004>
- Höffler, K., Meyer, M., & Möller, V. (2022). Risk Assessment – the Key to More Security? Factors, Tools, and Practices in Dealing with Extremist Individuals. *Eur J Crim Policy Res*, 28, 269–295. <https://doi.org/10.1007/s10610-021-09502-6>
- Meloy, J. R. (2018). The Operational Development and Empirical Testing of the Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP–18). *Journal of Personality Assessment*, 100 (5), 483–492. <https://doi.org/10.1080/00223891.2018.1481077>
- Nichiporenko, N. P., & Zhemchugova, A. (2021). Psychological safety as a characteristic feature of common education environment of higher educational institutions in times of globalization. In M. Vidrevich (Ed.), *SHS Web of Conferences. International Scientific Conference “Delivering Impact in Higher Education Learning and Teaching: Enhancing Cross-Boarder Collaborations” (DIHELT 2021)*. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/10/contents/contents.html>
- Ramasamy, R. (2021). Youth radicalization and violent extremism: a study of pathways in the post-war context of Sri Lanka. *Journal of Youth Studies*, 26 (2), 229–249. <https://doi.org/10.1080/13676261.2021.2010684>
- Van den Bos, K. (2020). Unfairness and Radicalization. *Annual review of psychology*, 71, 563–588. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050953>
- Vicente, Á. (2022). Terrorist Participation Despite Social Influences Opposing Violent Extremism: A Qualitative Study among Young Jihadists in Spain. *Studies in Conflict & Terrorism*, 1–24. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2022.2151094>

References

- Bovin, B. G., Bovina, I. B., Tihonova, A. D. (2021). Radikalizaciya: social'no-psihologicheskij vzglyad (Chast' III). *Psihologiya i pravo*, 11 (1), 181–194. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
- Bovin, B. G., Dvoryanchikov, N. V., Mel'nikova, D. V., Bovina, I. B. (2023). K probleme ocenki riska radikalizacii v podrozkovo-molodezhnoj srede: nekotorye empiricheskie fakty. *Penitenciarnaya nauka*, 17 (1), 89–97. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.61.1.010>
- Bovin, B. G., Kazberov, P. N., Bovina, I. B. (2021). Mekhanizmy psihologicheskoy zashchity i dominiruyushchee zashchitnoe povedenie osuzhdennyh za terroristicheskuyu i ekstremistskuyu deyatelnost'. *Psihologiya i pravo*, 11 (2), 86–105. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110207>
- Davydov, D. G., Hlomov, K. D. (2017). Metodika diagnostiki dispozicij nasil'stvennogo ekstremizma. *Psihologicheskaya diagnostika*, 14 (1), 78–97.
- Enikolopov, S. N. (2006). Terrorizm i agressivnoe povedenie. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 1, 28–32.
- Zhemchugova, A. A. (2020). Empiricheskoe issledovanie spravedlivosti v strukture kognitivnyh konstruktov lichnosti, podpavshej pod vliyanie radikal'nyh ideologij. V *Deviantnost' VS*

- ekstremizm: issledovaniya, zakonomernosti, rekomendacii*: kollektivnaya monografiya (str. 73–80). Kazan': Institut pedagogiki, psihologii i social'nyh problem.
- Zaharova, N. M., Baeva, A. S., Sobolev, N. A. (2018). Social'no-psihologicheskie posledstviya sovremennogo terrorizma. *Psihologiya i pravo*, 18 (3), 190–205. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080314>
- Zlokazov, K. V. (2023). Izmerenie riska religioznoj radikalizacii molodezhi: konstrukt i oprosnik. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 3 (2), 155–172. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-2-155-172>
- Kazberov, P. N., Bovin, B. G., Fasolya, A. A. (2019). Psihologicheskij profil' terrorista. *Psihologiya i pravo*, 9 (3), 141–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311>
- Kroz, M. V., Ratinova, N. A. (2022). Cennostnye orientacii prestupnikov-terroristov. *Psihologiya i pravo*, 12 (2), 99–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120208>
- Nichiporenko, N. P. (2021). Specifika vospriyatija nekotoryh aspektov obrazovatel'noj sredy obuchayushchimisya gruppy riska. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 5 (148), 267–273. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.149.5.037>
- Nichiporenko, N. P., Pacakula, I. I. (2021). K voprosu o psihologii bezopasnosti lichnosti i sredy: granicy vzaimodejstviya v situacii konflikta interesov. V *Deviantnost' & ekstremizm: global'noe, social'noe, lichnostnoe*: kollektivnaya monografiya (vypusk 3., str. 110–124). Kazan': Institut pedagogiki, psihologii i social'nyh problem.
- Nichiporenko, N. P. (2022). Sanogennye i patogennye patterny adaptacii v rakurse sistemno-evolyucionnogo podhoda. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 4 (153), 263–274. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.154.4.032>
- Nichiporenko, N. P. (2023a). Vzaimosvyaz' urovnya depressii s karakteristikami obrazovatel'noj sredy v podrostkovo-yunosheskom vozraste. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2 (157), 192–199. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2023.159.2.025>
- Nichiporenko, N. P. (2023b). Psihologicheskoe soprovozhdenie kontingenta OV s uchetom social'noj situacii razvitiya: ot deviacii k norme. V *Deviantnost' i ekstremizm: metodologiya, narrativy, issledovatel'skaya optika*: kollektivnaya monografiya. (2-e izd., pererab. i dop.) (str. 23–32). Kazan': Izd-vo MMSIP.
- Nichiporenko, N. P. (2024). Prediktory destruktivnogo i autodestruktivnogo povedeniya v rakurse sistemnogo podhoda. V *Traektoriya social'nogo otkloneniya v razvittii lichnosti: prakticheskie i metodologicheskie aspekty*: kollektivnaya monografiya (str. 107–118). Moscow: Federal'nyj nauchnyj centr psihologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij
- Nichiporenko, N. P., Pacakula, I. I., Galiev, I. Sh. (2025). Ot diagnostiki lichnosti k diagnostike patterna: opyt issledovaniya lic, sovershivshih prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti. *Psihologiya i pravo*, 15 (1), 16–28. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150102>
- El'zesser, A. S. (2024). Postroenie modeli radikalizacii i ee empiricheskaya proverka. *Psihologiya i pravo*, 14 (1), 89–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140106>
- Atran, S. (2021). Psychology of Transnational Terrorism and Extreme Political Conflict. *Annual review of psychology*, 72, 471–501. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050800>
- Gill, P. (2015). Toward a scientific approach to identifying and understanding indicators of radicalization and terrorist intent: Eight key problems. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2 (3–4), 187–191. <http://dx.doi.org/10.1037/tam0000047>
- Guldimann, A., & Meloy, J.R. (2020). Assessing the threat of lone-actor terrorism: the reliability and validity of the TRAP-18. *Forens Psychiatr Psychol Kriminol*, 14, 158–166. <https://doi.org/10.1016/j.psc.2016.07.004>

- Höffler, K., Meyer, M., & Möller, V. (2022). Risk Assessment – the Key to More Security? Factors, Tools, and Practices in Dealing with Extremist Individuals. *Eur J Crim Policy Res*, 28, 269–295. <https://doi.org/10.1007/s10610-021-09502-6>
- Meloy, J. R. (2018). The Operational Development and Empirical Testing of the Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP–18). *Journal of Personality Assessment*, 100 (5), 483–492. <https://doi.org/10.1080/00223891.2018.1481077>
- Nichiporenko, N. P., & Zhemchugova, A. (2021). Psychological safety as a characteristic feature of common education environment of higher educational institutions in times of globalization. In M. Vidrevich (Ed.), *SHS Web of Conferences. International Scientific Conference “Delivering Impact in Higher Education Learning and Teaching: Enhancing Cross-Boarder Collaborations” (DIHELT 2021)*. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/10/contents/contents.html>
- Ramasamy, R. (2021). Youth radicalization and violent extremism: a study of pathways in the post-war context of Sri Lanka. *Journal of Youth Studies*, 26 (2), 229–249. <https://doi.org/10.1080/13676261.2021.2010684>
- Van den Bos, K. (2020). Unfairness and Radicalization. *Annual review of psychology*, 71, 563–588. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050953>
- Vicente, Á. (2022). Terrorist Participation Despite Social Influences Opposing Violent Extremism: A Qualitative Study among Young Jihadists in Spain. *Studies in Conflict & Terrorism*, 1–24. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2022.2151094>

Информация об авторах

Надежда Павловна Ничипоренко – старший научный сотрудник Казанского филиала Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, кандидат психологических наук, доцент.

Ирина Ивановна Пацакула – доцент кафедры общей и социальной психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, кандидат психологических наук.

Ильдар Шамилевич Галиев – директор Казанского филиала Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.

About the authors

Nadezhda P. Nichiporenko – Senior Researcher, Kazan branch of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Irina I. Patsakula – Docent of the Department of General and Social Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Cand. Sci. (Psy.).

Ildar Sh. Galiev – Head of Kazan branch of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 07.04.2025

Одобрена после рецензирования 06.06.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted April 07, 2025

Approved after reviewing June 06, 2025

Accepted July 28, 2025

УДК 159.922.8

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-282-301

Смысловая саморегуляция как стратегия совладания подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе

Светлана Алигарьевна Минюрова

Центр междисциплинарных исследований в области наук об образовании
Российской академии образования
(Москва, Россия)

miniurova.sa@raop.ru

ORCID: 0000-0003-3852-0434

Наталья Олеговна Леоненко

Центр междисциплинарных исследований в области наук об образовании
Российской академии образования
(Москва, Россия)

leonenko.no@raop.ru

ORCID: 0000-0002-0517-9711

Аннотация

Введение. В подростковом возрасте способность справляться с социальными и психологическими вызовами обретает особую значимость, что актуализирует запрос на изучение адаптационного потенциала подростков. Рассмотрение смысловой саморегуляции как ресурса психологической адаптивности подростков с учетом их детского опыта и возрастных новообразований позволяет прогнозировать и предупреждать проявления дезадаптации и становится основой для развития проактивных стратегий совладания, определяющих жизнестойкость подростков в период взросления. **Методы исследования.** Использовались структурированное интервью, тест социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд, адапт. А. Прихожан), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич), методика «Способы совладающего поведения (WCQ)» (Р. Лазарус, С. Фолкман, адапт. НИПНИ им. Бехтерева), тест смысложизненных ориентаций (Дж. Крамбо и Л. Махоника, адапт. Д. А. Леонтьева), тест жизнестойкости (С. Мадди, адапт. Д. А. Леонтьева, Е. И. Расказовой). Использовались методы математико-статистического анализа: критерий Колмогорова-Смирнова, U-критерий Манна-Уитни. **Результаты исследования.** Установлено, что 75 % респондентов имеют как минимум один вид неблагоприятного детского опыта. У подростков с неблагоприятным детским опытом были зафиксированы низкие значения адаптивности, осмысленности жизни, но выше показатели невротических симптомов (астения, вегетативные нарушения, невротические тревога и депрессия) и неадаптивных копинг-стратегий (дистанцирование, конфронтация, бегство-избегание) в сравнении с нормативными значениями и аналогичными показателями в группе сравнения. У подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе и имеющих высокий уровень осмысленности жизни выше степень психологической адаптивности и менее выражены показатели дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими аналогичный опыт и низкий уровень осмысленности жизни.

Ключевые слова

подростковый возраст, неблагоприятный детский опыт, копинг-стратегии, жизнестойкость, смысловая саморегуляция

Для цитирования: Минюрова, С. А., Леоненко, Н. О. (2025). Смысловая саморегуляция как стратегия совладания подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 282–301. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-282-301.

Original paper

Semantic self-regulation as a coping strategy for adolescents with adverse childhood experiences in their anamnesis

Svetlana A. Minyurova

Centre for Interdisciplinary Researches in Education of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

miniurova.sa@raop.ru

ORCID: 0000-0003-3852-0434

Natalia O. Leonenko

Centre for Interdisciplinary Researches in Education of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

leonenko.no@raop.ru

ORCID: 0000-0002-0517-9711

Abstract

Introduction. In adolescence, the ability to cope with social and psychological challenges becomes especially important, which actualises the request to study the adaptation potential of adolescents. The study of semantic self-regulation as a resource of psychological adaptability of adolescents, taking into account their childhood experience and age-related neoplasms, makes it possible to predict and prevent manifestations of maladaptation and becomes the basis for the development of proactive coping strategies that determine the resilience of adolescents during adulthood. **Research methods.** The authors used a structured interview, social and psychological adaptation test (K. Rogers, R. Diamond, adapted by A. Prikhozhan), clinical questionnaire for detection and assessment of neurotic states (K.K. Yakhin, D.M. Mendelevich), “Ways of coping behavior (WCQ)” technique (R. Lazarus, S. Folkman, adapted by Bekhterev Scientific Research Institute), life-meaning orientation test (J. Crambaugh and L. Makholika, adapted by D.A. Leontiev), hardiness test (S. Maddy, adapted by D.A. Leontiev, E.I. Rasskazova). Methods of mathematical and statistical analysis, Kolmogorov-Smirnov criterion, Mann-Whitney U-criterion were used. **Research results.** It was found that 75% of respondents had at least one type of unfavourable childhood experience. Adolescents with unfavourable childhood experiences had significantly lower levels of adaptability and life meaningfulness, but higher levels of neurotic symptoms (asthenia, vegetative disorders, neurotic anxiety and depression) and maladaptive coping strategies (distancing, confrontation, escape-avoidance) compared to normative values and similar indicators in the comparison group. Adolescents with unfavourable childhood experience in anamnesis and having a high level of life meaningfulness have a higher degree of psychological adaptability and less pronounced indicators of maladaptation in comparison with adolescents with similar experience and a low level of life meaningfulness.

Keywords

motivation, achievement motivation, failure avoidance motivation, alcohol-dependent inmates, rehabilitation

For citation: Minyurova, S. A., Leonenko, N. O. (2025). Semantic self-regulation as a coping strategy for adolescents with adverse childhood experiences in their anamnesis. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 282–301. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-282-301.

Введение

Подростковый период является переходным и наиболее кризисным этапом развития личности, что связано с системными изменениями на телесном, психологическом и социальном уровнях. Изменение социальной ситуации развития ставит перед подростком задачу поиска новой взрослой идентичности и выбора личных стратегий саморегуляции, самореализации и совладания. Система ценностей и отношений, внешние ресурсы психологической поддержки, сложившиеся в детском опыте, теряют свою актуальность и адаптационный потенциал, что определяет высокий риск дезадаптации подростков. Этот риск возрастает в условиях современного мира, характеризующегося нарастающей сложностью и тотальной неопределенностью (А. Г. Асмолов), «глобальностью рисков» (Т. А. Нестик), «рутинизацией психической травмы» (М. М. Решетников), утратой привычных ориентиров и опыта совладания.

В подростковом возрасте способность справляться со стрессовыми факторами обретает особую значимость, что связано со сложностью кризиса, его системным характером (охватывает все уровни: физиологический, когнитивный, эмоциональный, духовный), задачами личностного и профессионального самоопределения. Неспособность справляться с социальными и психологическими вызовами в этот период определяет высокий риск дезадаптации подростков и отдаленные неблагоприятные последствия для жизненной перспективы самоопределения, психического и физического здоровья.

Психическая уязвимость и риск дезадаптации современных подростков подтверждаются данными Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), согласно которым каждый седьмой подросток в мире имеет психическое расстройство; ежедневно в мире фиксируется 4500 случаев смерти подростков и молодых людей¹. Среди ведущих причин смерти отмечаются травмы, осложнения, связанные с материнством, межличностное насилие, самоповреждения и иные формы отклоняющегося поведения. При этом, согласно статистике МВД России, почти 90 % несовершеннолетних правонарушителей – это дети и подростки из семей, где родители жестоко обращались с ними, употребляли алкоголь и наркотики, вели аморальный и антисоциальный образ жизни². Установлено, что неблагоприятный детский опыт оказывает устойчивое пролонгированное влияние на психическое здоровье и адаптивные возможности личности³. В рейтинге психотравмирующих событий плохое обращение в детстве занимает третье место (Тарабрина, 2009, с. 57). Метаанализ на основе 11 621 англоязычной публикации позволяет констатировать влияние неблагоприятного детского опыта на развитие депрессии во взрослом возрасте, суицидальных тенденций, психических расстройств, поведенческих проблем (Hughes et al., 2017).

¹ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). (2024, ноябрь 5). Жестокое обращение с детьми: информационный бюллетень. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment>

² Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

³ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). (2024, ноябрь 5). Жестокое обращение с детьми: информационный бюллетень. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment>

Весь спектр тяжелых и болезненных переживаний, пережитых ребенком до 18 лет, специалисты объединяют в понятие неблагоприятного детского опыта (НДО). Выделяют три основные группы такого опыта: злоупотребление (эмоциональное, физическое и сексуальное насилие), пренебрежение и внутрисемейную дисфункцию (Катан, 2019, с. 6). Только по официальным сведениям, распространенность тех или иных форм насилия составляет более 1 млрд детей в возрасте от 2 до 17 лет⁴. Этот факт указывает на высокую распространенность отдаленных негативных последствий детского опыта на психическое здоровье и психологическое благополучие личности.

Механизмы трансформации детского опыта в невротические нарушения описаны в теориях детского возраста через фиксацию на травматичных переживаниях (З. Фрейд, Дж. Боулби, А. Маслоу, Б. Зейгарник и др.), интериоризацию негативного отношения в представлениях о себе (К. Хорни, Х. Кохут, К. Роджерс, Л. С. Выготский), научение неадаптивным формам мышления и поведения через подкрепление (А. Бандура, Б. Скиннер, Дж. Миллер, Н. Доллард и др.). События детства фиксируются в автобиографической памяти и становятся «мнемическим субстратом автобиографического самосознания» – в дальнейшем человек мыслит себя таким, каким помнит, через эти воспоминания преломляется восприятие мира и своих возможностей взаимодействия с ним (Нуркова, 2018). Непереработанные переживания психического стресса трансформируются в соматические и вегетативные симптомы (З. Фрейд, Ф. Александер, А. Митчерлих, М. Шур, Г. Селье и др.), отсутствие любви и надежной привязанности в детстве проявляются в дезадаптивных формах поведения в подростковом возрасте (А. Фрейд, Дж. Боулби и др.). Современные исследования и данные систематических обзоров подтверждают, что неблагоприятный детский опыт преломляет восприятие последующих жизненных событий и собственных возможностей совладания с ними⁵.

Принимая во внимание распространенность неблагоприятного детского опыта, его негативные отдаленные последствия для личности и особенную критичность для детей с таким опытом в подростковом возрасте, становится важным исследование адаптационных возможностей подростков с учетом их детского опыта и возрастных новообразований. Специфика подросткового возраста, с одной стороны, заключается в психической уязвимости и высоком риске дезадаптации; с другой стороны, этот период характеризуется развитием мотивационной, когнитивной, ценностно-смысловой сфер личности. Возрастные новообразования создают благоприятные условия для осознанного выбора и освоения подростками адаптивных стратегий поведения, мышления, совладания.

Обзор исследований в области подростковой психологической проблематики показал высокую степень исследованности возрастной специфики совладания (К. Ю. Ануфриюк, Е. Н. Львова и др.), роли детского опыта в развитии личности (D. N. Klein, B. A. Arnou, R. C. Kessler, K. A. McLaughlin, V. Nanni, R. Uher, A. Danese, M. Li, C. D'Arcy, X. Meng, A. B. Miller, J. L. Jenness, K. Hughes, M. A. Bellis, K.A. Hardcastle и др.), развития смысловой сферы и саморегуляции подростков (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, В. А. Петровский, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, В. В. Столин, Д. И. Фельдштейн и др.). В значительно меньшей степени внимание исследователей было направлено на изучение ресурсной роли возрастных новообразований в совладании подростков в контексте адаптивности и с учетом их детского опыта.

Под психологической адаптивностью мы понимаем состояние, при котором личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую

⁴ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). (2024, ноябрь 5). Жестокое обращение с детьми: информационный бюллетень. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment>

⁵ Там же.

деятельность, удовлетворяет свои основные социогенные потребности и переживает состояние самоутверждения⁶.

Результаты исследований показывают, что активные, ориентированные на решение стратегии совладания ассоциированы с высокой осмысленностью жизни, и, напротив, пассивные, избегающие и эмоционально-ориентированные стратегии соотносятся с дефицитом смысловой саморегуляции (Габдулина, Кузьмищенко, 2008; Синельникова, Удовиченко, 2023). Показано, что степень сформированности смысловой сферы определяет возможность освоения осознанных функциональных стратегий совладания со стрессом (Львова, 2017).

Под совладанием, или копингом (*cope* – от англ. «справляться», «бороться», «совладать»), понимается сознательное поведение, направленное на преодоление стрессовой ситуации через ее активное изменение (поддающейся контролю) или приспособление к ней (если ситуация контролю не поддается) (Крюкова, 2004). Стратегии совладания формируются в онтогенезе, зависят от индивидуальных особенностей и опыта субъекта. Функциональные копинг-стратегии являются стабилизирующим фактором, позволяющим личности поддерживать психосоциальную адаптацию в периоды стресса и кризиса. Дисфункциональные (малоадаптивные) стратегии могут временно смягчить состояние в момент стресса, но не решают основной проблемы и могут привести к долгосрочным негативным последствиям.

В подростковом возрасте возможность освоения функциональных стратегий появляется благодаря развитию смысловой сферы. Осмысленность жизни как новообразование старшего подросткового возраста одновременно выступает и системообразующей конструкцией для осознанного освоения копинг-стратегий на других уровнях (эмоциональном, когнитивном, поведенческом), и самостоятельным копингом на уровне смысловой саморегуляции, основными параметрами которой являются степень ориентации на целесмысловые регуляторы в противовес причинным, общий уровень осмысленности жизни, степень осознанности смысловых ориентиров и их временная локализация (Леонтьев, 2007). В этот период в условиях активного взаимодействия с родителями и сверстниками происходит активное развитие стиля совпадающего поведения (Хазова, 2002).

Актуализация смысловой саморегуляции становится основой для развития и выбора проактивных стратегий совладания, составляющих жизнестойкость подростков. Жизнестойкость понимается как интегративная способность личности к зрелым и сложным формам совладания, в основе которой находятся экзистенциальные установки (контроль, принятие риска, вовлеченность), определяющие восприятие стрессогенных событий как менее значимых (Мадди, 2002; Леонтьев, 2016). Согласно типологии личностных ресурсов Д. А. Леонтьева, жизнестойкость относится к ресурсам и устойчивости (снижает «общую меру уязвимости субъекта для стрессовых ситуаций»), а также к саморегуляции (через осознанный выбор «конкретных решений, принимаемых субъектом в процессе взаимодействия с обстоятельствами его жизни») (Леонтьев, 2016, стр. 23).

В общем смысле жизнестойкость представляет собой практическую реализацию способности личности опираться на собственные ресурсы, совладать со стрессогенными влияниями стойко, проактивно, творчески преобразовывать в процессе преодоления себя и внешние обстоятельства (Леоненко, Лобанова, 2021). Смысловая природа выводит жизнестойкость с реактивного уровня на проактивный, управляемый не прошлым опытом и обстоятельствами, а смыслами, ценностями и целями личности. На соматическом уровне жизнестойкость проявляется в минимизации разрушительного влияния стрессоров на организм человека за счет сохранения привычного для него уровня активации,

⁶ Толстых, Н. Н., Прихожан, А. М. (2018). *Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов*. Издательство «ЮРАЙТ».

обеспечивающего оптимальный уровень течения нейропсихологических и неврологических процессов (Мадди, 2002).

И осмысленность, и жизнестойкость представляют не ситуативные навыки стресс-менеджмента, а глубинные навыки самонастройки и саморегуляции, развития любых других навыков, что в парадигме компетентностного подхода соотносится с *meta skills*.

Если структурировать адаптивность иерархически в русле биопсихосоционоэтического подхода, то можно отметить, как способность к смысловой саморегуляции и жизнестойкость соотносятся с высшим, ноэтическим уровнем (В. Франкл, А. Маслоу, А. Адлер, Б. Д. Карварсарский, Г. В. Залевский, А. Б. Орлов, В. Б. Шумский и др.). Ноэтический уровень выделен Виктором Франклом в противоположность психическому, детерминированному динамикой между биологическим (принцип удовольствия), социальным (принцип долженствования) и психологическим (принцип реальности). Результатом смысловой саморегуляции является внутреннее порождение смысла и его осуществление, несмотря на напряжение потребностей и ограничения, детерминированные нижележащими уровнями. В концепции Виктора Франкла возможность субъекта преодолевать самого себя благодаря смыслу является ключевой и зафиксирована в понятии ноодинамики (Франкл, 1990).

Теоретически роль смысловой саморегуляции в адаптивном совладании согласуется с концепцией посттравматического роста, понимаемого как процесс и результат позитивных психологических изменений в мышлении и отношениях с миром и самим собой, происходящих в результате борьбы со сложными, стрессовыми жизненными обстоятельствами, требующими предельного напряжения адаптивных ресурсов личности и создающими значительные проблемы для понимания человеком мира и своего места в нем (Леонтьев, 2014). Утверждается, что нахождение смысла в происшедшем является предиктором посттравматического роста, тогда как неспособность осмыслить ведет к посттравматическому стрессовому расстройству (К. Ясперс, В. Франкл, Д. А. Леонтьев, Н. В. Гришина и др.). Таким образом, ноодинамика в подростковом возрасте становится условием не только снижения риска посттравматического стрессового расстройства с последующей дезадаптацией, но и возникновения таких личностных новообразований, которых не было и не могло быть без переживания неблагоприятного детского опыта. Д. Леонтьев, анализируя развитие личности в затрудненных условиях, рассматривает повышенные требования к ресурсам как возможный механизм. То, что в нормальных условиях дается человеку легко, в неоптимальных условиях требует большей рефлексии, мотивации, осмысленного приложения интенсивных усилий для ответа на вызовы социальной и индивидуальной ситуации развития (Леонтьев, 2014, с. 99). Соответственно, если эти повышенные требования принимаются как вызов, то неблагоприятный опыт становится не ограничением возможностей развития, а основой его трансформации в личное преимущество (Леонтьев, 2014).

Содержание адаптации в рамках биопсихосоционоэтического подхода может быть операционализировано через эмпирические характеристики невротической и вегетативной симптоматики (биологический и психологический уровень), копинг-стратегии (социально-психологический уровень), смысложизненные ориентации и жизнестойкие установки (ноэтический уровень).

Целью настоящего исследования является изучение смысловой саморегуляции как ресурса психологической адаптивности подростков с учетом их детского опыта. Исследование соотношения детского опыта, стратегий совладания с ним и психологической адаптивности подростков позволит прогнозировать и предупреждать проявления дезадаптации в группе риска (при наличии неблагоприятного детского опыта) с опорой на возрастные новообразования за счет развития осмысленности, обучения психологически зрелым адаптивным стратегиям совладания в условиях влияния стресса в период взросления.

На основе выводов теоретического анализа нами сформулированы две гипотезы:

1. Подростки с неблагоприятным детским опытом в анамнезе характеризуются меньшей степенью психологической адаптивности и более высоким уровнем дезадаптации по сравнению с подростками, имеющими нормальный опыт.

2. У подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе, имеющих высокий уровень осмысленности жизни, выше степень психологической адаптивности и менее выражены показатели дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими аналогичный опыт и низкий уровень осмысленности жизни.

В целях проверки сформулированных гипотез было организовано эмпирическое исследование. Критерии включения в исследование: возраст 17–19 лет; добровольное согласие на участие в исследовании. Выборку составили подростки (mean age = 17.5). Общая численность выборки – 88 человек (m = 61, f = 27). Все подростки – обучающиеся старших классов и колледжей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Челябинска и Челябинской области. Эмпирическое исследование включало проведение опросов, в процессе которых участники индивидуально отвечали на вопросы интервью и специально подобранных методик с использованием платформы Yandex forms.

Методы и методики исследования

Структурированное интервью (социально-демографические сведения, ретроспективная самооценка детского опыта, пережитого респондентом до 18 лет). Вопросы интервью на оценку детского опыта сформулированы на основе опросника неблагоприятных событий детства (Adversive Childhood Exposure, ACE), объединившего три группы факторов: 1) насилие (физическое, психологическое и сексуальное); 2) пренебрежение (психологическое и физическое); 3) серьезные нарушения внутрисемейных отношений (партнерское насилие над матерью или сиблингами, психические расстройства членов семьи, употребление ими психоактивных веществ, развод или разлука с родителями, тюремное заключение родителей) (Катан, 2019). По аналогии с опросником обработка данных проводилась с помощью подсчета баллов. Если у испытуемого был набран один балл и больше, это указывает на наличие неблагоприятных переживаний детства.

Методики исследования содержания адаптации в соответствии с биопсихосоционезической моделью:

– индикатор адаптивности подростков: тест социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонда (модификация А. Прихожан); использовался интегральный показатель адаптированности (Осницкий, 2014);

– биопсихический уровень: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич). Опросник применялся для скрининговой оценки наличия / отсутствия основных синдромов невротических состояний. Шкалы опросника: тревожность, невротическая депрессия, астения, истерический тип реагирования, обсессивно-фобические нарушения, вегетативные нарушения (Менделевич, 2005);

– психосоциальный уровень: методика «Способы совладающего поведения (WCQ)» (Р. Лазарус, С. Фолкман, адаптация и стандартизация НИПНИ им. Бехтерева); опросник использовался для оценки используемых респондентами копинг-стратегий в ситуациях стресса⁷;

– ноэтический (смысловой) уровень:

1. Тест смысложизненных ориентаций (Дж. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д. А. Леонтьева), направленный на исследование общей осмысленности жизни, локуса контроля и временной перспективы подростков (Леонтьев, 1992).

⁷ Вассерман, Л. И., Иовлев, Б. В., Исаева, Е. Р., Трифонова, Е.А. и др. (2009). *Методика для психологической диагностики способов совладания: учебное пособие для врачей и медицинских психологов*. НИПНИ им. Бехтерева.

2. Тест жизнестойкости (С. Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой), направленный на измерение общего показателя жизнестойкости личности и входящих в ее состав экзистенциальных установок: вовлеченность, принятие риска и контроль (Леонтьев, Рассказова, 2006).

После первичной обработки полученных данных использовались методы математической статистики:

– критерий Колмогорова–Смирнова для проверки эмпирических данных на соответствие закону нормального распределения. Проверка показала ненормальное распределение по большинству исследуемых характеристик, в связи с чем был выбран непараметрический метод математико-статистического анализа;

– U-критерий Манна-Уитни для сравнения уровня выраженности медианных значений в двух независимых выборках.

Анализ результатов осуществлялся в двух направлениях:

1) сравнение характеристик адаптивности у подростков в зависимости от наличия / отсутствия неблагоприятного детского опыта;

2) сравнение характеристик адаптивности у подростков в зависимости от уровня осмысленности жизни.

Расчет осуществлялся в статистических программах Jamovi, Wessa.

Описание результатов

На первом этапе выборка по результатам интервью была разделена на две подвыборки: 1) подростки, имеющие неблагоприятный детский опыт в анамнезе (61 человек); 2) подростки с нормальным опытом детства (27 человек). Распределение участников исследования по критерию наличия / отсутствия неблагоприятного опыта детства неравномерно, результаты представлены на рисунке 1.

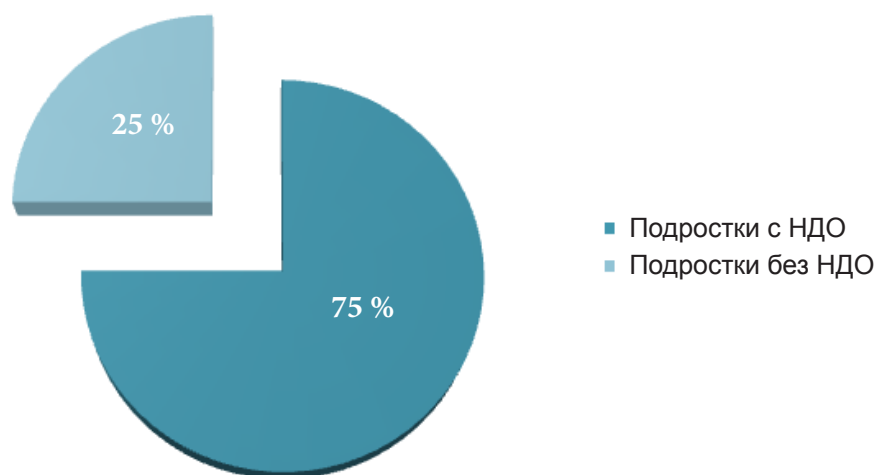

Рис. 1. Процентное распределение респондентов по наличию / отсутствию неблагоприятного детского опыта (НДО)

Fig. 1. Percentage distribution of respondents by presence/absence of adverse childhood experiences (ACEs)

Как видно из распределения ответов, большинство участников исследования имеет тот или иной неблагоприятный опыт детства (61 человек из 88, что составляет 75 %). Только 25 % респондентов не отметили ни одного вида неблагоприятного детского опыта (27 человека).

Анализ качественного содержания неблагоприятного детского опыта показал, что наиболее распространенными в отношении к детям являются эмоциональное (52 человека) и физическое (41 человек) насилие (рис. 2). Из дисфункциональных семейных факторов чаще отмечаются развод родителей и зависимости кого-либо из членов семьи.

Профили медианных значений характеристик адаптивности у подростков с наличием и отсутствием неблагоприятного детского опыта представлены на рисунке 3.

Количественный анализ медианных значений участников сравниваемых групп позволяет в качестве тенденций выделить более высокий уровень адаптивности подростков с нормальным опытом в сравнении со сверстниками, имеющими неблагоприятный детский опыт. При этом в группе наиболее адаптированных респондентов фиксируется более высокий уровень вовлеченности в процесс жизни в настоящем, их удовлетворенность прошлым опытом и локуса контроля. Показатели невротических симптомов находятся в пределах нормы. Из копинг-стратегий более выраженными являются показатели по шкалам «планирование», «поиск социальной поддержки» и «положительная переоценка».

У подростков, имеющих неблагоприятный опыт, помимо противоположных описанным тенденций, визуально отмечаются более высокие значения по шкалам «конфронтация», «дистанцирование», «бегство-избегание».

Рис. 2. Частота выборов респондентами видов неблагоприятного детского опыта (интервью)

Fig. 2. Frequency of respondents' choices of types of unfavourable childhood experiences (interviews)

Таким образом, количественные тенденции указывают на разное содержание адаптации подростков в зависимости от детского опыта. Нормотипичные подростки отличаются более высокими показателями по шкалам функциональных копинг-стратегий и осмысленности жизни в ее временной перспективе.

В целях выявления статистически-значимых различий в уровне выраженности количественных тенденций адаптации, медианные значения были проанализированы с использованием U-критерия Манна–Уитни. Результаты сравнения представлены в таблице 1.

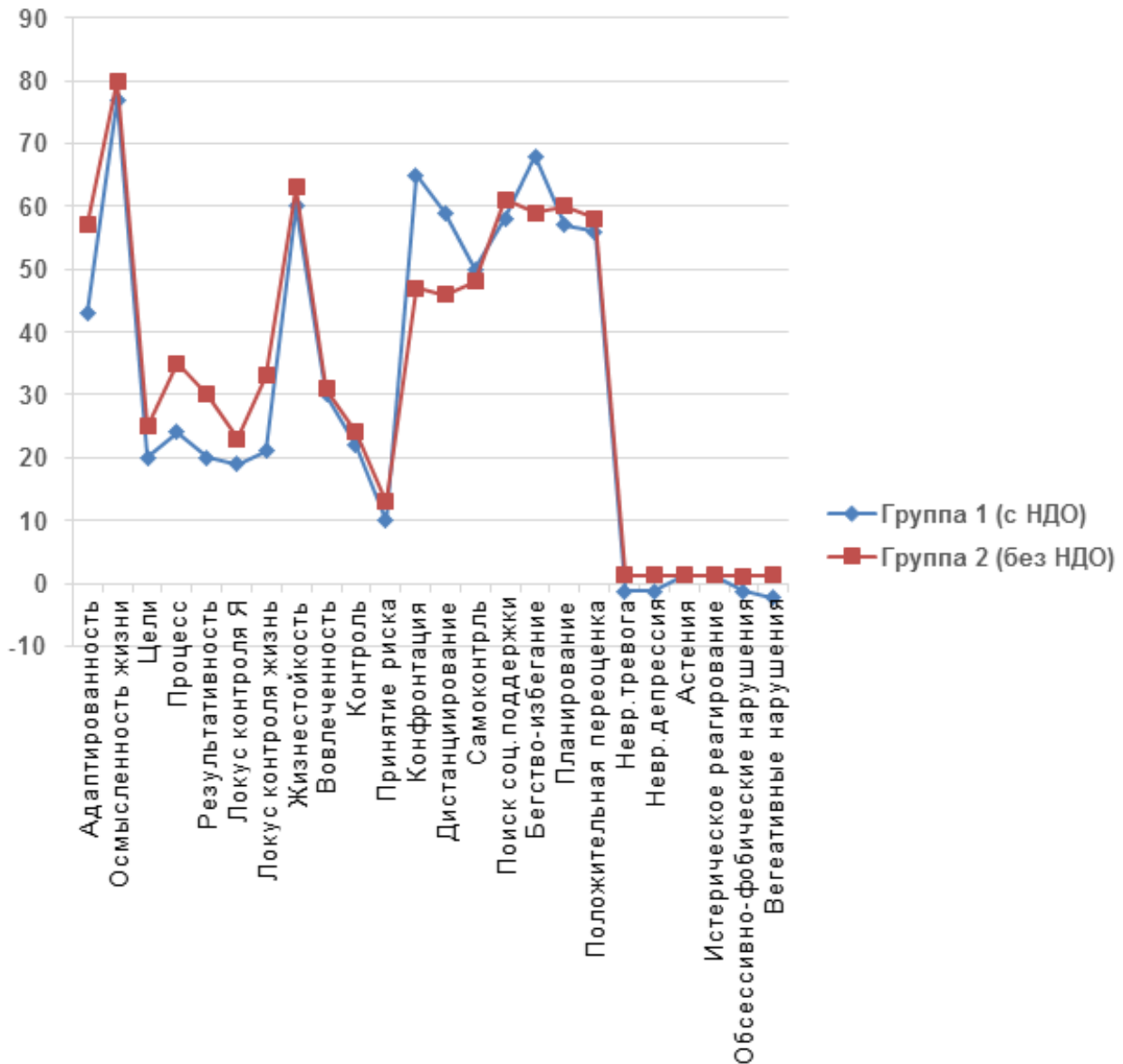

Рис. 3. Медианные значения характеристик адаптивности у подростков, имеющих (группа 1) и не имеющих (группа 2) неблагоприятный детский опыт

Fig. 3. Median values of adaptability characteristics in adolescents with (group 1) and without (group 2) unfavourable childhood experiences

Таблица 1. Статистически значимые различия в уровне выраженности исследуемых характеристик у подростков с неблагоприятным детским опытом (группа 1) и подростков с нормальным опытом детства (группа 2) (U-критерий Манна–Уитни)

Table 1. Statistically significant differences in the level of expression of the studied characteristics in adolescents with unfavourable childhood experiences (group 1) and adolescents with normal childhood experiences (group 2) (Mann-Whitney U-criterion)

Показатель	Группа 1 (с НДО) N = 61	Группа 2 (без НДО) N = 27	Нормативные значения	p-value (p < 0,05)
Интегральный показатель адаптированности	43 [38; 48]	57 [52; 62]	40 – 60 [19]	0,01
Локус контроля жизнь	21 [17; 25]	33 [29; 37]	24 – 36 [22]	0,04
Цели в жизни	20 [16; 22]	25 [21; 28]	27 – 39 [22]	0,01
Процесс жизни	35 [30; 42]	24 [19; 28]	27 – 35 [22]	0,00
Результативность	30 [28; 36]	20 [15; 22]	21 – 30 [22]	0,02
Копинг «Дистанцирование»	59 [57; 61]	46 [43; 49]	40 – 60 [21]	0,00
Копинг «Конфронтация»	64 [59; 66]	51 [50; 52]	40 – 60 [21]	0,01
Копинг «Бегство-избегание»	68 [71; 65]	59 [55; 66]	40 – 60 [21]	0,00
Астения	- 1, 51 [- 2,2; - 0,8]	3,17 [1,03; 5,31]	1,29 – 10 [20]	0,03
Неврогическая тревога	- 1,33 [- 2,1; 0,26]	1,3 [0,8; 1,6]	1,29 – 10 [20]	0,02
Неврогическая депрессия	- 1, 21 [- 1,6; - 0,2]	1,3 [1,0; 1,7]	1,29 – 10 [20]	0,00
Вегетативные нарушения	- 2, 34 [- 1,2; - 4,5]	1,28 [1,03; 1,53]	1,29 – 10 [20]	0,01

Примечание: в таблице средние значения представлены в виде медианных значений [нижний квартиль; верхний квартиль]. Нормативные значения указаны в соответствии с источниками [указаны в квадратных скобках].

Как видно из результатов сравнения, интегративный показатель адаптивности подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе значимо ниже в сравнении с нормативными значениями и аналогичным показателем у сверстников без такого опыта.

Деадаптивные проявления у подростков с неблагоприятным детским опытом зафиксированы в более высоких показателях неврогических симптомов на биопсихическом уровне (астения, вегетативные нарушения, неврогические тревога и депрессия). На смысловом уровне деадаптивности соответствуют значимо более низкие показатели по шкале «процесс» (как осмысленность настоящего), «результативность» (как осмысленность прошлого опыта), «цели» (как осмысленность целей на будущее) и локуса контроля, низкий показатель

которого свидетельствует о неверии в возможность свободного выбора и сознательного контроля жизни. На поведенческом уровне фаталистическое отношение к жизни проявляется в выборе копинг-стратегий «дистанцирование», «конфронтация», «бегство-избегание», относящихся к ведущим паттернам дезадаптивного поведения⁸.

Таким образом, наша первая гипотеза о том, что подростки с неблагоприятным детским опытом в анамнезе характеризуются меньшей степенью адаптивности и большей степенью дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими нормальный опыт, получила эмпирическую поддержку.

В целях проверки второй гипотезы мы разделили группу подростков с неблагоприятным детским опытом по критерию осмысленности жизни на две группы: 1) с высоким уровнем и 2) с низким уровнем. На рисунке 4 представлено процентное соотношение респондентов по уровню осмысленности жизни.

Как видно из диаграммы, высоким уровнем осмысленности жизни обладают только 6 % подростков с неблагоприятным детским опытом (9 человек), 51 % – в пределах среднего уровня (31 человек), а 40 % имеют низкий уровень осмысленности жизни (21 человек).

В целях увеличения определенности значений при сравнении исследуемых показателей с разным уровнем осмысленности жизни, из выборки были исключены участники, имеющие средний уровень осмысленности жизни.

Результаты сравнения медианных значений характеристик адаптации представлены на рисунке 5. Визуальная оценка профилей значений в группах нормотипичных подростков и их сверстников с неблагоприятным детским опытом позволяет выявить некоторые количественные

Рис. 4. Процентное распределение респондентов с неблагоприятным детским опытом в анамнезе по уровню осмысленности жизни

Fig. 4. Percentage distribution of respondents with adverse childhood experiences in the anamnesis by the level of meaningfulness of life

⁸ Поникарова, В. Н. (ред.) (2023). *Педагогика копинг-поведения. Элективный курс: учебное пособие*. ЗАО «Университетская книга».

тенденции. Так, даже при наличии неблагоприятного анамнеза у респондентов с высокой осмысленностью жизни интегральный показатель адаптированности значительно превышает аналогичный показатель в группе респондентов с тем же неблагоприятным анамнезом, но с низким уровнем осмысленности жизни. Содержательно адаптивность подростков с высоким уровнем осмысленности жизни соотносится с более выраженными показателями смысловых ориентаций (осмысленность настоящего, прошлого, локуса контроля), жизнестойкости (вовлеченность, контроль) и копинг-стратегией «положительная переоценка». При этом выраженность невротической симптоматики находится в диапазоне нормы.

Адаптивность подростков с неблагоприятным опытом при низкой осмысленности жизни приближена к нижним границам нормального диапазона (т. е. можно говорить не о дезадаптации, а о ее риске), характеризуется низкой осмысленностью прошлого и вовлеченностью в настоящее, неадаптивными копинг-стратегиями «конфронтация» и «бегство-избегание», симптомами невротической тревоги и вегетативных нарушений.

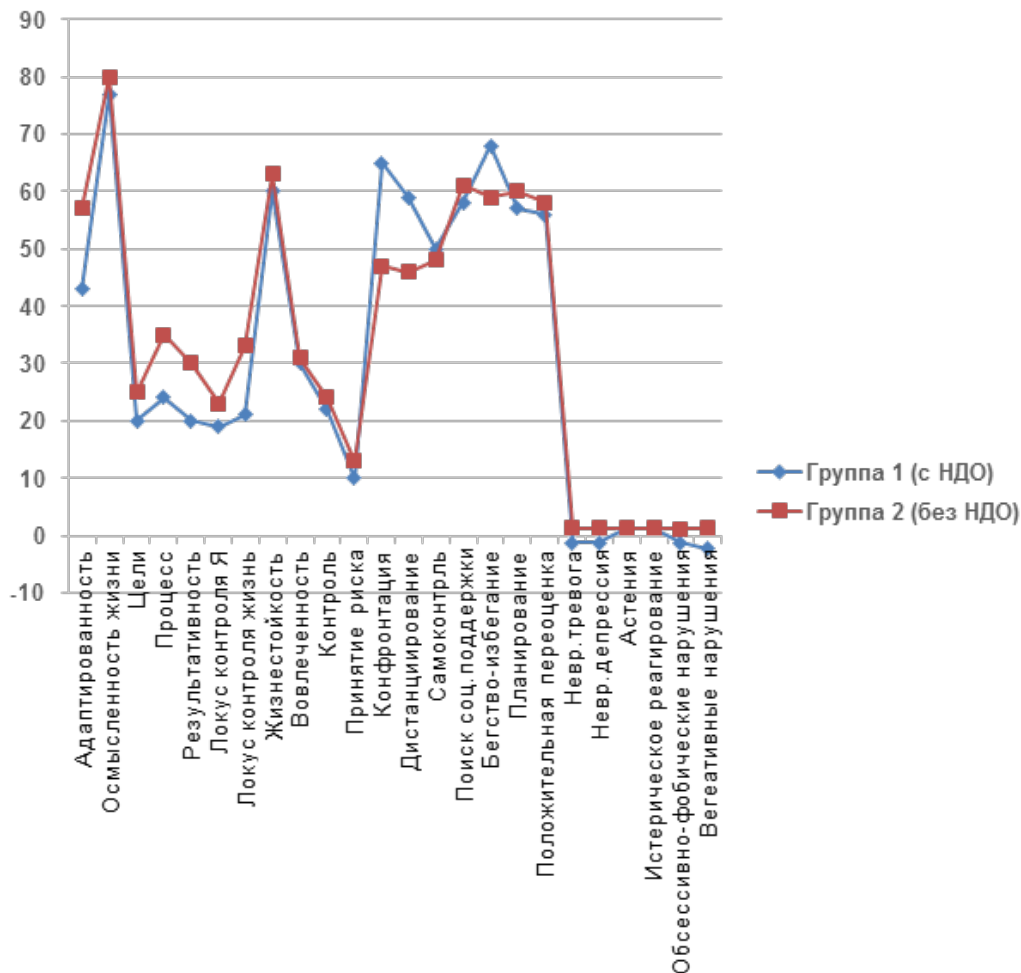

Рис. 5. Медианные значения характеристик адаптации у подростков, имеющих неблагоприятный детский опыт при высокой и низкой осмысленности жизни

Figure. 5. Median values of adaptation characteristics in adolescents with unfavourable childhood experience at high and low meaningfulness of life

Таблица 2. Статистически значимые различия в уровне выраженности исследуемых характеристик у подростков с неблагоприятным детским опытом с высокой (группа 1) и низкой (группа 2) осмысленностью жизни (U-критерий Манна–Уитни)

Table 2. Statistically significant differences in the level of expression of the studied characteristics among adolescents with unfavourable childhood experiences with high (group 1) and low (group 2) meaningfulness of life (Mann-Whitney U-criterion)

Показатель	Группа (↑ОЖ) N = 23	Группа (↓ОЖ) N = 38	Нормативные значения	p-value (p < 0,05)
Интегральный показатель адаптированности	74 [68; 81]	45 [42; 48]	40 – 60 [19]	0,05
Локус контроля жизнь	29 [21; 34]	20 [15; 28]	24 – 36 [22]	0,04
Локус контроля Я	22 [18; 26]	16 [13; 19]	17 – 25 [22]	0,05
Цели	33 [30; 39]	41 [35; 43]	27 – 39 [22]	0,00
Процесс жизни	35 [30; 42]	24 [19; 28]	27 – 35 [22]	0,00
Результативность	30 [28; 36]	20 [15; 22]	21 – 30 [22]	0,02
Жизнестойкость	91 [88; 84]	72 [68; 76]	62 – 99 [23]	0,01
Копинг «Бегство–избегание»	41 [44; 35]	65 [60; 67]	40 – 60 [21]	0,00
Положительная переоценка	61 [57; 65]	42 [38; 48]	40 – 60 [21]	0,01
Невротическая тревога	1,3 [0,1; 2,6]	- 1,4 [- 4,6; 0,6]	1,29 – 10 [20]	0,03
Вегетативные нарушения	1,7 [1,3; 5,8]	- 2,4 [- 6,8; 0,18]	1,29 – 10 [20]	0,00

Примечание: в таблице средние значения представлены в виде медианных значений [нижний квартиль; верхний квартиль]. Нормативные значения указаны в соответствии с источниками [указаны в квадратных скобках].

Результаты оценки статистической значимости количественных тенденций с использованием U-критерия Манна–Уитни представлены в таблице 2.

Математико-статистический анализ подтвердил на значимом уровне более высокую адаптивность подростков с неблагоприятным детским опытом при высокой осмысленности жизни.

Подростки с низким уровнем осмысленности жизни отличаются от подростков группы с низким уровнем показателей осмысленности прошлого опыта, настоящего и локуса контроля. При этом показатель «цели в жизни», напротив, имеет более высокий уровень по сравнению с уровнем подростков, имеющих высокий уровень осмысленности жизни. Это можно было бы интерпретировать как ресурс совладания, если бы направленность на цель была поддержана высоким уровнем включенности в процесс настоящего («процесс») и осмысления пройденного этапа жизни («результативность»), что могло трансформировать неблагоприятный опыт детства в полезный ресурс, сделать трудный опыт личным преимуществом в настоящем. Поскольку такой поддержки нет, можно предположить декларативный характер целей, их нереалистичность, что также является фактором риска дезадаптации.

Риск дезадаптации подтверждается более выраженными показателями невротической тревоги и вегетативных нарушений у подростков с низким уровнем осмысленности

жизни. Согласно теории физиологического стресса Г. Селье, тревога является первым звеном в запуске стрессовой реакции, в основе которой – активация симпатической нервной системы, мобилизующей организм и психику на борьбу с угрозой. Невротическое проявление тревоги и нарушение вегетативной нервной деятельности характеризуют развитие дистресса как результата стрессовой реакции. Продолжительный дистресс логически завершается нарушением адаптации на психическом, соматическом и поведенческом уровнях (Г. Селье, Р. Лазарус и др.).

Как видно из представленных в таблице 2 данных, у подростков группы с низкой осмысленностью жизни выше показатель копинг-стратегии бегства–избегания, тогда как в группе с высокой осмысленностью жизни выше показатель положительной переоценки. В исследованиях было эмпирически установлено, что стратегии бегства–избегания соотносятся с негативным оцениванием ситуации, положительная переоценка – с конструктивным совладанием в трудной жизненной ситуации (Крылова, 2019). Наряду с положительной переоценкой у подростков с высоким уровнем осмысленности жизни выявлен более высокий уровень жизнестойкости.

Таким образом, вторая гипотеза о том, что у подростков с неблагоприятным детским опытом в анамнезе и имеющих высокий уровень осмысленности жизни выше степень адаптивности и менее выражены проявления дезадаптации в сравнении с подростками, имеющими аналогичный опыт и низкий уровень осмысленности жизни, также получила эмпирическое подтверждение. Выявленные различия условно отражают континуум адаптивности, между крайними полюсами которого – разная степень осмысленности жизни в ее временной перспективе и локус контроля.

Обсуждение результатов

Важным выводом по результатам проведенного исследования является эмпирически подтвержденный факт отсутствия непосредственного соотношения неблагоприятного детского опыта в анамнезе с дезадаптивностью. Это означает, что сам по себе неблагоприятный детский опыт не является предиктором риска социально-психологической дезадаптации, его роль опосредована способностью подростка к осмыслению своего локуса контроля и временной перспективы (прошлого опыта, настоящего и целей на будущее).

Наш вывод согласуется с теоретическими положениями индивидуальной психологии А. Адлера, снявшего неизбежную причинность настоящего в прошлом и заложившего основу для развития концепций о роли самого человека, его активности и ответственности в выборе возможных вариантов жизни. Основная идея этих концепций в разных терминах обобщает роль работы личности над собой, осознанное приложение ею усилий по выходу из зоны комфорта в зону ближайшего развития (Л. С. Выготский), достижения психологической зрелости за счет выбора смыслообразующих мотивов в их борьбе с побудительными (А. Н. Леонтьев), полноценного функционирования за счет осознания и гармонизации субъективного опыта (К. Роджерс) и достижения непротиворечивой идентичности (Э. Эриксон), самоактуализации против инертного удовлетворения дефицитарных потребностей (А. Маслоу), свободы от влияний поля, т. е. непосредственных обстоятельств, в пользу целей на будущее (К. Левин), свободы от ограничений наследственных факторов и внешних обстоятельств за счет смысловой регуляции (В. Франкл), достижения оптимальной мотивации за счет намеренной постановки перед собой задач на грани сложности (М. Чинкентмихайи, Д. А. Леонтьев) (Леоненко, Лобанова, 2021; Леоненко, Лобанова, 2022).

Эмпирически подтвержденная роль осмысленности жизни в адаптивности подростков с неблагоприятным опытом согласуется с результатами исследования И. А. Горьковой,

А. В. Микляевой, проведенного в выборке подростков с ограниченными возможностями здоровья (Горьковая, Микляева, 2018). Для нас ключевым моментом в соотнесении результатов представляет сам факт затрудненных условий развития в сравниваемых выборках. Было установлено, что по сравнению с условно здоровыми подростками их сверстники, имеющие ограничения по здоровью, предпочитают копинг-стратегии, направленные на осмысление ситуации, стратегиям, ориентированным на активное преодоление трудностей. В качестве универсального предиктора жизнестойкости подростков авторы предлагают рассматривать «отказ от оценки трудностей как непреодолимых обстоятельств» (Горьковая, Микляева, 2018, с. 92).

Похожие выводы были получены в ряде феноменологических исследований. Так, израильскими учеными в исследовании посттравматического роста среди высокофункциональных взрослых, подвергшихся жестокому обращению в детстве, было зафиксировано пять областей посттравматического роста, в числе которых поиск смысла в жестоком обращении и оценка жизни (Kaye-Tzadok & Icekson, 2022). Более того, было показано, что поиск смысла влечет за собой три новые подтемы: 1) быть выжившим и образцом для подражания; 2) давать другим то, что было нужно, но никогда не получено; 3) делать мир лучше (Le-Deist & Winterton, 2005).

Н. Başkale и P. Solmaz в феноменологическом исследовании травматичного опыта подростков продемонстрировали, что способность подростков к рефлексии своей прошлой жизни и к пересмотру своих взглядов является фактором адаптации к новой жизни. И, наоборот, в отсутствие таких условий и возможностей нарастала симптоматика посттравматического стрессового расстройства (Kaye-Tzadok & Icekson, 2022).

Систематический обзор исследований по проблеме посттравматических стрессовых расстройств и предикторов их преодоления, проведенный С. Ferris и К. O'Brien, также показал, что рефлексия, стратегии позитивной переоценки и групповая терапия доказательно способствуют посттравматическому росту (Başkale & Solmaz, 2024).

В исследовании соотношения между детской травмой, принятием, позитивной переоценкой и посттравматическим ростом (ПТР) среди студентов колледжа (численность выборки 1028) было установлено, что между травматичным опытом и посттравматическим ростом положительная переоценка играет посредническую роль. Более быстрые результаты психотерапии обусловлены активной и целенаправленной помощью в изменении индивидуального познания, обучением позитивным когнитивным стратегиям регуляции эмоций (Ferris & O'Brien, 2022).

Поскольку ценностно-смысловая сфера является новообразованием старшего подросткового возраста, ее развитие определяет потенциал преодоления личностью заданных обстоятельств (опыта, который нельзя изменить или отменить). Согласно идее посттравматического роста, осмысление травматического опыта как ценного и усиливающего не только позволяет сохранить психическое здоровье и прежние функциональные возможности, но и обрести новые ресурсы и возможности за счет успешного совладания и осмысления угрожающей ситуации как ценного и усиливающего опыта (Львова, 2017).

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что у подростков с неблагоприятным детским опытом достоверно ниже степень общей адаптированности и более выражены показатели дезадаптации (невротические и вегетативные симптомы) по сравнению со сверстниками, имеющими нормальный опыт детства. Также выявлено, что подростки с неблагоприятным детским опытом отличаются от группы сравнения предпочтением неадаптивных копинг-стратегий (конфронтация, избегание). При этом осмысленность жизни в целом и ее временной перспективы в группе с неблагоприятным опытом значимо ниже. Учитывая, что как минимум один вид неблагоприятного детского опыта имеют две трети участников исследования, зафиксированные особенности адаптации требуют мер

целенаправленной психологической поддержки и обоснованных средств психологической помощи подросткам с таким опытом.

Опираясь на данные сравнительного анализа профиля адаптации подростков с неблагоприятным детским опытом в группах с разной осмысленностью жизни, можно констатировать, что высокий уровень осмысленности жизни, ее временной перспективы (прошлого опыта, настоящего и целей на будущее) и локуса контроля даже при наличии неблагоприятного детского опыта достоверно повышает степень общей адаптированности, снижает дезадаптивные проявления, повышает частоту использования адаптивного копинга.

Вывод по результатам исследования обосновывает возможность преодоления негативных последствий детского опыта и, следовательно, снижения риска дезадаптации подростков группы риска благодаря помощи им в актуализации рефлексии опыта, осмысления жизни, ее временной перспективы и личной ответственности.

Практическая ценность выводов обеспечена их использованием в индивидуальном консультировании и при разработке рекомендаций, а также в проектировании программ коррекции и тренингов, направленных на преодоление негативных последствий детского опыта у подростков и развитие совладания с опорой на ноогенные характеристики. В образовательном процессе программы и / или модули могут быть реализованы через включение в образовательные программы учебных дисциплин или в уже существующие дисциплины тематических блоков / модулей психообразования и самоактуализационных форм деятельности обучающихся, направленных на развитие ценностно-смысловой сферы, помощь в овладении стратегиями саморегуляции, жизнестойких установок и практических навыков их реализации.

Список литературы

- Габдулина, Л. И., Кузьмищенко, И. Н. (2008). Осмысленность жизни и стратегии совладающего поведения у мужчин и женщин среднего возраста. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 6 (1), 72–76.
- Горьковая, И. А., Микляева, А. В. (2018). Жизнестойкость и копинг-стратегии подростков с сенсорными и двигательными нарушениями. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, (187), 85–95.
- Катан, Е. А. (2019). Использование международного опросника неблагоприятного детского опыта для выявления психотравмирующих факторов в детском и подростковом возрасте. *Медицинская психология в России*, 11 (2 (55)), 8.
- Крылова, М. А. (2019). Отношение молодых людей к трудным жизненным ситуациям: ментальная репрезентация и совладающее поведение. В *Методология, теория, история психологии личности: сборник статей* (стр. 663-671). Москва: Институт психологии РАН.
- Крюкова, Т. Л. (2004). *Психология совладающего поведения: монография*. Кострома: Издательство «Авантитул».
- Леоненко, Н. О., Лобанова, Ю. А. (2021). Психологическое благополучие в юношеском возрасте у лиц с разным опытом переживаний. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, (4), 333–341. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-41>
- Леоненко, Н. О., Лобанова, Ю. А. (2022). Опыт неблагоприятных переживаний детства и психическое здоровье взрослого: отдаленные последствия и предикторы совладания. В *Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности: материалы VI Международной научной конференции* (стр. 338–342). Кострома: Костромской государственный университет.

- Леонтьев, Д. А. (1992). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. Москва: Издательство «Смысл».
- Леонтьев, Д. А. (2007). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. Москва: Издательство «Смысл».
- Леонтьев, Д. А. (2014). Развитие личности в норме и в затрудненных условиях. *Культурно-историческая психология*, 10 (3), 97–106.
- Леонтьев, Д. А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, (62), 18–37.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Москва: Издательство «Смысл».
- Львова, Е. Н. (2017). *Личностное опосредствование выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Мадди, С. (2002). *Теории личности: сравнительный анализ*. Санкт-Петербург: Издательство «Речь».
- Менделевич, Д. М. (2005). *Психология девиантного поведения*. Санкт-Петербург: Издательство «Речь».
- Нуркова, В. В. (2018). От хаоса повседневного опыта к истории жизни: социокультурное форматирование автобиографического самосознания. *Исследователь/Researcher*, 3–4 (23–24), 10–24.
- Осницкий, А. К. (2004). Определение характеристик социальной адаптации. *Психология и школа*, (1), 43–56.
- Синельникова, Е. С., Удовиченко, П. А. (2023). Смысложизненные ориентации и саморегуляция как психологические корреляты конструктивного совладания со стрессом в юношеском возрасте. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 16 (1), 79–89. <https://doi.org/10.11621/ТЕР-23-05>
- Тарабрина, Н. В. (2009). *Психология посттравматического стресса*: монография: Теория и практика. Москва: Институт психологии РАН.
- Франкл, В. Э. (1990). *Человек в поисках смысла*. Москва: Издательство «Прогресс».
- Хазова, С. А. (2002). *Совладающее поведение одаренных старшеклассников*: дис. ... канд. психол. наук. Кострома.
- Başkale, H., & Solmaz, P. (2024). Experiences of adolescents affected by earthquakes: A qualitative study. *Journal of Specialist Pediatric Nursing*, 29 (3), e12434. <https://doi.org/10.1111/jspn.12434>
- Ferris, C., & O'Brien, K. (2022). The ins and outs of posttraumatic growth in children and adolescents: A systematic review of factors that matter. *Journal of Traumatic Stress*, 35 (5), 1305–1317. <https://doi.org/10.1002/jts.22845>
- Hughes, K., Bellis, M. A., Hardcastle, K. A., et al. (2017). The effect of multiple adverse childhood experiences on health: A systematic review and meta-analysis. *Lancet Public Health*, 2 (8), 356–366.
- Kaye-Tzadok, A., & Icekson, T. (2022). A phenomenological exploration of work-related post-traumatic growth among high-functioning adults maltreated as children. *Frontiers in Psychology*, 13, 1048295. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1048295>
- Le-Deist, F. D., & Winterton, J. (2005). What is competence? *Human Resource Development International*, 8 (1), 27–46. <https://doi.org/10.1080/1367886042000338227>
- Quan, L., Lü, B., Sun, J., Zhao, X., & Sang, Q. (2022). The relationship between childhood trauma and post-traumatic growth among college students: The role of acceptance and positive reappraisal. *Frontiers in Psychology*, 13, 921362. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.921362>

References

- Gabdulina, L. I., Kuz'mishchenko, I. N. (2008). Osmyslennost' zhizni i strategii sovladayushchego povedeniya u muzhchin i zhenshchin srednego vozrasta. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik*, 6 (1), 72–76.
- Gor'kovaya, I. A., Miklyaeva, A. V. (2018). Zhiznestojkost' i koping-strategii podrostkov s sensornymi i dvigatel'nymi narusheniyami. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, (187), 85–95.
- Katan, E. A. (2019). Ispol'zovanie mezhdunarodnogo oprosnika neblagopriyatnogo detskogo opyta dlya vyyavleniya psihotravmiruyushchih faktorov v detskom i podrostkovom vozraste. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*, 11 (2 (55)), 8.
- Krylova, M. A. (2019). Otnoshenie molodyh lyudej k trudnym zhiznennym situaciyam: mental'naya reprezentaciya i sovladayushchee povedenie. V *Metodologiya, teoriya, istoriya psichologii lichnosti: sbornik statej* (str. 663-671). Moscow: Institut psichologii RAN.
- Kryukova, T. L. (2004). *Psihologiya sovladayushchego povedeniya: monografiya*. Kostroma: Izdatel'stvo «Avantitul».
- Leonenko, N. O., Lobanova, Yu. A. (2021). Psihologicheskoe blagopoluchie v yunosheskom vozraste ulic s raznym opytom perezhivaniy. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, (4), 333–341. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-41>
- Leonenko, N. O., Lobanova, Yu. A. (2022). Opyt neblagopriyatnyh perezhivaniy detstva i psicheskoe zdorov'e vzroslogo: otdalennye posledstviya i prediktory sovladaniya. V *Psihologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: ustojchivost' i izmenchivost' otnoshenij, lichnosti, gruppy v epohu neopredelennosti: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (str. 338–342). Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet.
- Leont'ev, D. A. (1992). *Test smyslozhiznennyh orientacij (SZHO)*. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl».
- Leont'ev, D. A. (2007). *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti*. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl».
- Leont'ev, D. A. (2014). Razvitie lichnosti v norme i v zatrudnennyh usloviyah. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, 10 (3), 97–106.
- Leont'ev, D. A. (2016). Samoregulyaciya, resursy i lichnostnyj potencial. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, (62), 18–37.
- Leont'ev, D. A., Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestojkosti*. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl».
- L'vova, E. N. (2017). *Lichnostnoe oposredstvovanie vybora strategij sovladaniya v situacii neopredelennosti: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk*. Moscow.
- Maddi, S. (2002). *Teorii lichnosti: sravnitel'nyj analiz*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Rech'».
- Mendelevich, D. M. (2005). *Psihologiya deviantnogo povedeniya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Rech'».
- Nurkova, V. V. (2018). Ot haosa povsednevnogo opyta k istorii zhizni: sociokul'turnoe formatirovanie avtobiograficheskogo samosoznaniya. *Issledovatel'/Researcher*, 3–4 (23–24), 10–24.
- Osnickij, A. K. (2004). Opredelenie harakteristik social'noj adaptacii. *Psihologiya i shkola*, (1), 43–56.
- Sinel'nikova, E. S., Udovichenko, P. A. (2023). Smyslozhiznennye orientacii i samoregulyaciya kak psihologicheskie korrelyaty konstruktivnogo sovladaniya so stressom v yunosheskom vozraste. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, 16 (1), 79–89. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-05>
- Tarabrina, N. V. (2009). *Psihologiya posttravmaticheskogo stressa: monografiya: Teoriya i praktika*. Moscow: Institut psichologii RAN.
- Frankl, V. E. (1990). *Chelovek v poiskah smysla*. Moscow: Izdatel'stvo «Progress».
- Hazova, S. A. (2002). Sovladayushchee povedenie odarennyh starsheklassnikov: dis. ... kand. psihol. nauk. Kostroma. Başkale, H., & Solmaz, P. (2024). Experiences of adolescents affected by earth-

- quakes: A qualitative study. *Journal of Specialist Pediatric Nursing*, 29 (3), e12434. <https://doi.org/10.1111/jspn.12434>
- Ferris, C., & O'Brien, K. (2022). The ins and outs of posttraumatic growth in children and adolescents: A systematic review of factors that matter. *Journal of Traumatic Stress*, 35 (5), 1305–1317. <https://doi.org/10.1002/jts.22845>
- Hughes, K., Bellis, M. A., Hardcastle, K. A., et al. (2017). The effect of multiple adverse childhood experiences on health: A systematic review and meta-analysis. *Lancet Public Health*, 2 (8), 356–366.
- Kaye-Tzadok, A., & Icekson, T. (2022). A phenomenological exploration of work-related post-traumatic growth among high-functioning adults maltreated as children. *Frontiers in Psychology*, 13, 1048295. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1048295>
- Le-Deist, F. D., & Winterton, J. (2005). What is competence? *Human Resource Development International*, 8 (1), 27–46. <https://doi.org/10.1080/1367886042000338227>
- Quan, L., Lü, B., Sun, J., Zhao, X., & Sang, Q. (2022). The relationship between childhood trauma and post-traumatic growth among college students: The role of acceptance and positive reappraisal. *Frontiers in Psychology*, 13, 921362. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.921362>

Информация об авторах

Светлана Алигарьевна Минюрова – доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра междисциплинарных исследований в области наук об образовании РАО Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования».

Наталья Олеговна Леоненко – кандидат психологических наук, доцент, главный аналитик Центра междисциплинарных исследований в сфере наук об образовании Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования».

About the authors

Svetlana A. Minuyrova - Dr. Sci. (Psy.), Professor, Head of the Centre for Interdisciplinary Researches in Education, Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Education”.

Natalia O. Leonenko - Cand. Sci. (Psy.), Docent, Chief Analyst of the Centre for Interdisciplinary Researches in Education, Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Education”.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 07.06.2025

Одобрена после рецензирования 09.07.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted June 07, 2025

Approved after reviewing July 09, 2025

Accepted July 28, 2025

УДК 159.9.075

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-302-314

Современное состояние преступности несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях

Наталья Анатольевна Самойлик

Кузбасский институт ФСИН России

(Новокузнецк, Россия)

nat-samoylik@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5862-8197

Аннотация

Введение. Актуальность исследования современного состояния преступности несовершеннолетних обусловлена необходимостью прогнозирования политики государства в отношении подростков и юношей, потенциально входящих в группу делинквентного риска. Исследование факторов и механизмов, детерминирующих мотивацию преступного поведения данной категории лиц, возможно при помощи специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, которая была проведена в 2022 г. **Целью** являются анализ и характеристика современного состояния преступности несовершеннолетних, отбывающих уголовное наказание в воспитательной колонии. **Методология и методы.** В статье применялись общенаучные методы теоретического исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, в частности, анализ и интерпретацию результатов специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей (декабрь 2022 г.), и научных источников, непосредственно раскрывающих предмет исследования. Методология исследования опирается на социально-демографические и уголовно-правовые характеристики несовершеннолетних правонарушителей. **Результаты исследования** показывают, что среди малолетних преступников преобладают представители мужского пола. Подростки и юноши совершают делинквентные поступки чаще всего в возрасте 16–17 лет, что обусловлено активной стадией переживания кризиса переходного возраста. Подавляющая часть лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях, имеет основное общее образование и воспитывается в дисфункциональных семьях либо вообще не имеет семьи. Доминирующей категорией являются тяжкие и особо тяжкие преступления, совершаемые молодыми людьми умышленно и осознанно. Почти треть несовершеннолетних воспитанников отбывает наказание за насильственные преступления, совершенные группой лиц. При этом самая большая группа ювенальных преступников имеет небольшие сроки лишения свободы, что отражает тенденцию гуманизации уголовного наказания в отношении несовершеннолетних. Полученные результаты позволяют прогнозировать и проводить профилактику противоправных действий среди молодежи, а также предлагать оптимальные варианты психолого-педагогического воздействия на криминогенные детерминанты, которые отрицательно влияют на формирование личности несовершеннолетних.

Ключевые слова

несовершеннолетние преступники, уголовное наказание, статистика, социально-демографическая характеристика, уголовно-правовая характеристика

Для цитирования: Самойлик, Н. А. (2025). Современное состояние преступности несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 302–314. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-302-314.

Original paper

Current state of delinquency of minors serving sentences in young offender institutions

Natalia A. Samoylik

Kuzbass Institute of Federal Penal Service of Russia

(Novokuznetsk, Russia)

nat-samoylik@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5862-8197

Abstract

Introduction. The relevance of the study of the current state of juvenile delinquency is determined by the need to predict the government policy towards adolescents and young people potentially belonging to the group at risk of delinquency. The study of the factors and mechanisms determining the motivation of criminal behaviour of this category of people is possible with the help of special census of convicts and persons in custody, which was conducted in 2022. **The aim** is to analyze and characterize the current state of the delinquency of minors serving sentences in young offender institutions. **Methodology and methods.** The article applied general scientific methods of theoretical research aimed at collecting, analyzing, systematizing and summarizing data, in particular, analyzing and interpreting the results of special census of prisoners and detainees (December 2022) and scientific sources directly revealing the subject of the study. The research methodology is based on the socio-demographic and criminal law characteristics of juvenile offenders. **The results** of the study show that male representatives predominate among juvenile offenders. Adolescents and young men commit delinquent acts most often at the age of 16-17, which is due to the active stage of experiencing crisis of adolescence. The vast majority of people serving sentences in young offender institutions have basic general education and are raised in dysfunctional families or do not have a family at all. The dominant category is aggravated and especially aggravated crimes committed by young people intentionally and consciously. Almost a third of juvenile delinquents are serving sentences for violent crimes committed by a group of people. At the same time, the largest group of juvenile offenders has short terms of imprisonment, which reflects the leading trend of humanizing criminal punishment for minors. The results obtained make it possible to carry out the work on the prediction and prevention of illegal actions among young people, as well as to propose optimal options for psychological and pedagogical impact on criminogenic determinants that negatively affect the formation of the personality of minors.

Keywords

juvenile delinquents, criminal punishment, statistics, socio-demographic characteristics, criminal law characteristics

For citation: Samoylik, N. A. (2025). Current state of delinquency of minors serving sentences in young offender institutions. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 302–314. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-302-314.

Введение

Традиционно вопросы преступности несовершеннолетних занимают одно из ведущих мест в научных публикациях. Данный факт, прежде всего, обусловлен тем, что предупреждение правонарушений среди представителей подростковой и ранней юношеской групп является стратегической задачей государства в сфере социально-профилактической политики. Однако реалии современного мира определяют тенденции девиаций и делинквентности среди несовершеннолетних, выражающиеся в том, что они «достаточно активно “осваивают” новые для них преступления, занимая новые криминальные ниши, что позволяет говорить о своеобразной “диверсификации” ювенальной преступности» (Жаасынбек кызы, 2021, с. 181).

В целях изучения осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, в 2022 г. была проведена специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей (Селиверстов, Кириллова, Кунц, 2024). Результаты переписи представляют особый интерес для анализа факторов и механизмов формирования преступного поведения несовершеннолетних, а также определения психолого-педагогических направлений профилактики девиаций среди подростков и юношей.

Методология, методы и методики

В статье применялись общенаучные методы теоретического исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, в частности, анализ и интерпретацию результатов специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей (декабрь 2022 г.), и научных источников, непосредственно отражающих предмет исследования. Методология исследования опирается на социально-демографические и уголовно-правовые характеристики несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Результаты исследования

На первом этапе была проанализирована социально-демографическая характеристика несовершеннолетних осужденных. Именно социально-демографические особенности преступников демонстрируют условия становления личности и уникальности процесса ее жизнедеятельности, своеобразие и взаимосвязь мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер, а также возможности реализации социальных ролей. Как утверждает Н. Г. Абрамова, социально-демографические характеристики позволяют не только «сформировать образ типичного несовершеннолетнего преступника, но и разработать эффективные, скоординированные и своевременные меры уголовно-правового и криминологического воздействия, направленные, прежде всего, на предупреждение преступности несовершеннолетних, на минимизацию девиации личности несовершеннолетнего со стороны всех субъектов профилактики» (Абрамова, 2022, с. 118).

Перепись 2022 г. зафиксировала 93 % осужденных мужского пола и 7 % осужденных женского пола среди несовершеннолетних преступников. Полученные результаты подтверждают один из распространенных в криминологии тезисов о том, что преступность – это преимущественно мужское явление, вызванное демонстрацией социальной активности, предпочтением конкуренции в межличностных взаимоотношениях и автономности в принятии жизненно важных решений (Афонченко, 2020). Действительно, по сравнению с девушками, юноши значительно чаще совершают преступления, что обусловлено их потребностью в самореализации среди сверстников, ориентацией на сиюминутное удовлетворение субъективных желаний и неспособностью прогнозировать свои действия и поступки. Ю. М. Антонян связывает «разницу в соотношении женской и мужской преступности среди несовершеннолетних не с психическими и психологическими особенностями пола, а с различием интересов, поведения,

воспитания мальчиков и девочек, с большей активностью, предприимчивостью, решительностью, несдержанностью и другими общепсихологическими свойствами лиц мужского пола, проявляющимися в определенных жизненных ситуациях, в том числе в антиобщественных поступках и преступлениях» (Антонян, 2017, с. 173). Как правило, несовершеннолетние лица мужского пола быстро приобретают мнимые черты самостоятельности, демонстрируя искаженные признаки взрослости и независимости. Подобное поведение нередко приводит к нарушению принятых социальных и законодательных норм.

Одним из значимых показателей, характеризующих преступность несовершеннолетних, является возраст. Возрастные особенности в период подросткового и раннего юношеского периода могут существенно отличаться по причине активизации психофизиологических процессов. Не случайно данные временные рамки были обозначены Г. С. Холлом как «период бури и натиска», отражая сложность и противоречивость взрослеющей личности (Рогачева, 2024).

Как следует из рисунка 1, пик преступности среди несовершеннолетних приходится на возрастной диапазон от 16 до 17 лет (61,8 %). Ю. А. Агафонов и А. Н. Ильяшенко отмечают, что именно данному периоду свойственны «чрезмерные категоричные суждения, эмоциональная неустойчивость и неспособность спрогнозировать ситуации и результаты, учитывая все обстоятельства. Преступные действия совершаются с особой озлобленностью и жестокостью по отношению к жертве» (Агафонов, Ильяшенко, 2007, с. 17). На основании результатов специальной переписи можно утверждать, что 33,5 % ювенальных преступников в возрасте 18–19 лет отбывают наказание в местах лишения свободы. Снижение показателя делинквентности в этом возрасте, вероятно, связано с формированием элементов правового сознания, осмыслением индивидуальных нравственно-моральных и ценностных категорий, а также дифференциацией социальных ролей среди сверстников. Незначительное количество (4,7 %) осужденных в возрасте от 14 до 15 лет объясняется направленностью на гуманизацию исполнения уголовных наказаний в отношении данной группы преступников. Как справедливо утверждал М. Н. Гернет, «тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления» (Гернет, 2020, с. 106). Очевидно, что в большей степени это касается несовершеннолетних, мировоззрение которых неустойчиво и уязвимо в силу влияния внешних факторов при отсутствии или деформации адаптивных стратегий.

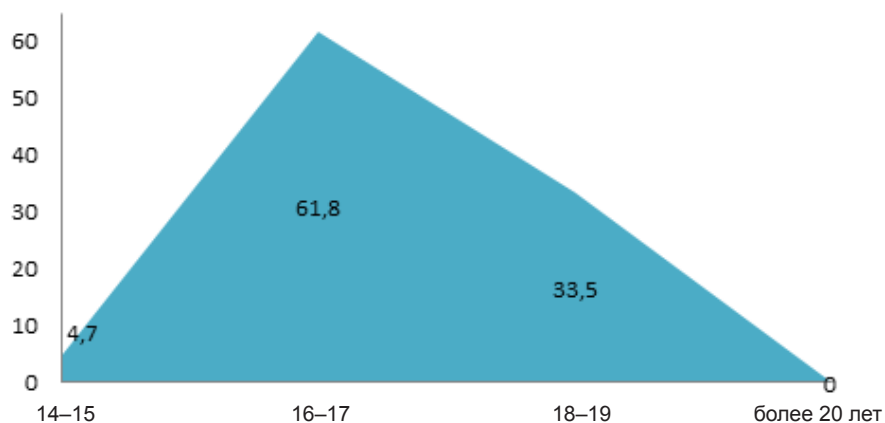

Рис. 1. Распределение несовершеннолетних осужденных по возрасту (%)

Fig. 1. Distribution of juvenile convicts by age (%)

Одним из важных социально-демографических показателей ювенальной преступности выступает уровень образования осужденных. Л. А. Геляхова приходит к выводу о том, что «вовремя замеченные изменения в поведении, отклонения от норм, правильно оказанная педагогическая помощь могут предотвратить вступление подростка на преступный путь» (Геляхова, 2020, с. 380). Безусловно, образовательная система обладает весомым воспитательно-профилактическим потенциалом в предупреждении делинквентного поведения подростков.

Согласно ч. 1 ст. 112 УИК РФ осужденные, не достигшие возраста 30 лет, обязаны получить среднее образование. В полной мере данная законодательная норма распространяется на лиц, находящихся в воспитательных колониях, где на основании ч. 1 ст. 141 УИК РФ «организуется единый учебно-воспитательный процесс, направленный на формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, профессиональное обучение и получение среднего профессионального образования, повышение образовательного и культурного уровня»¹. Учреждения образования не только осуществляют учебно-воспитательную функцию, но и в полной мере способствуют организации досуговой среды несовершеннолетних, включая индивидуальные и групповые формы работы.

Как видно из рисунка 2, большая часть несовершеннолетних имеет основное общее (неполное среднее образование). Настораживает, что большой удельный вес осужденных подросткового и раннего юношеского возраста имеет только начальное (общее) образование. Данный факт может свидетельствовать о попустительском отношении со стороны семьи, образовательных учреждений и общества в целом к данной категории детей. Полученный результат согласуется с материалами проведенной в 2018 г. специальной переписи осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Было выявлено, что лишь 40,4 % респондентов

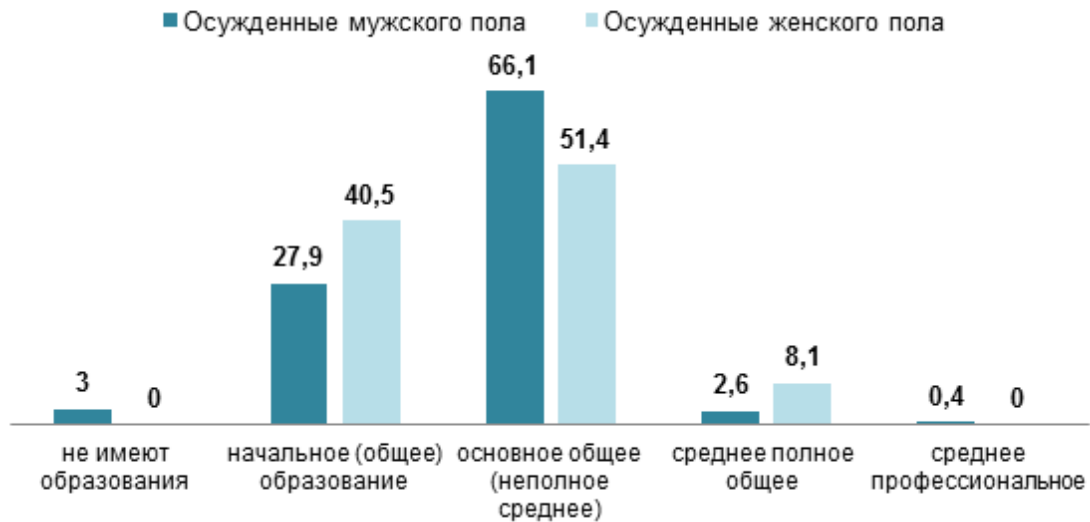

Рис. 2. Распределение несовершеннолетних осужденных по уровню образования (%)

Fig. 2. Distribution of juvenile convicts by educational level (%)

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в действующей редакции). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/fc2ae59effa07daa545b7e10d5c3205c15b7c9f5/?ysclid=m8jz0lg0uj923069836

воспитывались до осуждения в полной семье, столько же – в неполной семье. У 5,5 % воспитанников были опекуны или приемная семья, а у 8,3 % воспитанников родители были лишены родительских прав. Сиротами оказались 5,4 % опрошенных (Селиверстов и др., 2024, с. 13). Как справедливо замечает Л. В. Готчина, «многолетний постулат, что семья является лучшим фактором сдерживания от преступности и иных форм отрицательной девиации, еще актуален для России» (Готчина, 2021, с. 308). Таким образом, дисфункциональность института семьи, отсутствие должного внимания со стороны общественности, школьная дезадаптация, негативное влияние неформальной среды выступают основными причинами ювенальной преступности.

К проблемным вопросам анализа факторов ювенальной преступности Я. И. Гилинский относит увлечение подростков и юношей виртуальными технологиями. Согласно мнению ученого, именно «в интернете они знакомятся, дружат, ссорятся, играют в “стрелялки”, самоутверждаясь и восполняя отсутствующие (ограниченные) возможности реализовывать себя в сложном мире взрослых» (Гилинский, 2024, с. 15). Конкретизируя аспекты негативного влияния интернета на подростков и юношей, Е. В. Демидова-Петрова и Е. В. Рогова указывают, что «в цифровой среде прослеживается значительное распространение молодежных субкультур, носящих деструктивный характер» (Демидова-Петрова, Рогова, 2024, с. 74). Одной из характерных черт подросткового и юношеского периода является склонность к некритическому подражанию, что дает возможность использовать социальные сети для вовлечения несовершеннолетних в противоправные действия. Реализуя на начальном этапе виктимное поведение, молодые люди включаются в какую-либо деятельность (например, общение или игра), не осознавая степени ее личностной и социальной опасности. В результате возникает явление инверсии ролей, когда подросток из жертвы превращается в преступника (Фасхутдинов, 2018).

Не затрагивая всего комплекса социально-демографических характеристик несовершеннолетних осужденных, выделим более значимые и обратимся к их уголовно-правовым особенностям. Безусловно, уголовно-правовой аспект совершения преступлений играет важную роль в понимании генеза противоправного поведения и отражает «представление о тех чертах личности, которые толкают их на преступный путь, и включает в себя описание характерных отличительных качеств, свойств, связанных с квалификацией совершенного преступления, наличие судимостей, вид и срок назначенного судом наказания» (Мельникова и др., 2021, с. 25).

Одним из наиболее важных признаков осужденных является категория совершенного преступления. По данным исследования С. П. Самофалова и Д. Р. Демидовой, с 2016 г. по 2022 г. в России наблюдается положительная динамика относительно числа преступлений, совершаемых подростками и юношами (уменьшение составило 47,98 %) (Самофалов, Демидова, 2024, с. 107). Как видно из рисунка 3, несмотря на количественное уменьшение подростковой и юношеской преступности в целом, растет качественный показатель совершаемых деяний. Однако большой удельный вес несовершеннолетних отбывают наказание в виде лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления. Безусловно, степень общественной опасности подобных преступных действий очень высока. Такие преступления характеризует умышленный характер их совершения, а значит, имеет место деформация психики подростков и юношей. При этом, по данным специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, среди несовершеннолетних воспитанников только 2,2 % имеют психические аномалии (Селиверстов и др., 2024, с. 17). Таким образом, 97,8 % молодых людей при совершении тяжких и особо тяжких преступлений осознавали антисоциальный характер своих действий и могли прогнозировать их последствия.

Проводя количественный анализ ювенальной преступности, следует учитывать ее латентный характер. По экспертным оценкам, уровень преступности несовершеннолетних в 3–4 раза выше, чем отражается в официальной статистике (Колесников, 2022, с. 51). Согласно позиции С. В. Корнаковой и С. А. Корягиной, латентность ювенальной преступности обусловлена несколькими причинами, среди которых «укрытие преступлений от учета и регистрации, преобладание либерального отношения органов уголовной юстиции к совершаемым несовершеннолетними преступлениям небольшой и средней тяжести, реакция потерпевших на совершение некоторых категорий преступлений» (Корнакова, Корягина, 2023, с. 78).

Принципиальное значение для уголовно-правовой характеристики осужденных, отбывающих наказание, имеет направленность их преступных деяний, которая отражает правовой нигилизм. Представленные на рисунке 4 распространенные уголовные наказания свидетельствуют о том, что почти треть несовершеннолетних воспитанников отбывает наказание за насильственные преступления. Как пишет Т. М. Зайко, «в этих преступлениях все более проявляется корысть, жестокость, садизм, агрессивность, стремление части подростков контролировать определенную территорию» (Зайко, 2017). Совершая подобное деяние, несовершеннолетние проявляют эгоистичность и цинизм по отношению к установленному правовому порядку. Специфика их сознания заключается в наличии серьезных проблем, обусловленных деформацией морально-нравственного состояния, а также нестабильностью эмоционально-волевой сферы.

Наибольший удельный вес среди несовершеннолетних составляют преступления, связанные с осуществлением насильственных действий сексуального характера (72,2 %). Чаще всего такие деяния совершают лица в возрасте 14–15 лет. В связи с тем, что подростки находятся в самом начале кризиса, именно в это время обычно проявляются физиологические аспекты переживания переломного пубертатного периода. Отсутствие устойчивых стратегий поведения в подобных ситуациях вызвано эмоциональной неуравновешенностью и агрессивностью,

Рис. 3. Распределение несовершеннолетних осужденных по категориям преступлений (%)

Fig. 3. Distribution of juvenile convicts by crime category (%)

а «приверженность и пристрастие к деструктивной среде и поддержание связей с субкультурой “взрослой” преступности являются негативными катализаторами их делинквентного поведения» (Абрамова, 2022, с. 118).

Обращает на себя внимание то, что доля несовершеннолетних осужденных женского пола, совершивших убийство (18,1 %), почти в три раза превышает аналогичную среди осужденных мужского пола (6,3 %) (Селиверстов и др., 2024, с. 25). Вероятно, это объясняется спецификой проявления эмоциональной сферы девушек. Согласно точке зрения Ю. М. Антоняна, для преступниц свойственны «повышенная тревожность и чувство страха, которые, в свою очередь, приводят к крайне острой реакции на угрозы (жизни или социальному статусу), мнимые и действительные обиды» (Антонян, 1992, с. 61–62). К этому следует добавить замкнутость, пессимистичность в восприятии действительности, склонность к чрезмерной демонстративности и зависимость от внешнего окружения. Все это порождает ощущение враждебности и внутренней неудовлетворенности, часто сопровождающееся конфликтными и агрессивными действиями, приводящими к совершению уголовных преступлений.

На основании законодательства РФ несовершеннолетние входят в особую группу уголовной ответственности. Именно поэтому при вынесении приговора судом акцент делается на необходимость назначения справедливого наказания и обязательно учитывается степень его положительного влияния на ювенальных преступников. Повторим, что наказание в виде лишения свободы для несовершеннолетнего правонарушителя является крайней мерой воздействия и назначается тогда, когда исправление невозможно без изоляции от общества. Вместе с тем обязательно принимаются во внимание условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, особенности психического развития, иные характеристики личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц.

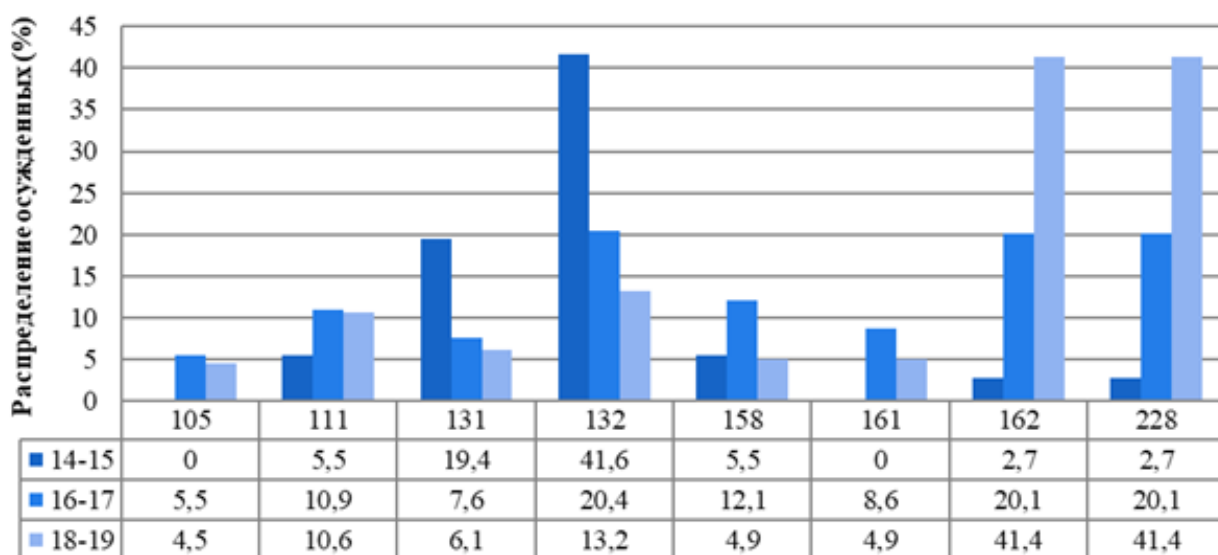

Рис. 4. Распределение несовершеннолетних осужденных в зависимости от совершенных преступлений (%)

Figure 4. Distribution of juvenile convicts depending on the crimes committed (%)

Данные, полученные по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, показывают, что распределение несовершеннолетних осужденных в зависимости от срока назначенного наказания выглядит следующим образом (рис. 5). Самая большая группа ювенальных преступников имеет небольшие сроки лишения свободы (до трех лет). Доля таких осужденных составляет 51,7 %, что отражает принципы индивидуализации и гуманизации уголовного наказания, в которых учитываются возраст, категория совершенного преступления и фактор совершения преступления впервые.

Следующая группа несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, имеет срок осуждения от 3 до 5 лет (18,8 %). Такие сроки лишения свободы среди подростков и юношей обусловлены высокой степенью общественной опасности деяний, преднамеренностью их совершения и личностной активностью в исполнении преступных действий. Большой удельный вес (2,6 %) составляют длительные сроки лишения свободы (от 5 до 8 лет) среди исследуемой категории осужденных, что свидетельствует о негативном течении подросткового кризиса, приводящего к примитивизации поведения и способствующего формированию устойчивого паттерна криминального поведения.

При анализе ювенальной преступности следует рассмотреть способы совершения преступлений. Лидирующее место среди форм соучастия занимают преступления, совершенные группой лиц (33,5 %). Как показывает статистика, возрастная потребность в группировании несовершеннолетних проявляется и в преступных деяниях. Анализируя особенности преступной группы несовершеннолетних, исследователи выделяют следующие их характерные признаки: организованность, устойчивость, сплоченность и защищенность. Все это позволяет несовершеннолетним чувствовать уверенность и безопасность, принимая участие в делинквентных

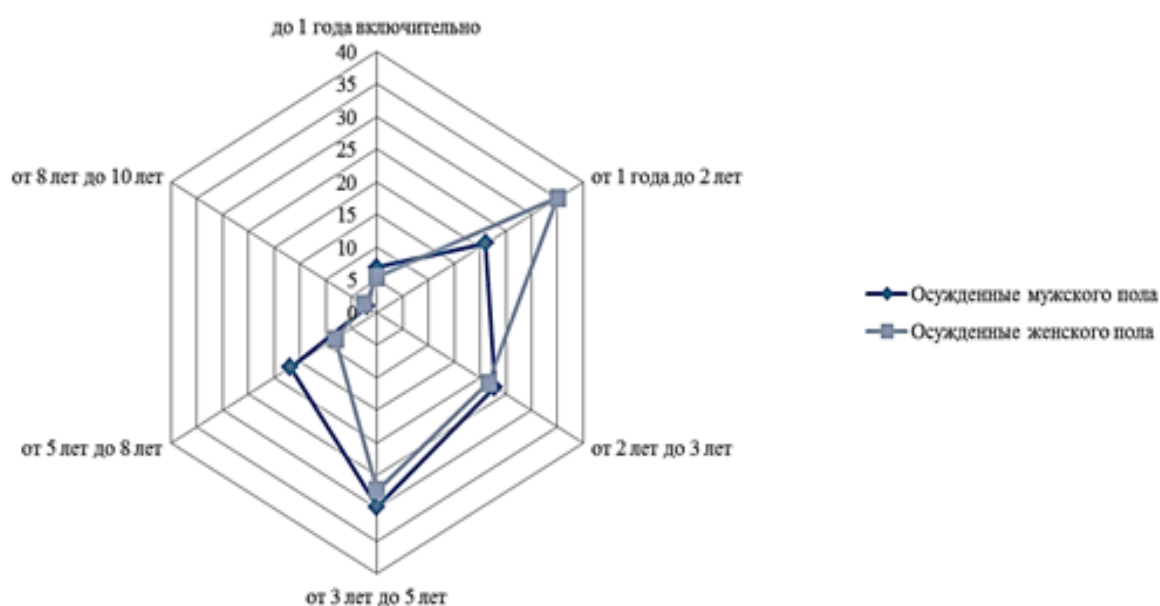

Рис. 5. Распределение несовершеннолетних осужденных в зависимости от срока назначенного наказания (%)

Figure 5. Distribution of juvenile convicts depending on the length of the sentence imposed (%)

² Рожков, А. А., Кобозев, И. Ю., Семакова, А. И., Зуева, Е. Г., Вашкевич, А. В., Ермаков, А. Г. (2021). *Криминальная психология: учебное пособие*. Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России.

деяниях. Как правило, в таких преступлениях принимают участие как несовершеннолетние, так и совершеннолетние лица. Это позволяет констатировать тенденцию сближения подростковой и взрослой преступности, вовлечения несовершеннолетних в осуществление преступных деяний (Архипова, Редькина, 2023, с. 101).

Эффект группирования при совершении преступлений имеет несколько причин. По мнению Р. В. Колесникова, это связано с тем, что, «во-первых, некоторые преступления технически невыполнимы для одного подростка. Во-вторых, многие несовершеннолетние, приобщаясь к преступной группе, становятся смелее, ведь это одобряется групповым авторитетом, и порой не отдают себе отчет в собственных действиях, подчиняясь стадному инстинкту» (Колесников, 2021, с. 5). Среди несовершеннолетних мужского пола 8,9 % осужденных были организаторами преступлений, 48,1 % выступали исполнителями, 34,8 % участвовали в совершении делинквентных деяний в роли пособников. В группе несовершеннолетних женского пола наибольший удельный вес составляет непосредственное содействие и совершение противоправных действий (78,2 %), 17,6 % выступали исполнителями, а 4,2 % склоняли других лиц к совершению преступления. Полученные результаты позволяют говорить о высоких организаторских способностях несовершеннолетних осужденных мужского пола. Таким образом, полученные в ходе переписи материалы могут быть использованы для оценки криминогенности ювенальной преступности на современном этапе.

Заключение

Исследование преступности несовершеннолетних в настоящее время является одной из важнейших задач. Во многом это связано с необходимостью реализации ранней профилактической политики в отношении подростков и юношей, потенциально входящих в группу делинквентного риска. Однако детальное изучение ювенальной преступности осложнено вследствие высокого уровня ее латентности. Тем не менее определить факторы и механизмы формирования преступного поведения несовершеннолетних возможно при помощи специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, которая была проведена в 2022 г.

По материалам переписи можно утверждать, что среди малолетних преступников преобладают представители мужского пола. Подростки и юноши совершают делинквентные поступки чаще всего в возрасте 16–17 лет, что обусловлено активной стадией переживания кризиса переходного возраста. Подавляющая часть лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях, имеет основное общее (неполное среднее) образование и воспитывалась в дисфункциональных семьях либо вообще не имела семьи. Несмотря на количественное уменьшение подростковой и юношеской преступности в целом, растет качественный показатель совершаемых деяний. Так, доминирующей категорией являются тяжкие и особо тяжкие преступления, совершаемые молодыми людьми умышленно и осознанно. Почти треть несовершеннолетних воспитанников отбывает наказание за насильственные преступления, проявляя эгоистичность и цинизм по отношению к установленному в обществе правовому порядку. При этом самая большая группа ювенальных преступников имеет краткие сроки лишения свободы (до трех лет), что отражает ведущую тенденцию гуманизации уголовного наказания в отношении данной категории лиц. Лидирующее место среди форм соучастия занимают преступления, совершенные группой лиц.

Таким образом, анализ современного состояния преступности несовершеннолетних имеет большое значение для дальнейших теоретических и практических исследований в данной предметной области. Полученные результаты дают возможность проводить работу по прогнозу и профилактике противоправных действий среди молодежи, а также предлагать оптимальные варианты психолого-педагогического воздействия на криминогенные детерминанты, которые отрицательно влияют на формирование личности несовершеннолетних.

Список литературы

- Абрамова, Н. Г. (2022). К вопросу о личности несовершеннолетнего осужденного. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*, 1 (41), 116–120. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2022-41-1-116-120>
- Агафонов, Ю. А., Ильяшенко, А. Н. (2007). Факторы семейного неблагополучия в генезисе преступного поведения несовершеннолетних. *Общество и право*, 3 (17), 11–17.
- Антонян, Ю. М. (1992). *Преступность среди женщин*: монография. Москва: Российское право.
- Антонян, Ю. М. (2017). *Личность преступника и профилактика преступлений*. Москва: Издательство "Проспект".
- Архипова М. В., Редькина Е. А. (2023). Особенности современной преступности несовершеннолетних. *Вестник Российского университета кооперации*, 3 (53), 98–106.
- Афонченко, Т. П. и др. (2020). *Гендерная криминология: понятие, структура, содержание*: монография. Минск: Издательство «Экоперспектива».
- Геляхова, Л. А. (2020). Роль образовательных учреждений в противодействии подростковой преступности. *Пробелы в российском законодательстве*, 13 (4), 379–382.
- Гернет, М. Н. (2020). *Инстинкт заключенного. Очерки тюремной психологии*. Москва: Издательство «Эксмо».
- Гилинский, Я. И. (2024). *Криминология и девиантология постмодерна*. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя».
- Готчина, Л. В. (2021) Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы. *Российский девиантологический журнал*, 1 (2), 304–313. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-304-313>
- Демидова-Петрова, Е. В., Рогова, Е. В. (2024). Преступность несовершеннолетних в условиях современных вызовов. *Сибирский юридический вестник*, 2 (105), 70–74. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.70>
- Жаасынбек кызы, А. (2021). Подросток и преступление. *Известия вузов Кыргызстана*, 5, 180–183. <https://doi.org/10.26104/IVK.2019.45.557>
- Зайко, Т. М. (2017). *Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты*: монография. Тамбов: ООО "Консалтинговая компания Юком".
- Колесников, Р. В. (2021). Факторы, детерминирующие групповые преступления несовершеннолетних. *Вестник Воронежского института МВД России*, 4, 201–208.
- Корнакова, С. В., Корягина, С. А. (2023). Современные аспекты насильственной преступности несовершеннолетних. *Lex russica*, 7 (76), 76–86. <https://doi.org/10.17803/17295920.2023.200.7.076-086>
- Мельникова, О. В. и др. (2021). *Преступность несовершеннолетних*: монография. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России.
- Рогачева, Е. Ю. (2024). "Психолог-пророк" Грэнвилл Стэнли Холл. *Векторы психолого-педагогических исследований*, 1 (02), 110–117.
- Самофалов, С. П., Демидова, Д. Р. (2024). Мотивы и цели совершения преступлений несовершеннолетними. *Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний*, 4 (55), 104–111.
- Селиверстов, В. И., Кириллова, Т. В., Кунц, Е. В. (2024). *Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года)*: монография. Москва: Издательство «Проспект».

Фасхутдинов, Р. Ф. (2018). Некоторые аспекты психического насилия в сети интернет как одного из способов совершения преступления против несовершеннолетних. *Евразийский юридический журнал*, 10 (125), 284–285.

References

- Abramova, N. G. (2022). K voprosu o lichnosti nesovershennoletnego osuzhdennogo. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (41), 116–120. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2022-41-1-116-120>
- Agafonov, Yu. A., Il'yashenko, A. N. (2007). Faktory semejnogo neblagopoluchiya v genezise prestupnogo povedeniya nesovershennoletnih. *Obshchestvo i pravo*, 3 (17), 11–17.
- Antonyan, Yu. M. (1992). *Prestupnost' sredi zhenshchin*: monografiya. Moscow: Rossijskoe pravo.
- Antonyan, Yu. M. (2017). *Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenij*. Moscow: Izdatel'stvo "Prospekt".
- Arhipova M. V., Red'kina E. A. (2023). Osobennosti sovremennoj prestupnosti nesovershennoletnih. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii*, 3 (53), 98–106.
- Afonchenko, T. P. i dr. (2020). *Gendernaya kriminologiya: ponyatie, struktura, sodержanie*: monografiya. Minsk: Izdatel'stvo «Ekoperspektiva».
- Gelyahova, L. A. (2020). Rol' obrazovatel'nyh uchrezhdenij v protivodejstvii podrostkovej prestupnosti. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 13 (4), 379–382.
- Gernet, M. N. (2020). *Instinkt zaklyuchennogo. Oчерki tyuremnoj psihologii*. Moscow: Izdatel'stvo «Eksmo».
- Gilinskij, Ya. I. (2024). *Kriminologiya i devintologiya postmoderna*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Aletejya».
- Gotchina, L. V. (2021) Prestupnost' nesovershennoletnih i molodezhi: sostoyanie i perspektivy. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1 (2), 304–313. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-304-313>
- Demidova-Petrova, E. V., Rogova, E. V. (2024). Prestupnost' nesovershennoletnih v usloviyah sovremennyh vyzovov. *Sibirskij yuridicheskij vestnik*, 2 (105), 70–74. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.70>
- Zhaasynbek kyzy, A. (2021). Podrostok i prestuplenie. *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*, 5, 180–183. <https://doi.org/10.26104/IVK.2019.45.557>
- Zajko, T. M. (2017). *Mery bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnih i molodezhi: pravovoj i psihologo-kriminologicheskij aspekt*: monografiya. Tambov: ООО "Konsaltingovaya kompaniya Yukom".
- Kolesnikov, R. V. (2021). Faktory, determiniruyushchie gruppovye prestupleniya nesovershennoletnih. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 4, 201–208.
- Kornakova, S. V., Koryagina, S. A. (2023). Sovremennye aspekty nasil'stvennoj prestupnosti nesovershennoletnih. *Lex russica*, 7 (76), 76–86. <https://doi.org/10.17803/17295920.2023.200.7.076-086>
- Mel'nikova, O. V. i dr. (2021). *Prestupnost' nesovershennoletnih*: monografiya. Pskov: Pskovskij filial Akademii FSIN Rossii.
- Rogacheva, E. Yu. (2024). "Psiholog-prorok" Grenvill Stenli Holl. *Vektory psihologo-pedagogicheskikh issledovanij*, 1 (02), 110–117.
- Samofalov, S. P., Demidova, D. R. (2024). Motivy i celi soversheniya prestuplenij nesovershennoletnimi. *Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij*, 4 (55), 104–111.
- Seliverstov, V. I., Kirillova, T. V., Kunc, E. V. (2024). *Harakteristika osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazanie v vospitatel'nyh koloniyah (po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, dekabr' 2022 goda)*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Prospekt».
- Faskhutdinov, R. F. (2018). Nekotorye aspekty psihicheskogo nasiliya v seti internet kak odnogo iz sposobov soversheniya prestupleniya protiv nesovershennoletnih. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 10 (125), 284–285.

Информация об авторе

Наталья Анатольевна Самойлик – начальник кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными Кузбасского института ФСИН России, доктор психологических наук, доцент.

About the author

Natalia A. Samoylik – head of the department of legal psychology, pedagogy and the organization of educational work with the convicted of Kuzbass Institute of Federal Penal Service of Russia, Doc. Sci. (Psy.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 21.04.2025

Одобрена после рецензирования 28.05.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted April 21, 2025

Approved after reviewing May 28, 2025

Accepted July 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-315-325

Социальная дезадаптация подростков с неблагополучным опытом детско-родительских отношений

Светлана Дзахотовна Гуриева

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

gurievasv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4305-432X

Максим Михайлович Защириинский

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского

(Санкт-Петербург, Россия)

marklrein@gmail.com

ORCID: 0009-0002-3360-6917

Аннотация

Введение. Исследование направлено на изучение влияния негативного раннего семейного опыта на формирование социально-психологической дезадаптации в подростковом возрасте. Цель исследования – выявить специфику психоэмоциональных реакций и поведенческих паттернов подростков, ставших свидетелями эмоционального или физического насилия в семье.

Организация исследования. Обследованы 52 подростка в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст $15,2 \pm 0,93$ года) с деструктивным поведением. Использовались следующие методики: опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел), анкета «Ранний опыт отношений в семье» (FECS), шкала посттравматических симптомов (PTSS-10), эссе «Мой травматичный опыт», диагностическая беседа. **Результаты.** У 84,6 % обследуемых выявлены агрессивные тенденции, у 76,9 % – склонность к негативизму. Подростки из неблагополучных семей демонстрировали более высокие показатели психической нестабильности ($30,17 \pm 12,65$ балла, $p < 0,0001$), включая нарушения сна, депрессию и эмоциональную лабильность. Полученные данные подтверждают необходимость разработки адресных психокоррекционных программ для подростков с неблагополучным семейным опытом.

Ключевые слова

социальная дезадаптация, детско-родительские отношения, подростковый возраст, девиантное поведение

Для цитирования: Гуриева, С. Д., Защириинский, М. М. (2025). Социальная дезадаптация подростков с неблагополучным опытом детско-родительских отношений. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 315–325. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-315-325.

Original paper

Social maladaptation of adolescents with dysfunctional experiences of child-parent relationships

Svetlana D. Gurieva

Saint Petersburg State University

(Saint Petersburg, Russia)

gurievasv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4305-432X**Maksim M. Zashchirinskii**

Russian Christian Academy for the Humanities named after F. M. Dostoevsky

(Saint Petersburg, Russia)

marklrein@gmail.com

ORCID: 0009-0002-3360-6917

Abstract

Introduction. The research is aimed at studying the influence of negative early family experience on the formation of socio-psychological maladaptation in adolescence. The aim of the research is to identify the specifics of psycho-emotional reactions and behavioural patterns of adolescents having experienced emotional or physical violence in their families. **Organisation of the research.** The sample consisted of 52 adolescents aged 14 to 16 years (average age 15.2 ± 0.93 years) with destructive behaviour. The following methods were used: the questionnaire “Propensity for Deviant Behaviour” (A. N. Orel), the questionnaire “Family Experiences in Childhood Scale” (FECS), the Post Traumatic Symptoms Scale (PTSS-10), the essay “My Traumatic Experience”, and a diagnostic interview. **Results.** Aggressive tendencies were revealed in 84.6 % of the participants, while 76.9 % demonstrated a tendency to negativism. Adolescents from dysfunctional families showed higher indicators of mental instability (30.17 ± 12.65 points, $p < 0.0001$), including sleep disturbances, depression and emotional lability. The findings reflect the need to develop targeted psycho-correctional programmes for adolescents with dysfunctional family experiences.

Keywords

social maladaptation, child-parent relations, adolescence, deviant behavior

For citation: Gurieva, S. D., Zashchirinskii, M. M. (2025). Social maladaptation of adolescents with dysfunctional experiences of child-parent relationships. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 315–325. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-315-325.

Введение

В современных исследованиях социально-психологическая дезадаптация чаще всего рассматривается через интерпретацию отдельных форм деструктивного поведения (Семенова, 2024). К ней относят суицидальное и аутоагрессивное поведение, аддикции (употребление психоактивных веществ, нарушение пищевого поведения), школьную дезадаптацию (неуспеваемость, прогулы), делинквентное поведение (правонарушения, агрессия) (Singha & Bhattacharjee, 2016). Данное состояние характеризуется рассогласованием между социально-психологическим статусом подростка и требованиями окружающей среды.

В отличие от узкого понимания дезадаптации подростков (например, при анализе школьной неуспешности), современные исследования акцентируют внимание на системном характере данного феномена, включающего когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Т. Д. Молодцова и С. А. Беличева предложили научно обоснованные модели анализа, учитывающие устойчивость и сферу проявлений дезадаптации; выделили уровни дезадаптации от ситуативных проявлений до глубокой социальной дезинтеграции (Молодцова, 2013). Особое внимание уделили динамике системы ценностей дезадаптированных подростков как регуляторов поведения:

- ориентации на материальные блага и сиюминутные удовольствия;
- обесцениванию здоровья, ответственности, честности;
- виктимизации, связанной с недостаточной эмоциональной поддержкой и социальной изоляцией (Венцкуте, Корнеева, Шахова, 2023; Омарова, Гитинова, 2025);
- влиянию криминальных субкультур (Баева и др., 2022). Когда подросток ищет выход из неблагополучной семейной коммуникации и одиночества, из возникающего на этой основе дискомфорта, участие в деятельности неформальных групп создает для него длительную иллюзию забывчивости своих неприятностей и избавления от имеющихся переживаний (Елисов, 2025). При этом антисоциальная креативность подростков с различным уровнем агрессии опосредуется разными видами ценностей (Хломов и др., 2022).

Для целей настоящего исследования используется двумерная модель социально-психологической дезадаптации (Семенова, 2024), включающая:

- 1) социальную дезадаптацию (агрессию, правонарушения, конфликты): социальное поведение подростка рассматривается как критерий включения в группу обследуемых;
- 2) психологическую дезадаптацию: проявляется в психоэмоциональных реакциях подростков (является предметом данного исследования).

Значительную группу риска составляют подростки с неблагополучным опытом детско-родительских отношений, в процессе которого формируются деструктивные паттерны поведения, что затрудняет интеграцию в социум и повышает вероятность девиантного развития. Ведущие средовые факторы семейного неблагополучия – дефицит эмоционального тепла, непоследовательность воспитания и асоциальные образцы поведения родителей (Мачурина, 2017). Проявления личностной изменчивости (эмоциональная лабильность, противоречивость ценностных ориентаций, неустойчивость поведенческих паттернов) у подростков из неблагополучных семей рассматривается как следствие дезадаптивных условий социализации. В отличие от подростков из условно гармоничных семей и их сверстников с благополучным социальным окружением наблюдается ненормативная личностная изменчивость (Юрченко, 2006).

Исследования выделяют различные концепты неблагополучных детско-родительских отношений, способствующих дезадаптации. Так, эмоциональное отвержение приводит к формированию избегающего или агрессивного поведения. Для подростков с высоким уровнем общего и социального интеллекта, пользующихся авторитетом у сверстников, в реализации агрессивности характерны нормативно-инструментальные действия; непопулярные, неуспешные подростки проявляют импульсивно-демонстративную агрессию; целенаправленно враждебные действия характеризуют подростков, решающих конфликты силой¹. Насилие и жестокое обращение коррелирует с повышенной тревожностью, депрессией и антисоциальными тенденциями (Конищева, 2022).

Когнитивно-поведенческий подход рассматривает дезадаптацию в формировании негативных схем мышления («я неудачник», «мир враждебен»), возникающих в условиях

¹ Реан, А. А. (2013). *Психология личности: учебное пособие*. Издательство «Питер».

эмоционального отвержения или гиперконтроля со стороны родителей. Деадаптация проявляется в дисрегуляции при реакциях на стресс (Frick & Kemp, 2021), когда хроническая психоэмоциональная напряженность сопровождается непоследовательностью родительских реакций.

Актуальным является вопрос о развитии деадаптации в сензитивный для социального взаимодействия период подросткового возраста. В пубертате значимой становится дезармонизация взаимодействия личности не только с ближайшим окружением, но и с самим собой (Педченко, 2017). Конфликты и агрессия в отношениях между родителями негативно влияют на просоциальное развитие подростков (Jhang, 2025), способствуя дефициту социальных компетенций, ослаблению регуляции эмоций и уменьшению склонности к кооперации. Деструкция подразумевает нарушение прав других людей на безопасность и характеризуется сниженным уровнем эмпатии (Frick & Kemp, 2021). Нарушения социальной адаптации, обусловленные как сложными физиологическими изменениями в пубертатный период, так и гетерохронностью физического и психосоциального развития, приводят к значимым изменениям в психическом состоянии подростков. Изменения в поведении анализируются в контексте многофакторной модели, где ключевую роль играет семейная среда (Хломов и др., 2022). Семья выступает первичным агентом социализации, формирующим паттерны взаимодействия с социальным окружением. Нарушения детско-родительских отношений создают предпосылки для девиантного поведения. Лонгитюдными исследованиями подтверждено, что увеличение частоты межродительских конфликтов снижает социальное благополучие детей (Hess, 2022).

Результаты исследования и их обсуждение

Цель исследования – определение особенностей социальной деадаптации подростков с деструктивным поведением.

Теория эмоциональной безопасности (Davies & Cummings, 1994) и современные трактовки гипотез о социально-психологической компенсации (Krishnakumar & Buehler, 2000) позволили проанализировать проявления социальной деадаптации, опосредованные конфликтным межродительским поведением, включающим признаки эмоционального или физического насилия. Исследовалась межпоколенческая специфика передачи опыта деструктивного поведения.

Гипотеза исследования состоит в том, что существуют особенности характеристик социально-психологической деадаптации подростков, ставших свидетелями пролонгированного эмоционального и физического насилия в семье.

Исследование проведено на базе трех государственных бюджетных учреждений социального обслуживания населения «Центр социальной помощи семье и детям» в Василеостровском, Калининском и Красногвардейском районах Санкт-Петербурга. Определение группы риска подростков по социальной деадаптации осуществлялось с применением методики внешней экспертной оценки поведенческой составляющей Д. Стотта «Карта наблюдений».

В группу обследуемых включены 52 подростка в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст $15,2 \pm 0,93$ года) с деструктивным поведением. Деструктивное поведение характеризуется следующими признаками²:

- 1) отклонение от норм общественного развития, проявляющееся в противоречии между личными и общественными ценностями;
- 2) дестабилизация и деструктивность с нанесением ущерба на межличностном уровне взаимодействия с людьми;
- 3) критичная социальная оценка подростком окружающих;

² Комлев, Ю. Ю. (2014). *Теории девиантного поведения: учебное пособие*, 2 изд. Издательский дом АЛЕФ-ПРЕСС.

- 4) псевдокомпенсаторность на фоне личностного неблагополучия и дезадаптации;
 5) отсутствие мотивации к учебе, сочетающееся с непониманием своих профессиональных и социальных перспектив.

Все подростки – ученики общеобразовательных школ Санкт-Петербурга. Подростки принимали участие в обследовании на добровольной основе при наличии согласия родителей на проведение психологической диагностики при их обращении в центры социальной помощи семье и детям. Методики заполнялись анонимно.

Оценка специфики социальной дезадаптации подростков с неблагополучным опытом детско-родительских отношений осуществлялась с использованием следующих методик: опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел), анкета «Ранний опыт отношения в семье» (FECS), шкала посттравматических симптомов по Г. Фишеру (PTSS-10), эссе «Мой травматичный опыт» – описание ситуации, которая стала причиной тяжелого психического состояния; диагностическая беседа.

По результатам опроса с использованием методики диагностики склонности к девиантному поведению (А. Н. Орел) у подростков в 84,6 % случаев выявлено проявление агрессивных тенденций; 76,9 % опрошенных обнаружили склонность к негативистским реакциям и тенденцию к преодолению ситуационных барьеров в обход конструктивных стратегий.

Для анализа специфики семейной коммуникации использовались анкета «Ранний опыт отношений в семье», эссе «Мой травматичный опыт» и диагностическая беседа. Полученные данные (таблица 1) свидетельствуют о низком уровне эмоциональной поддержки со стороны родителей, частых конфликтах в семье, эпизодах жестокого обращения и психической травматизации. Подростки отмечали чувство раздражения и гнева в домашней обстановке, а также наличие воспоминаний, связанных с насилием и игнорированием их потребностей. Тревога становится системным эмоциональным состоянием, создавая основу для устойчивого проявления дезадаптации (Защирина, Огарева, Никифоров, 2023).

Таблица 1. Описание подростками специфики семейных отношений

Table 1. Adolescents' description of the specifics of family relationships

Показатель	M ± SD	Me [LQ; UQ]	(Min; Max)
Оцените Ваши отношения с матерью в то время, когда Вы были маленьким ребенком	0,87 ± 0,91	1,00 [0,00;1,00]	(0,00; 3,00)
Оцените Ваше отношения с отцом в то время, когда Вы были маленьким ребенком	1,25 ± 0,98	1,00 [1,00;2,00]	(0,00; 3,00)
Как Вы думаете, как Ваш опыт отношений с родителями влияет на Вашу жизнь сейчас?	0,72 ± 0,85	0,00 [0,00;2,00]	(0,00; 2,00)
Какие у Вас сейчас отношения с Вашими родителями?	0,32 ± 0,51	0,00 [0,00;1,00]	(0,00; 2,00)
Когда я дома чувствую себя раздраженным(ой) и сердитым(ой) – согласие с утверждением	1,68 ± 1,17	2,00 [1,00;3,00]	(0,00; 3,00)
В раннем детстве никто не замечал, что со мной происходило или как я себя чувствовал	1,74 ± 1,81	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
Я бывал несправедливо наказан	1,72 ± 1,74	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
Как я ни старался хорошо себя вести, для моей семьи этого никогда не было достаточно	1,58 ± 1,82	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)

Показатель	M ± SD	Me [LQ; UQ]	(Min; Max)
Я непроизвольно вспоминаю конфликты родителей	2,04 ± 1,02	2,00 [1,00;3,00]	(0,00; 3,00)
Я думал(а), что была угроза жизни для одного из родителей от другого	0,80 ± 0,81	1,00 [0,00;1,00]	(0,00; 2,00)
Один из моих родителей (или людей с которыми я жил) был очень жестоким и агрессивным человеком	1,97 ± 1,76	2,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
Среди моих детских воспоминаний много таких вещей, о которых я не хочу или не могу говорить	1,40 ± 1,74	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
До пятилетнего возраста я ничего не помню о своем детстве	1,87 ± 1,80	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
Я считаю, что у меня не было детства	1,06 ± 1,67	0,00 [0,00;2,00]	(0,00; 5,00)

Таблица 2. Ранний опыт отношений в семье

Table 2. Early experiences of family relationships

Показатель	M ± SD	Me [LQ; UQ]	(Min; Max)
Отношение к матери	3,37 ± 3,17	2,00 [1,00;5,50]	(0,00; 11,00)
Отношение к отцу	5,03 ± 3,19	5,00 [2,00;8,00]	(0,00; 10,00)
Отторжение	12,32 ± 7,91	11,00 [6,00;18,00]	(0,00; 31,00)
Принятие	31,55 ± 4,83	32,00 [28,00;35,00]	(21,00; 40,00)
Наличие–отсутствие ласки	24,10 ± 3,66	24,00 [21,00;26,50]	(15,00; 30,00)
Эмоциональная доступность	16,25 ± 3,07	16,00 [14,00;20,00]	(10,00; 20,00)
Отсутствие эмоциональной доступности	4,79 ± 3,49	5,00 [2,00;7,00]	(0,00; 15,00)
Позитивное-негативное подкрепление	8,63 ± 5,09	9,00 [5,00;12,00]	(0,00; 21,00)
Безусловная-обусловленная поддержка	14,04 ± 4,46	14,00 [10,00;17,00]	(6,00; 29,00)
История потерь важных фигур	3,84 ± 1,40	4,00 [3,00;4,00]	(1,00; 9,00)
Вербальное, физическое или сексуальное насилие	17,57 ± 6,41	16,00 [12,00;22,00]	(5,00; 32,00)
Чрезмерное внимание	9,72 ± 2,58	10,00 [8,00;11,00]	(5,00; 15,00)
Недостаток необходимого внимания, пренебрежение	8,69 ± 5,25	8,00 [5,00;12,00]	(0,00; 21,00)

Эмпирические данные, полученные с помощью опросника «Ранний опыт отношений в семье» (таблица 2), демонстрируют выраженные нарушения в детско-родительском взаимодействии, включая высокий уровень отторжения (Me = 11,00), эмоциональную недоступность родителей (M = 16,25 ± 3,07) и наличие негативного психотравмирующего опыта (вербальное, физическое или сексуальное насилие: M = 17,57 ± 6,41). Выявлены три основных паттерна деструктивных детско-родительских отношений: тревожно-дистанцированный (38,4 % случаев), авторитарно-конфликтный (19,2 %), агрессивно-отвергающий (13,5 % особо тяжелых случаев).

Эмпирические данные свидетельствуют о значительном дисбалансе в семейной системе: при формально высоких показателях принятия (M = 31,55) отмечается выраженное

Таблица 3. Субъективная оценка подростками конфликтных отношений между их родителями

Table 3. Adolescents' subjective assessment of parental conflicts

Оценка тяжести негативного опыта внутрисемейной коммуникации	Всего	Доля, %
Завышенное переживание опыта	20	38,4%
Умеренная	10	19,2%
Легкая	8	15,3%
Особо тяжкая	7	13,5%
Тяжкая	7	13,5%

отторжение ($Me = 11,00$) и высокий уровень насилия ($Me = 16,00$), что создает условия для формирования кризиса идентичности в подростковом возрасте. Данные факторы детерминируют специфические паттерны формирования характера, в частности, повышение поведенческой вариативности. Негативный ранний опыт отношений проявляется в нарушении самоидентификации, трудностях в формировании устойчивых ценностных ориентиров, склонности к деструктивным моделям поведения.

Распределение показателей параметра «неблагополучный опыт детско-родительских отношений» показало значительную долю завышенного переживания подростками конфликтности отношений между родителями (таблица 3). Условием трансформации объективных семейных дисфункций в неблагоприятный фактор выступает субъективная значимость для подростка специфики межродительской коммуникации.

На основе описания подростками своих родителей выделены повторяющиеся в их высказываниях прилагательные, которые характеризуют отношение к матери и отцу. Все эмоционально негативные слова при классификации распределились на три группы.

Тревожно-дистанцированное отношение к родителям выражалось с помощью слов «холодные», «равнодушные», «отстраненные», «тревожные». Авторитарный стиль общения с ними подростки описывали как недоверительные, требовательные, напряженные, тяжелые ежедневные контакты. При описании детско-родительских отношений многочисленными оказались слова-прилагательные, с помощью которых подростки пытались передать агрессивную внутрисемейную атмосферу. В данном случае для характеристик отца и матери использовались слова «унижающие», «ранящие», «очень жесткие», «осуждающие», «грубые», «постоянно ругающие», «отвратительные», «злобные».

Анализируемый вербальный контент встречался у всех обследованных.

В таблице 4 представлены данные сравнительного анализа психоэмоционального состояния подростков с деструктивным поведением, ставших свидетелями эмоционального или физического насилия в семье ($n = 34$), и их сверстников из благополучных семей ($n = 18$).

Полученные данные демонстрируют достоверные различия между группами ($p < 0,0001$) по следующим параметрам:

- нарушения сна ($3,80 \pm 1,97$);
- депрессивные состояния ($3,84 \pm 1,99$);
- эмоциональная лабильность ($3,54 \pm 2,08$);
- когнитивные искажения – хроническое чувство вины ($3,52 \pm 2,17$).

Общий балл посттравматической симптоматики в группе подростков, ставших свидетелями семейного насилия, составил $30,17 \pm 12,65$, что свидетельствует о значительном психоэмоциональном неблагополучии первой группы.

Таблица 4. Психоэмоциональное состояние подростков с деструктивным поведением

Table 4. Psycho-emotional state of adolescents with destructive behavior

Параметры по шкале постравматических симптомов	Подростки, ставшие свидетелями эмоционального или физического насилия в семье (n = 34)	Подростки без деструктивных проявлений в межродительской коммуникации (n = 18)	P
1. Проблемы со сном	3,80 ± 1,97	2,14 ± 1,52	<0,0001
2. Кошмары от обременительного события	1,76 ± 2,26	0,91 ± 2,14	0,0502
3. Депрессии, чувствую себя подавленным(ой)	3,84 ± 1,99	2,45 ± 1,82	<0,0001
4. Пугливость	2,68 ± 2,32	1,45 ± 1,65	0,0005
5. Потребность уединиться	3,00 ± 2,28	2,63 ± 1,78	0,2078
6. Раздраженность	3,08 ± 1,89	2,53 ± 1,71	0,0240
7. Колебания настроения	3,54 ± 2,08	2,14 ± 1,05	<0,0001
8. Чувство вины	3,52 ± 2,17	1,87 ± 1,80	<0,0001
9. Страх перед местами или ситуациями, которые могли бы напомнить мне об обременительном событии	2,57 ± 2,49	1,77 ± 1,84	0,0597
10. Напряжение мышц	2,80 ± 2,33	2,30 ± 2,05	0,1700
Общее состояние психической нестабильности	15,84 ± 7,48	11,30 ± 6,30	<0,0001
Специфические симптомы психотравматизации	14,34 ± 6,59	9,36 ± 5,88	<0,0001
Общий балл	30,17 ± 12,65	20,66 ± 11,52	<0,0001

Результаты подтверждают, что опыт семейного насилия формирует у подростков:

– стойкую психическую нестабильность, в том числе повышенную агрессию в межличностных отношениях;

– трудности в установлении доверительных контактов;

– повышенную склонность к антисоциальному поведению.

Проведенное исследование позволило сформулировать определенные выводы:

1) неблагоприятный семейный опыт играет ведущую роль в формировании социально-психологической дезадаптации подростков с проявлениями психической нестабильности и агрессивности;

2) определены устойчивые корреляты психоэмоционального состояния подростков с их деструктивным поведением;

3) наличие устойчивых проявлений нарушенной семейной коммуникации обуславливает формирование деструктивных поведенческих паттернов у подростков.

Заключение

Результаты исследования показывают, что агрессивная конфликтная семейная динамика может оказывать значимое воздействие на передачу антисоциального поведения от родителей к детям. Неблагополучный опыт детско-родительских отношений является значимым предиктором социальной дезадаптации подростков.

Проблема социальной дезадаптации подростков требует междисциплинарного подхода, объединяющего достижения клинической психологии, социологии и педагогики. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются:

- изучение нейробиологических механизмов дезадаптации;
- разработка дифференцированных программ помощи для различных типов дезадаптации;
- создание эффективных моделей раннего выявления групп риска;
- исследование влияния цифровой среды на процессы социализации.

Приоритетное значение приобретает разработка превентивных стратегий коррекции сформировавшихся нарушений в социальном поведении для создания условий для улучшения социальной адаптации у подростков.

Список литературы

- Баева, И. А., Ульянина, О. А., Вихристюк, О. В., Гаязова и др. (2022). Фактор социально-психологической дезадаптации и ценностные ориентации подростков и молодежи. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 206, 228–242. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2022-206-228-242>
- Венцкуте, М. С., Корнеева, Я. А., Шахова, Л. И. (2023). Характеристики социально-психологической дезадаптации подростков, подвергшихся психологическому, эмоциональному и физическому насилию. *Психология и психотехника*, (4), 1–25. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2023.4.43594>
- Елисов, П. П. (2025). Анализ причин участия подростков в деятельности неформальных молодежных групп. *Международный научный вестник*, (1), 72–75. <https://doi.org/10.24412/2782-3849-2025-1-72-7>
- Защиринская, О. В., Огарева, Е. И., Никифоров, А. А. (2023). Тревожность и коммуникативные свойства личности. *Педагогический ИМИДЖ*, 17 (2 (59)), 170–181. <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2023-17-2-170-181>
- Конищева, А. В. (2022). Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии. *Психология и право*, 12 (3), 88–96. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120308>
- Мачурина, Т. Н. (2017). Типы деструктивного родительского воспитания как факторы развития невротизации личности. *Вестник практической психологии образования*, 14 (2), 80–83. https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n2/Machurina
- Молодцова, Т. Д. (2013). Основные виды и типы подростковой дезадаптации. *Концепт*, 5 (21), 65–71. <http://e-koncept.ru/2013/13099.htm>
- Омарова, П. Р., Гитинова, М. М. (2025). Особенности виктимизации несовершеннолетних. *Международный научный вестник*, (1), 58–62. <https://doi.org/10.24412/2782-3849-2025-1-58-62>
- Педченко, В. В. (2017) Критерии и показатели социально-психологической дезадаптации старшего подростка. *Молодой ученый*, 5 (139), 405–410. <https://moluch.ru/archive/139/39146>
- Семенова, К. Г. (2024). Социально-психологическая дезадаптация подростков: типология и взаимосвязь с системой ценностных ориентаций. *Вестник практической психологии образования*, 21 (1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>

- Хломов, К. Д., Бочавер, А. А., Фоменко, М. С., Селиванова, Е. И., Шемшурин, А. А. (2022). Агрессия и автономия в подростковом возрасте. *Психологическая наука и образование*, 27 (3), 117–128. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309>
- Юрченко, О. Ф. (2006). *Диагностика и коррекция проявлений личностной изменчивости у подростков из неблагополучных семей*: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь.
- Davies, P. T., & Cummings, E. M. (1994). Marital conflict and child adjustment: An emotional security hypothesis. *Psychological Bulletin*, 116 (3), 387–411. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.3.387>
- Frick, P. J., & Kemp, E. C. (2021). Conduct Disorders and Empathy Development. *Annu. Rev. Clin. Psychol.*, 17, 391–416. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-081219-105809>
- Jhang, F-H. (2025). Coparenting conflict and externalizing problems among early adolescents: a longitudinal moderated mediation model. *Curr Psychol*, (44), 5003–5015. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07546-z>
- Hess, S. (2022). Effects of Inter-Parental Conflict on Children's Social Well-Being and the Mediation Role of Parenting Behavior. *Applied Research Quality Life*, 1(7), 2059–2085. <https://doi.org/10.1007/s11482-021-10022-y>
- Krishnakumar, A., & Buehler, C. (2000). Interparental conflict and parenting Behaviors: A meta-analytic review. *Family Relations*, 49 (1), 25–44. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2000.00025.x>
- Singha, R., & Bhattacharjee, A. (2016). A Search of Different Maladjusted Behaviours of Adolescents Inside and Outside of Classroom and The Causal Factors That Are Responsible for Their Behaviours. *International Journal of Research in Social Sciences*, 6 (9), 435–444.

References

- Baeva, I. A., Ul'yanina, O. A., Vihristyuk, O. V., Gayazova i dr. (2022). Faktor social'no-psihologicheskoy dezadaptacii i cennostnye orientacii podrostkov i molodezhi. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 206, 228–242. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2022-206-228-242>
- Venckute, M. S., Korneeva, Ya. A., Shahova, L. I. (2023). Harakteristiki social'no-psihologicheskoy dezadaptacii podrostkov, podvergshihsiya psihologicheskomu, emocional'nomu i fizicheskomu nasiliyu. *Psihologiya i psihotekhnika*, (4), 1–25. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2023.4.43594>
- Elisov, P. P. (2025). Analiz prichin uchastiya podrostkov v deyatel'nosti neformal'nyh molodezhnyh grupp. *Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik*, (1), 72–75. <https://doi.org/10.24412/2782-3849-2025-1-72-7>
- Zashchirinskaya, O. V., Ogareva, E. I., Nikiforov, A. A. (2023). Trevozhnost' i kommunikativnye svojstva lichnosti. *Pedagogicheskij IMIDZH*, 17 (2 (59)), 170–181. <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2023-17-2-170-181>
- Konishcheva, A. V. (2022). Podhody k issledovaniyu roditel'skogo otnosheniya v rossijskoj psihologii. *Psihologiya i pravo*, 12 (3), 88–96. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120308>
- Machurina, T. N. (2017). Tipy destruktivnogo roditel'skogo vospitaniya kak faktory razvitiya nevrotizacii lichnosti. *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya*, 14 (2), 80–83. https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n2/Machurina
- Molodcova, T. D. (2013). Osnovnye vidy i tipy podrostkovoju dezadaptacii. *Koncept*, 5 (21), 65–71. <http://e-koncept.ru/2013/13099.htm>
- Omarova, P. R., Gitinova, M. M. (2025). Osobennosti viktimizacii nesovershennoletnih. *Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik*, (1), 58–62. <https://doi.org/10.24412/2782-3849-2025-1-58-62>
- Pedchenko, V. V. (2017) Kriterii i pokazateli social'no-psihologicheskoy dezadaptacii starshego podrostka. *Molodoj uchenyj*, 5 (139), 405–410. <https://moluch.ru/archive/139/39146>
- Semenova, K. G. (2024). Social'no-psihologicheskaya dezadaptaciya podrostkov: tipologiya i vzaimosvyaz' s sistemoy cennostnyh orientacij. *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya*, 21 (1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>

- Hlomov, K. D., Bochaver, A. A., Fomenko, M. S., Selivanova, E. I., SHemshurin, A. A. (2022). Agresiya i avtonomiya v podrostkovom vozraste. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 27 (3), 117–128. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309>
- Yurchenko, O. F. (2006). *Diagnostika i korrekciya proyavlenij lichnostnoj izmenchivosti u podrostkov iz neblagopoluchnyh semej*: dis. ... kand. psihol. nauk. Stavropol'.
- Davies, P. T., & Cummings, E. M. (1994). Marital conflict and child adjustment: An emotional security hypothesis. *Psychological Bulletin*, 116 (3), 387–411. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.3.387>
- Frick, P. J., & Kemp, E. C. (2021). Conduct Disorders and Empathy Development. *Annu. Rev. Clin. Psychol.*, 17, 391–416. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-081219-105809>
- Jhang, F-H. (2025). Coparenting conflict and externalizing problems among early adolescents: a longitudinal moderated mediation model. *Curr Psychol*, (44), 5003–5015. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07546-z>
- Hess, S. (2022). Effects of Inter-Parental Conflict on Children's Social Well-Being and the Mediation Role of Parenting Behavior. *Applied Research Quality Life*, 1(7), 2059–2085. <https://doi.org/10.1007/s11482-021-10022-y>
- Krishnakumar, A., & Buehler, C. (2000). Interparental conflict and parenting Behaviors: A meta-analytic review. *Family Relations*, 49 (1), 25–44. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2000.00025.x>
- Singha, R., & Bhattacharjee, A. (2016). A Search of Different Maladjusted Behaviours of Adolescents Inside and Outside of Classroom and The Causal Factors That Are Responsible for Their Behaviours. *International Journal of Research in Social Sciences*, 6 (9), 435–444.

Информация об авторах

Светлана Дзахотовна Гуриева – заведующий кафедрой социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

Максим Михайлович Защиринский – аспирант факультета психологии и философии человека, кафедра психотравматологии, АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского».

About the authors

Svetlana D. Gurieva – Head of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Dr. Sci. (Psy.), Professor.

Maksim M. Zashchirinskii – Postgraduate of the Faculty of Psychology and Human Philosophy, Department of Psychotraumatology, Russian Christian Academy for the Humanities named after F.M. Dostoevsky.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 12.05.2025

Одобрена после рецензирования 09.06.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted May 12, 2025

Approved after reviewing June 09, 2025

Accepted July 28, 2025

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-326-334

О состоянии программ профилактики буллинга (кибербуллинга) среди детей подросткового возраста

Кирилл Радикович Кирушин

Набережночелнинский государственный педагогический университет
(Набережные Челны, Россия)

k.kirushin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8958-3673

Джуанна Суреновна Нагапетян

Набережночелнинский государственный педагогический университет
(Набережные Челны, Россия)

nagapetan15@mail.ru

ORCID: 0009-0008-7816-8782

Аннотация

Введение. В современных реалиях проблема буллинга занимает важное место в системе образования, требуя незамедлительного решения со стороны субъектов, непосредственно связанных с образовательным процессом, психолого-педагогическим сопровождением, профилактикой (предупреждением) преступных деяний. В данной работе исследуются программы профилактики буллинга (кибербуллинга), скулшутинга на примере трудов отечественных и зарубежных ученых. Значительную часть работы занимает анализ программ профилактики буллинга (кибербуллинга), скулшутинга среди обучающихся среднего общего образования, на основе которых выделяются различные подходы к решению проблемы. По результатам проведенного исследования были обобщены наиболее эффективные реализуемые практики. В современной России вопрос формирования атмосферы неприятия в отношении буллинга является одной из ключевых задач государства. Так, система недопущения проявления идей экстремизма и терроризма на уровне образовательных организаций требует дальнейшего совершенствования в целях повышения эффективности деятельности таких профилактических мер. **Методы.** Исследование базируется на изучении трудов отечественных и зарубежных ученых, научных публикаций, посвященных буллингу в системе образования. **Результаты исследования.** Выявлено, что в образовательных организациях необходим комплексный подход, основанный на взаимодействии всех участников образовательного процесса. Обоснована необходимость создания безопасной образовательной среды.

Ключевые слова

буллинг, кибербуллинг, скулшутинг, среднее общее образование, образовательная организация, обучающиеся, профилактика, рабочая программа

Для цитирования: Кирушин, К. Р., Нагапетян, Д. С. (2025). О состоянии программ профилактики буллинга (кибербуллинга) среди детей подросткового возраста. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 326–334. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-326-334.

Original paper

The state of prevention programmes for bullying (cyberbullying) among adolescent children

Kirill R. Kirushin

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
(Naberezhnye Chelny, Russia)
k.kirushin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8958-3673**Juanna S. Nagapetyan**

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
(Naberezhnye Chelny, Russia)
nagapetan15@mail.ru

ORCID: 0009-0008-7816-8782

Abstract

Introduction. In modern realities the problem of bullying has an important place in the educational system, requiring immediate solution by the subjects directly related to the educational process, psychological and pedagogical support, prevention of criminal acts. This research examines the prevention programmes of bullying (cyberbullying), school shooting using the example of works of national and foreign scientists. A significant part of the study is devoted to the analysis of programmes for the prevention of bullying (cyberbullying) and school shooting among students of secondary general education. Different approaches to solving the problem are highlighted based on these programmes. According to the results of the study, the most effective practices were summarised. In modern Russia, the issue of creating an atmosphere of rejection towards bullying is one of the key tasks of the state. Thus, the system of preventing the manifestations of ideas of extremism and terrorism at the level of educational organisations requires further improvement in order to increase the effectiveness of such preventive measures. **Methods.** The research is based on the study of works of national and foreign scientists, scientific publications devoted to bullying in the education system. **Research results.** It is revealed that educational organisations need a comprehensive approach based on the interaction of all participants of the educational process. The necessity of creating a safe educational environment is substantiated.

Keywords

bullying, cyberbullying, school shooting, secondary general education, educational organisation, students, prevention, work programme

For citation: Kirushin, K. R., Nagapetyan, Ju. S. (2025). The state of prevention programmes for bullying (cyberbullying) among adolescent children. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 326–334. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-326-334.

Введение

В современных реалиях проблема буллинга занимает важное место в системе образования и требует незамедлительного решения со стороны субъектов, непосредственно связанных с образовательным процессом, психолого-педагогическим сопровождением, профилактикой (предупреждением) преступных деяний. Следует отметить, что буллинг (кибербуллинг), склуштинг являются социально значимой проблемой, воспринимаемой в качестве действий,

способных напугать, унижить и (или) иным образом негативно воздействовать на человека любым способом. В современной России вопрос формирования атмосферы неприятия в отношении буллинга является одной из ключевых задач государства. Так, система недопущения проявлений идей экстремизма и терроризма на уровне образовательных организаций требует дальнейшего совершенствования в целях повышения эффективности деятельности таких профилактических мер.

Обсуждение проблемы детского буллинга

С января по сентябрь 2024 г. в аппарат Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка поступило свыше 240 обращений о детской травле, о чем сообщила детский омбудсмен М. А. Львова-Белова. В ходе презентации результатов всероссийского социологического исследования по вопросам безопасности детства она отметила рост обращений, а также зарегистрированных случаев буллинга в детских садах¹. Ранее Л. П. Фальковской было направлено методическое письмо от 30 июня 2023 г. № 07-3646, в котором Министерством просвещения Российской Федерации предложены рекомендации по проведению в образовательных организациях профилактических мероприятий². На основе рекомендаций каждая организация вправе разработать индивидуальную программу профилактики деструктивного поведения среди учащихся средних общеобразовательных учреждений.

Эта проблема была предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. Особенности реализации политики, направленной на недопущение проявлений буллинга (включая скулшутинг и кибербуллинг), отражены в работах таких ученых, как И. А. Ерина, В. А. Бузни, А. А. Корж, А. А. Бочавер, К. Д. Хломов, О. А. Сластихина, Ю. Н. Желонкина и др. Так, И. А. Ерина, В. А. Бузни и А. А. Корж утверждают, что школа для ребенка в определенный период становится значимым местом в их жизни. В школе ребенок получает первый опыт реализации накопленных личностных качеств, однако для формирования яркого имиджа подростки склонны к деструктивному поведению, выраженному в виде травли по отношению к сверстникам, стремясь утвердиться в обществе, демонстрируют свое превосходство. Одну из причин такого поведения авторы видят в детских психологических травмах, ведущих к неприятию себя в социальной группе (Ерина, Бузни, Корж, 2021). А. А. Бочавер и К. Д. Хломов исследовали проявление кибербуллинга среди подростков. Они отметили, что отношения между жертвой и агрессором оказывают заметное влияние на личные границы пострадавшего. Воздействие агрессора подрывает способность жертвы справляться с трудностями (Бочавер, Хломов, 2014). О. А. Сластихина, Ю. Н. Желонкина и И. О. Южакова разграничивают школьный буллинг и обычные конфликты и принуждения, определяя его как систематические и регулярные издевательства над учащимися в целях их запугивания. Действия подобного рода продолжаются в течение длительного времени, могут происходить несколько раз в неделю. В этом контексте профилактика буллинга и кибербуллинга в образовательной среде должна базироваться на комплексной системе мероприятий: во-первых, своевременном предотвращении насильственных, дискриминационных и разрушительных действий со стороны агрессоров, во-вторых, формировании атмосферы неприятия идеи буллинга (включая кибербуллинг) среди подростков. Эта система должна быть направлена на создание

¹ Львова-Белова, М. А. (2024, 23 сентября). Более 240 обращений о детской травле поступило за 2024 год. *Национальная служба новостей*. URL: <https://nnsn.fm/society/lvova-belova-bolee-240-obraschenii-o-detskoj-travle-postupilo-za-2024-god>

² Фальковская, Л. П. (2021). *Рекомендации по проведению в образовательных организациях с обучающимися профилактических мероприятий, направленных на формирование у них позитивного мышления, принципов здорового образа жизни, предупреждение суицидального поведения*. URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minprosvescheniya-Rossii-ot-30.06.2021-N-07-3586/>

условий для здоровой социальной среды и психологической поддержки учащихся (Сластихина, Желонкина, Южакова, 2019).

Исследование состояния программ профилактики буллинга, кибербуллинга и скулшутинга в общеобразовательных организациях

Причина действий, связанных с проявлением актов агрессии в среде школьников, заключается в устранении основных (неравенство, дискриминация и экономические факторы) и второстепенных (личные конфликты, коммуникативные проблемы и другие) причин возникновения остроконфликтных ситуаций и форм насилия в образовательной среде (в частности, в школе). В настоящее время в системе образования освоено несколько моделей профилактики девиантного поведения: психолого-педагогическая, социально-педагогическая, социальная и медико-психологическая модели. В связи с этим актуальной становится разработка в общеобразовательных организациях программ предупреждения, направленных на учет специфики учебного плана различных категорий (например, общеобразовательная организация с углубленным изучением отдельных предметов, кадетская школа, школа-интернат и т. п.). Нами проанализированы программы профилактики буллинга, кибербуллинга и скулшутинга, разработанные для общеобразовательных организаций за последние три года (с 2022 г. по 2024 г.). В ходе выборки было исследовано 107 программ, из которых мы представляем выборочно по три программы на каждый учебный год (2021–2022, 2022–2023, 2023–2024 гг.) (таблица 1).

Таблица 1. Анализ программ профилактики буллинга, кибербуллинга и скулшутинга, разработанные для общеобразовательных организаций за последние годы

Table 1. Analysis of bullying, cyberbullying and school shooting prevention programmes developed for general education institutions in recent years

№	Название населенного пункта	Год	Название программы	Содержание программы
1.	Приморский край г. Находка	2021– 2022 гг.	Каждый важен	Главная цель данной программы заключается в формировании глубокого понимания прав и обязанностей человека, а также правил безопасного поведения. При этом не менее важным аспектом является повышение ответственности родителей за противоправные действия их детей. Важнейшими задачами программы являются предотвращение всех видов насилия над детьми и усиление взаимодействия с родителями ³ .
2.	п. Прибрежный	2022 г.	Программа профилактики насилия и буллинга в образовательной организации	Целью настоящей работы является соблюдение прав и интересов детей в целях профилактики насилия и буллинга (кибербуллинга), скулшутинга. Для выполнения данной задачи необходимо создать условия для воспитания и улучшить самооценку обучающихся, а также оказать социальную, психологическую, педагогическую поддержку и помощь ученикам, подвергшимся травле. Эти задачи могут быть выполнены при формировании неприятия к насилию в общественном сознании ⁴ .

³ Беляева, Л. Н. (2021). *Рабочая программа профилактики буллинга «Каждый важен»*. Находка: Изд-во МАОУ «СОШ № 23».

⁴ Оводнева, М. М. (2022). *Программа профилактики насилия и буллинга в образовательной организации*. Братск: Изд-во МКОУ «Илирская средняя общеобразовательная школа № 2».

№	Название населенного пункта	Год	Название программы	Содержание программы
3.	с. Константиновка, Амурская область	2022 г.	Мы вместе	Главной целью этой программы является создание специальных условий для профилактики буллинга (кибербуллинга), скулшутинга. Необходимо выявить обучающихся, которые находятся в группе риска, создать психолого-педагогические условия для формирования сплоченности в таких группах. Результатом данных действий должно стать снижение количества возникающих конфликтных ситуаций и ситуаций травли ⁵ .
4.	г. Енисейск	2022 г.	Программа по профилактике буллинга, кибербуллинга, агрессии, жестокого обращения среди обучающихся	Важной целью данной программы является профилактика буллинга (кибербуллинга), агрессии и жестокости в школьной среде. Для реализации цели необходимо расширить знания несовершеннолетних лиц о способах выхода из конфликтных ситуаций, улучшить межличностные и межгрупповые отношения. В содержании программы отражается необходимость осведомленности законных представителей (родителей) в вопросе профилактики таким явлениям, как буллинг (кибербуллинг, скулшутинг). Ожидаемым результатом является повышение ответственности за принятия решений и свои действия. Также важно развитие навыков самоконтроля ⁶ .
5.	г. Сызрань	2023 г.	Программа по профилактике буллинга среди несовершеннолетних	Программа направлена на формирование у обучающихся представлений о правах человека и правилах поведения. Для реализации цели необходимо расширить знания несовершеннолетних лиц о способах выхода из конфликтных ситуаций. Вместе с тем возникает необходимость доведения обучающимся информации о последствиях буллинга (кибербуллинга, скулшутинга) для предотвращения данных явлений возникает необходимость во взаимодействии с законными представителями (родителями), а также подчеркивается важность сотрудничества с правоохранительными органами, органами здравоохранения, органами опеки и другими ⁷ .
6.	п. Тельма	2023 г.	Травли НЕТ!	Целями данной программы является повышение информированности в сфере (кибербуллинга), скулшутинга и необходимость участия законных представителей (родителей) или опекунов. Данные мероприятия необходимы для решения следующих задач: профилактика насилия над обучающимися дома и вне него, уделяется внимание необходимости сотрудничества с правоохранительными органами ⁸ .

⁵ Чепурна, Е. П. (2022). *Программа по профилактике буллинга в подростковой среде «Мы вместе»*. Рыбинск: Изд-во МБОУ «Константиновская средняя школа Тутаевского муниципального района».

⁶ Тараторкина, С. В. (2022). *Программа «Профилактика буллинга, кибербуллинга, агрессии, жестокого обращения среди обучающихся»*. Енисейск: Изд-во МБОУ «Средняя школа № 3 имени А. Н. Першиной».

⁷ Лопатина, Е. А. (2023). *Программа по профилактике буллинга среди несовершеннолетних*. Сызрань: Изд-во ГБОУ «СОШ № 21» им. кавалера мужества В. С. Бараева.

⁸ Бархатова, Т. А. (2023). *Рабочая программа по профилактике буллинга «Травли НЕТ!»*. Тельма: Изд-во МБОУ «Тельминская средняя общеобразовательная школа».

№	Название населенного пункта	Год	Название программы	Содержание программы
7.	г. Заинск	2023 г.	Программа по профилактике травли (буллинга) среди несовершеннолетних	Программа применяется в сфере профилактики кибербуллинга, скулшутинга несовершеннолетних лиц. Основная цель – создание благоприятных условий для развития ребенка и сохранения его здоровья. Основными задачами программы являются профилактика всех форм насилия над несовершеннолетними, организация совместной работы с законными представителями (родителями) и педагогами образовательного учреждения по вопросам профилактики буллинга в подростковой среде, а также обучение навыкам мирного разрешения конфликтов ⁹ .
8.	г. Брянск	2024 г.	Противодействие и профилактика буллинга	Программа направлена на профилактику буллинга (кибербуллинга), скулшутинга среди несовершеннолетних в школе. Особое внимание уделяется вопросам сохранения психологического здоровья обучающихся. Основные задачи: способствовать нормализации эмоционального и психического состояния несовершеннолетнего лица ¹⁰ .
9.	Малый Толкай	2024 г.	Программа по профилактике буллинга, кибербуллинга, агрессии, жестокого обращения среди обучающихся	Цель данной работы заключается в сохранении физического и эмоционального здоровья ребенка, а также в формировании отрицательного отношения к различным проявлениям насилия в образовательном процессе. Задачи данной программы: формирование умений безболезненного выхода из кризисных ситуаций, оптимизация отношений к последним, обучение навыкам самоконтроля. Ожидаемым результатом является сплочение всех лиц, участвующих в образовательном процессе ¹¹ .
10.	г. Санкт-Петербург	2024 г.	Профилактика явлений буллинга и кибербуллинга	Цель направлена на профилактику буллинга (кибербуллинга), скулшутинга среди обучающихся 1–11 классов, создание условий для сплочения классного коллектива, а также физического, психологического здоровья несовершеннолетних лиц, повышение уровня кибербезопасности, в т. ч. безопасности в социальных сетях. Основные задачи: профилактика всех форм насилия, оптимизация межличностных отношений, развитие эмпатии ¹² .

Программы профилактики буллинга среди несовершеннолетних, представленные в таблице, свидетельствуют о комплексном подходе в ходе их разработки. Комплексность проявляется в отражении взаимодействия субъектов, вовлеченных в процесс недопущения распространения идей буллинга (кибербуллинга), скулшутинга в образовательных организациях (например, взаимодействие психолого-педагогической службы, правоохранительных органов

⁹ Маркина, В. А. (2023). *Программа профилактики травли (буллинга) среди несовершеннолетних на 2023-2024 учебный год*. Заинск: Изд-во МБОУ «Заинская средняя общеобразовательная школа № 2».

¹⁰ Мальченков, К. Ф. (2024). *План работы по профилактике буллинга среди обучающихся*. Брянск: Изд-во МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 63».

¹¹ Станина, О. Н, Аслгареева, Т. В. (2024). *Программа по профилактике буллинга, кибербуллинга, агрессии, жестокого обращения среди обучающихся*. С. Малый Толкай: Изд-во ГБОУ «Школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья».

¹² Карягин, С. Н. (2024). *План мероприятий по профилактике явлений буллинга и кибербуллинга*. Санкт-Петербург: Изд-во ГБОУ «СОШ № 203».

и органов опеки и попечительства и т. п.). В данной таблице отражается сводный вариант программ профилактики буллинга в образовательных организациях различных населенных пунктов России за период с 2021 г. по 2024 г. Общие цели исследованных программ профилактики буллинга (кибербуллинга), скулшутинга направлены на создание безопасной обстановки для обучающихся, информирование родителей и обучающихся о последствиях травли, а также предусматривают работу с детьми, склонными к девиантному (негативные проявления) или делинквентному поведению. На основе имеющихся данных может быть выработан индивидуальный подход в отношении обучающихся, находящихся в группе риска, и стратегия, направленная на адаптацию обучающихся. Другим рассматриваемым элементом являются отношения с законными представителями (родителями), которые должны подвергаться мониторингу в целях пресечения домашнего насилия и поддержания положительной психоэмоциональной атмосферы ребенка.

Заключение

Исследование показало, что все программы направлены на снижение уровня агрессии и развитие у обучающихся навыков общения в целях профилактики буллинга, кибербуллинга и скулшутинга. В качестве средств (методов) работы в этом направлении можно выделить привлечение всех заинтересованных субъектов образовательной деятельности (законные представители (родители), педагогические работники, правоохранительные органы и т. п.). Условия для сформированности у обучающихся адекватного отношения к человеку и его недостаткам должны определяться каждой образовательной организацией в зависимости от реализуемых учебных планов, что отражает специфику образовательных организаций (к примеру, кадетская школа, школа-интернат и др.). Программы профилактики подтверждают необходимость индивидуального подхода к детям, находящимся в группе риска. Особое внимание должно уделяться адаптации вновь пришедших обучающихся и работе с делинквентными подростками. Это, в свою очередь, может быть отражено на сформированности дополнительных трудовых функций педагога-психолога общеобразовательной организации. Также это может потребовать обновления содержания образовательных программ в их вариативной части и календарного плана мероприятий, связанных с взаимодействием заинтересованных субъектов, занимающихся вопросом противодействия буллингу (кибербуллингу), скулшутингу. Важно вовлекать в общественно-полезный труд обучающихся из группы риска (например, приобщение к акциям памяти, участие в волонтерской деятельности и др.). Благодаря предлагаемым вводимым мерам можно наблюдать последующую минимизацию возможных рисков на этапе вторичной (не менее значимой) социализации в моменте становления личности подростков.

Список литературы

- Баталов, Д. Р. (2024). *Воспитательная среда общеобразовательной организации как средство профилактики буллинга среди младших школьников*: дис. ... канд. пед. наук. Москва.
- Башмакова, Е. А., Дегтярев, Е. А. (2021). Факторы и социальные причины буллинга и кибербуллинга в подростковом возрасте. *Проблемы современного педагогического образования*, 71-1, 36–38.
- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2014). Кибербулинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11 (3), 177–191.
- Даниелян, З. В. (2021). Информационная культура учителя как фактор профилактики подросткового кибербуллинга. *Казанский педагогический журнал*, 1 (144), 64–70.
- Ерина, И. А., Бузни, В. А., Корж, А. А. (2021). Буллинг и пути его профилактики в образовательной практике. *Мир науки, культуры, образования*, 1 (86), 81–83.

- Испулова, С. Н. и др. (2023). Социально-педагогическая профилактика кибербуллинга в подростковой среде. *Современное педагогическое образование*, 7, 65–69.
- Семенова, Н. Б. (2023). Буллинг и кибербуллинг в подростковой среде: распространенность, методы запугивания, ролевое поведение участников. *Здравоохранение Российской Федерации*, 67 (4), 313–319.
- Сластихина, О. А., Желонкина, Ю. Н., Южакова, И. О. (2019). Буллинг в школьной среде и его профилактика. *Проблемы современного педагогического образования*, 64-1, 358–362.
- Шабанова, Т. Л. и др. (2019). Психологическое насилие во взаимоотношениях подростков в школе: формы проявления и способы защиты. *Нижегородский психологический альманах*, 1 (2), 167–177.
- Espelage, D. L., & Swearer, S. M. (2010). *Bullying in North American Schools*, 2nd Ed. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203842898>
- Olweus, D. (1993). *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Rigby, K. (2007). *Bullying in Schools: And What to Do About It*. London: Jessica Kingsley Publishers.
- Salmivalli, C., Lagerspetz, K., Björkqvist, K., Österman, K., & Kaukiainen, A. (1996). Bullying as a Group Process: Participant Roles and Their Relations to Social Status Within the Group. *Aggressive Behavior*, 22 (1), 1–15. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1098-2337\(1996\)22:1<::AID-AB1>3.0.CO;2-T](https://doi.org/10.1002/(SICI)1098-2337(1996)22:1<::AID-AB1>3.0.CO;2-T)
- Smith, P. K. (2014). *Understanding School Bullying: Its Nature and Prevention Strategies*. London: SAGE Publications.

References

- Batalov, D. R. (2024). *Vospitatel'naya sreda obshcheobrazovatel'noj organizacii kak sredstvo profilaktiki bullinga sredi mladshih shkol'nikov*: dis. ... kand. ped. nauk. Moskva.
- Bashmakova, E. A., Degtyarev, E. A. (2021). Faktory i social'nye prichiny bullinga i kiberbullinga v podrostkovom vozraste. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 71-1, 36–38.
- Bochaver, A. A., Hlomov, K. D. (2014). Kiberbuling: travlya v prostranstve sovremennyh tekhnologij. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*, 11 (3), 177–191.
- Danielyan, Z. V. (2021). Informacionnaya kul'tura uchitelya kak faktor profilaktiki podrostkovogo kiberbullinga. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 1 (144), 64–70.
- Erina, I. A., Buzni, V. A., Korzh, A. A. (2021). Bulling i puti ego profilaktiki v obrazovatel'noj praktike. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1 (86), 81–83.
- Ispulova, S. N. i dr. (2023). Social'no-pedagogicheskaya profilaktika kiberbullinga v podrostkovoj srede. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 7, 65–69.
- Semenova, N. B. (2023). Bulling i kiberbuling v podrostkovoj srede: rasprostranennost', metody zapugivaniya, rolevoe povedenie uchastnikov. *Zdravoohranenie Rossijskoj Federacii*, 67 (4), 313–319.
- Slastihina, O. A., Zhelonkina, YU. N., YUzhakova, I. O. (2019). Bulling v shkol'noj srede i ego profilaktika. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 64-1, 358–362.
- Shabanova, T. L. i dr. (2019). Psihologicheskoe nasilie vo vzaimootnosheniyah podrostkov v shkole: formy proyavleniya i sposoby zashchity. *Nizhegorodskij psihologicheskij al'manah*, 1 (2), 167–177.
- Espelage, D. L., & Swearer, S. M. (2010). *Bullying in North American Schools*, 2nd Ed. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203842898>
- Olweus, D. (1993). *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell Publishing.

- Rigby, K. (2007). *Bullying in Schools: And What to Do About It*. London: Jessica Kingsley Publishers.
- Salmivalli, C., Lagerspetz, K., Björkqvist, K., Österman, K., & Kaukiainen, A. (1996). Bullying as a Group Process: Participant Roles and Their Relations to Social Status Within the Group. *Aggressive Behavior*, 22 (1), 1–15. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1098-2337\(1996\)22:1<1::AID-AB1>3.0.CO;2-T](https://doi.org/10.1002/(SICI)1098-2337(1996)22:1<1::AID-AB1>3.0.CO;2-T)
- Smith, P. K. (2014). *Understanding School Bullying: Its Nature and Prevention Strategies*. London: SAGE Publications.

Информация об авторах

Кирилл Радикович Кирушин – старший преподаватель кафедры истории, географии и методики их преподавания Набережночелнинского государственного педагогического университета.

Джуанна Суреновна Нагапетян – аспирант Набережночелнинского государственного педагогического университета.

About the authors

Kirill R. Kirushin – Senior lecturer at the Department of History, Geography and Methods of Teaching at Naberezhnye Chelny State Pedagogical University.

Juanna S. Nagapetyan – Postgraduate student of Naberezhnochelninsk State Pedagogical University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 24.03.2025

Одобрена после рецензирования 15.06.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted March 24, 2025

Approved after reviewing June 15, 2025

Accepted July 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 159.9.015

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-335-345

Профилактика деструктивного поведения подростков

Мария Николаевна Кузнецова

Челябинский государственный университет

(Челябинск, Россия)

manechka.ku@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8981-5481

Лидия Сергеевна Рычкова

Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

(Челябинск, Россия)

rychkovaly@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7280-0723

Аннотация

Введение. Деструктивное поведение подростков представляет актуальную проблему современного общества, оказывающую негативное влияние на их развитие, социальную адаптацию и безопасность окружающих. Актуальность профилактики деструктивного поведения подростков обусловлена тем, что в современном российском обществе подобное поведение молодежи становится массовым явлением. В перечень деструктивного поведения входят конфликты с применением физической силы, употребление психоактивных веществ, случаи травли и насилия, попытки суицида, нахождение подростка в запрещенных деструктивных субкультурах и интернет-сообществах. В статье рассматриваются современные подходы и методы профилактики такого поведения, а также анализируются их эффективность и возможности внедрения в практическую деятельность. Представлены рекомендации, подготовленные в целях использования наиболее эффективных и рациональных вариантов способов реагирования и взаимодействия психологов, педагогов, родителей с подростками для профилактики деструктивного поведения. **Методы исследования.** Теоретический анализ психолого-педагогической литературы по теме исследования, психодиагностические методики. **Результаты исследования.** Разработанная профилактическая модель по преодолению деструктивного поведения может широко использоваться в практике психологов и педагогов образовательных учреждений, что значительно повысит эффективность мероприятий, так как учитывает личностные особенности, социально-психологические предикторы (макро- и микросоциальные), а также типы деструктивного поведения.

Ключевые слова

деструктивное поведение, подростки, профилактика деструктивного поведения, рекомендации по преодолению деструктивного поведения

Для цитирования: Кузнецова, М. Н., Рычкова, Л. С. (2025). Профилактика деструктивного поведения подростков. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 335–345. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-335-345.

Original paper

Prevention of destructive behavior of adolescents

Maria N. Kuznetsova

Chelyabinsk State University

(Chelyabinsk, Russia)

manechka.ku@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8981-5481**Lydia S. Rychkova**

South Ural State University (NIU)

(Chelyabinsk, Russia)

rychkovaly@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7280-0723

Abstract

Introduction. The destructive behavior of adolescents is an urgent problem of modern society, which has a negative impact on their development, social adaptation and the safety of others. The relevance of preventing destructive behavior of adolescents is due to the fact that in modern Russian society such behavior of young people is becoming a mass phenomenon. The list of destructive behavior includes conflicts with the use of physical force, the use of psychoactive substances, bullying and violence, suicide attempts, and the presence of teenagers in prohibited destructive subcultures and Internet communities. The article deals with modern approaches and methods of prevention of such behavior, as well as analyses their effectiveness and possibilities of implementation in practice. The article also presents recommendations prepared in order to use the most effective and rational options of response methods and interaction of psychologists, teachers, parents with adolescents to prevent destructive behavior. **Research methods.** The author used the theoretical analysis of psychological and pedagogical literature on the subject of research and psychodiagnostic techniques. **Results.** The developed preventive model for destructive behavior can be widely used in the practice of psychologists and teachers of educational institutions, thus significantly increasing the effectiveness of measures, as it takes into account personal characteristics, socio-psychological predictors (macro- and microsocial), as well as types of destructive behavior.

Keywords

destructive behavior, teenagers, prevention of destructive behavior, recommendations for overcoming destructive behavior

For citation: Kuznetsova, M. N., Rychkova, L. S. (2025). Prevention of destructive behavior of adolescents. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 335–345. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-335-345.

Введение

В подростковом возрасте ребенок переживает ряд психологических и физиологических изменений, в результате чего становится уязвимым для различных негативных социальных воздействий. Данный период развития характеризуется активным формированием системы ценностей, индивидуальности и самооценки подростка, его жизненных принципов и ориентиров. Процесс становления личности в подростковом возрасте не всегда осуществляется гладко, часто подросток переживает различные психологические трудности в социуме (Исаева, Волкова, Акимова, 2022).

Поскольку ведущей деятельностью в подростковом возрасте является межличностное общение, то в этот период для подростка свойственна некая переориентация общения со сверстниками, учителями, родителями. Подросток, как правило, остро реагирует на отвержение, неприятие и обесценивание сверстниками, что может спровоцировать у него негативные, деструктивные реакции. Подобное деструктивное поведение проявляется в виде вербальной и физической агрессии, аутоагрессии, асоциальных проявлениях (вандализм, нарушение принятых норм поведения в обществе) и различных форм зависимостей. Деструктивные проявления могут негативно влиять как на самого подростка, так и на его отношения с социальным окружением. Это обуславливает актуальность и значимость проблемы профилактики деструктивного поведения подростка (Бардышевская, 2022).

Профилактика деструктивного поведения подростков является комплексной и включает особенности типов данного поведения и личностные особенности подростка. Профилактическое взаимодействие с подростком осуществляется через учителей, психологов и родителей, что позволяет сформировать у подростка навыки и стратегии конструктивного взаимодействия с окружающим социумом (Горьковая, 2020).

Важно отметить, что в этот период для подростка важен позитивный опыт социального взаимодействия в его ближайшем окружении. Такой опыт позволяет подростку успешно адаптироваться к изменяющимся условиям, преодолевая возникшие трудности и конфликтные ситуации. И, наоборот, при отсутствии такого опыта подросток вынужден самостоятельно искать возможности разрешения сложных ситуаций, что может привести как положительным, так и к негативным последствиям. Дефицит конструктивного опыта грозит проявлениями физической, предметной и вербальной агрессии, нарушением установленных норм и правил поведения в обществе или аутоагрессии (Абдурахманова, 2020).

Деструктивное поведение подростков наиболее ярко проявляется в кризисных ситуациях, когда социум отвергает, игнорирует подростка, не принимая его потребности, интересы, желания. Деструктивные паттерны поведения коррелируют с нарушениями в системе межличностных отношений, включая семейные, образовательные и социальные связи. Традиционно семья и школа считались ключевыми институтами социализации и адаптации личности, однако в современных условиях они могут утрачивать свои воспитательные функции, становясь потенциальными предикторами деструктивного поведения (March et al., 2020).

Методы исследования

Для эмпирического исследования использовался следующий комплекс диагностических методик: «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел) (2002); методика изучения родительских установок – Parental Attitude Research Instrument – PARI (Е. С. Шефер, Р. К. Белл, адаптирована Т. В. Нещерет) (1998); методика «Шкала семейного окружения» (ШСО) (Р. Х. Мус, адаптирована С. Ю. Куприяновой) (1985); тест «Подростки о родителях» ADOR (автор Е. Шафер, модифицирован З. Матейчиком и П. Ржичаном) (1983); методика «Самооценка личности» (О. И. Мотков) (2003); опросник агрессивности (Л. Г. Почебут) (2003); оценка отношений подростка с классом (Л. А. Головей, О. Р. Рыбалко) (2002); методика исследования акцентуаций характера (Г. Шмишек) (1970).

Результаты исследования

Для определения типов деструктивного поведения личности применялся кластерный анализ (кластеризация К-средними). Для кластерного анализа была выбрана группа испытуемых

Таблица 1. Результаты распределения характеристик деструктивного поведения по трем кластерам (средние значения)

Table 1. Results of the distribution of destructive behaviour characteristics by three clusters (average values)

Параметр	Кластер 1 (асоциальный тип)	Кластер 2 (аутодеструк. тип)	Кластер 3 (аффективный тип)	P
Склонность к преодолению норм и правил	61,10	47,70	52,30	0,001
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	46,00	57,30	51,20	0,001
Склонность к агрессии и насилию	63,20	55,33	51,10	0,001
Волевой контроль эмоциональных реакций	41,33	57,60	62,40	0,001
Подавление агрессивности	9,67	12,70	10,02	0,001
Враждебность матери	3,03	4,50	3,80	0,001
Сверхавторитет родителей	17,67	15,70	12,70	0,00
Коллективистический тип восприятия группы	5,02	4,22	4,54	0,001
Индивидуалистический тип восприятия группы	4,20	5,10	4,32	0,001
Прагматический тип восприятия группы	4,78	4,68	5,14	0,001
Гипертимность	23,20	19,30	21,10	0,002
Педантичность	18,87	23,70	20,01	0,003
Эмотивность	18,98	21,01	23,97	0,002
Возбудимость	23,89	17,01	21,32	0,002
Демонстративность	18,89	17,03	23,74	0,003
Вербальная агрессия	6,50	5,10	5,80	0,001
Физическая агрессия	7,30	5,90	6,05	0,001
Предметная агрессия	5,60	4,67	6,90	0,002
Эмоциональная агрессия	3,67	5,50	6,80	0,001
Самоагрессия	4,30	7,20	6,20	0,002
Участие в жизнедеятельности школы	1,80	2,33	2,50	0,002
Причастность к коллективу	1,70	2,67	3,10	0,002

с высокой склонностью к деструктивному поведению (134 человека, из них 85 девочек и 49 мальчиков, в возрасте от 10 до 18 лет). Результаты, представленные в таблице 1, позволили определить три типа деструктивного поведения подростка: асоциальный, аутодеструктивный, аффективный. Рассмотрим каждый тип отдельно.

Асоциальный тип деструктивного поведения характеризуется следующими параметрами: склонностью к агрессии и насилию; нарушением социальных норм и правил; авторитарным стилем воспитания, подавляющим эмоционально-волевую сферу подростка;

коллективистическими тенденциями в группе, используемыми для достижения личных целей; а также отчуждением от коллектива. К данному типу относятся также гипертимный темперамент, повышенная возбудимость, вербальная и физическая агрессия.

Подростки с выраженной склонностью к асоциальному деструктивному поведению часто демонстрируют вербальную агрессию, выражающуюся в эмоционально-выразительных интонациях (крик), словесных оскорблениях и угрозах, проявлениях недовольства. Для них характерны импульсивность, вспыльчивость и недостаточная эмоциональная регуляция поведенческих реакций. В отсутствие контроля вербальная агрессия может трансформироваться в физическую и предметную, включая акты насилия, такие как удары, избиения и истязания, акты вандализма, нанесение ущерба материальным предметам.

Асоциальный тип деструктивного поведения подростка характеризуется также такими проявлениями, как нарушение принятых социальных норм в семье, школе и обществе. Подросток может отрицать или отвергать принятые модели поведения и традиционные ценности общества.

В семье подростки с асоциальным поведением демонстрируют дефицит внимания и авторитета родителей, недоверие к родителям. Если родители склонны к авторитарному или попустительскому стилю воспитания, это подавляет эмоционально-волевую сферу подростка, ограничивая его свободу и самовыражение.

В школе подросток с асоциальным типом деструктивного поведения чаще всего использует сверстников для достижения и реализации личных целей и интересов. Такое поведение способно провоцировать конфликтные ситуации в классе как с учителями, так и со сверстниками. Подросток с таким типом поведения порой специально нарушает и игнорирует принятые в социуме нормы и правила, причем его действия могут выражаться как в активной, так и в пассивной форме.

Таким образом, асоциальный тип деструктивного поведения подростка характеризуется следующими проявлениями: агрессивностью (вербальной, физической), игнорированием и нарушением социальных норм и правил, вспыльчивостью, склонностью к негативной активности и повышенной общительности.

Аутодеструктивный тип деструктивного поведения подростка характеризуется следующими параметрами: склонностью к самоповреждающему и саморазрушительному поведению; неэффективным подавлением агрессивности со стороны родителей, что способствует аутоагрессивным проявлениям; враждебным отношением матери к ребенку; индивидуалистическим стилем восприятия группы, затрудняющим социальное взаимодействие; педантичностью, проявляющейся в жесткости и ригидности собственной позиции.

Подростки с таким типом деструктивного поведения склонны к аутодеструктивным тенденциям и действиям, подвержены различным формам аутоагрессии и демонстрируют низкий уровень самооценки и чувства ценности собственной жизни. Аутодеструктивное поведение проявляется в виде физического вреда, направленного на себя: щипков, укусов, порезов, ушибов и ударов. В крайних случаях это приводит к суицидальным попыткам.

В семье агрессия подростков нередко подавляется родителями неконструктивными и жесткими методами, что проявляется во враждебности, грубости, чрезмерном контроле, соблюдении установленных правил. В таких условиях подростки с аутодеструктивным поведением часто демонстрируют социально приемлемое поведение, чтобы избежать наказания, скрывая и подавляя при этом свои истинные эмоции, чувства, переживания, которые впоследствии могут проявляться в виде самоповреждений.

В образовательной среде подросток с аутодеструктивным поведением может испытывать сложности при взаимодействии с одноклассниками, учителями, сверстниками. Чаще всего

такие подростки изолируются и избегают групповых взаимодействий и коллективной деятельности, что можно объяснить их восприятием коллектива, поскольку группа для них – источник конфликта и фрустрации.

Таким образом, аутодеструктивный тип поведения подростков характеризуется ригидностью и инертностью психических процессов, тревожностью, мнительностью, стремлением строго придерживаться плана, различными формами самоагрессии.

Аффективный тип деструктивного поведения подростков характеризуется следующими признаками: недостаточным контролем над эмоциональными реакциями; прагматичным восприятием социальной группы; высокой эмоциональностью; склонностью к демонстративности, а также предметно-эмоциональными формами агрессии.

Подростки с аффективным типом поведения неспособны эффективно регулировать свои эмоциональные реакции, проявляют импульсивность и необдуманность в выражении негативных эмоций через поведенческие акты. Они склонны рассматривать коллективные структуры, например школьный класс, как инструменты для достижения личных целей, и предпочитают избирательное взаимодействие с отдельными членами группы, ориентируясь на прагматическую выгоду от таких контактов.

У подростков с аффективным типом деструктивного поведения в процессе межличностного общения часто наблюдаются эмоциональное отчуждение и нарастание дистанции. Это проявляется в нанесении ущерба окружающим враждебными импульсивными действиями, совершаемыми в состоянии аффекта, без осознания возможных последствий. Чаще всего агрессия выражается в предметных формах: ударах по дверям или хлопаньем ими, повреждением стен и мебели, а также разрушением личных вещей.

Аффективный тип деструктивного поведения характеризуется сниженным уровнем контроля над эмоциональными реакциями, повышенной чувствительностью к внешним стимулам, склонностью к демонстративному поведению, потребностью в привлечении внимания и признании, импульсивностью, склонностью к притворству и лжи, легкостью в установлении поверхностных социальных контактов, а также стремлением к лидерским позициям или обладанию особым статусом в группе. Эти особенности и поведенческие реакции позволяют классифицировать данный тип как аффективный, что подчеркивает его специфику и значимость в контексте изучения деструктивного поведения.

В результате исследования была разработана профилактическая модель, направленная на работу с подростками с деструктивным поведением. Данная модель предназначена для специалистов различных профилей: психологов, педагогов и родителей (таблицы 2–4). Модель учитывает типологические особенности деструктивного поведения и представляет научно обоснованный инструментальный для его профилактики.

Ключевой аспект разработанной модели заключается в ее интегративном подходе, который обеспечивает синергетическое взаимодействие специалистов из различных областей. Это позволяет существенно повысить эффективность профилактики деструктивного поведения среди подростков, проявляющих девиантные тенденции.

Модель акцентирует внимание на разработке конкретных, научно обоснованных и рациональных методов реагирования и взаимодействия между психологами, педагогами и родителями. Эти методы направлены на создание благоприятной образовательной среды, способствующей целенаправленной профилактике деструктивного поведения.

Таким образом, представленная модель является результатом фундаментальных исследований в области психологии, педагогики и социологии, что делает ее значимой для развития методов профилактики девиантного поведения среди подростков.

Таблица 2. Рекомендации для психологов по преодолению деструктивного поведения подростка

Table 2. Recommendations for psychologists on overcoming adolescent's destructive behavior

Подросток с асоциальным типом деструктивного поведения	Подросток с аутодеструктивным типом поведения	Подросток с аффективным типом деструктивного поведения
<ul style="list-style-type: none"> Внимательно следите за проявлениями кризисных состояний у подростка, такими как повышенная тревожность, нервное напряжение, агрессия, замкнутость, угнетенное или подавленное настроение, а также повышенная возбудимость. Эти симптомы могут указывать на внутренние трудности ребенка, страдания или даже на возможное употребление наркотиков. Обращайте внимание на внезапные и значительные изменения в поведении и эмоциональном состоянии ребенка. Резкие перемены порой свидетельствуют о серьезных психических или психологических проблемах. Старайтесь создать в классе такую обстановку, в которой допущение ошибок воспринимается как естественный и нормальный процесс. Каждый человек может ошибаться, и указывать на ошибки с негативной стороны не стоит, лучше акцентировать внимание на том, что ошибки – это шаг к обучению и развитию. 	<ul style="list-style-type: none"> Важно следить за характером взаимоотношений с подростком, особенно за уровнем доверия. Жесткое обращение, игнорирование, чрезмерный контроль или, наоборот, попустительство могут негативно влиять на психологическое состояние ребенка и провоцировать деструктивные проявления. Обращайте внимание на самооценку подростка и его отношение к самому себе. Ощущения ненужности, вины и собственной ничтожности могут заставлять подростка прибегать к деструктивным способам справляться с трудными эмоциями. Поддерживайте подростка в моменты неудач, помогайте ему переживать сложные чувства – гнев, печаль, горечь, одиночество и тревогу. 	<ul style="list-style-type: none"> При взаимодействии с агрессивным подростком крайне важно, чтобы взрослые контролировали свои негативные эмоции. Сохранять спокойствие и демонстрировать уравновешенность – лучший пример для ребенка. После разрешения конфликтной ситуации обсуждайте с подростком произошедшее. Начинать разговор в момент проявления агрессии неэффективно. Старайтесь поддерживать положительный имидж подростка. Подростки особенно уязвимы к критике, наказаниям и негативным оценкам, поэтому важно снижать уровень их чувства вины: фразы типа «Ты не хотел поступать так» или «Ты просто плохо себя чувствовал» помогают смягчить восприятие.

Таблица 3. Рекомендации для педагогов по преодолению деструктивного поведения подростка

Table 3. Recommendations for educators on overcoming adolescent's destructive behavior

Подросток с асоциальным типом деструктивного поведения	Подросток с аутодеструктивным типом поведения	Подросток с аффективным типом деструктивного поведения
<ul style="list-style-type: none"> Проявляйте интерес к жизни подростка: узнавайте о его друзьях, конфликтах, взаимоотношениях с учителями и других событиях. Это поможет вовремя оказать поддержку, укрепить чувство собственной значимости и направить развитие ребенка в положительное русло. 	<ul style="list-style-type: none"> Стимулируйте у подростка стремление к достижениям, интерес к учебе, познанию и самосовершенствованию. Это поможет сформировать у него внутреннюю мотивацию к развитию и противостоять деструктивным тенденциям. Избегайте перегрузки излишней информацией, не предъявляйте чрезмерно высоких требований и адаптируйте учебные задания с учетом индивидуальных особенностей ребенка. 	<ul style="list-style-type: none"> Сохраняйте спокойствие при агрессивном поведении подростка. Если агрессия неопасна и имеет причину, важно показать, что вы понимаете чувства подростка: «Понимаю, тебе сейчас тяжело / обидно». Объясните, что происходит с ним: «Ты злишься, потому что с тобой несправедливо поступили».

Подросток с асоциальным типом деструктивного поведения	Подросток с аутодеструктивным типом поведения	Подросток с аффективным типом деструктивного поведения
<ul style="list-style-type: none"> • Вовлекайте подростка в совместную работу с взрослыми или коллективные проекты. Такой опыт поможет ребенку осознать ценность своих усилий, почувствовать значимость и научиться занимать себя полезными занятиями. • Прилагайте усилия к предотвращению и разрешению конфликтов между участниками образовательного процесса. 	<ul style="list-style-type: none"> • Используйте имя ребенка при обращении к нему; регулярно отмечайте и подчеркивайте его успехи, рассказывая о них в присутствии сверстников; не сравнивайте с другими детьми, а относите достижения или поведение с его предыдущими результатами; исключайте выражения, которые могут задеть достоинство ребенка. 	<ul style="list-style-type: none"> • Если подросток успокоился, предложите сделать что-то вместе, чтобы переключить внимание и восстановить контакт: «Давай вместе попробуем решить задачу» или «Помоги мне с уборкой / организацией материалов».

Таблица 4. Рекомендации для родителей по преодолению деструктивного поведения подростка

Table 4. Recommendations for parents on overcoming a teenager's destructive behavior

Подросток с асоциальным типом деструктивного поведения	Подросток с аутодеструктивным типом поведения	Подросток с аффективным типом деструктивного поведения
<ul style="list-style-type: none"> • Следите за фактами, которые могут указывать на негативные контакты ребенка или его стремление к общению с деструктивными личностями (например, интерес к темам насилия, целенаправленный сбор информации о негативных проявлениях, общение с сомнительной компанией). • Обращайте внимание на увлечения и досуг ребенка. Наличие разнообразных конструктивных хобби – хороший знак, а отсутствие постоянных интересов или много свободного времени без контроля могут быть поводом для беспокойства, особенно если увлечения связаны с деструктивными действиями. • Особое внимание уделяйте эмоциональному состоянию ребенка в периоды семейных кризисов. Отсутствие понимания и поддержки может привести к тому, что подросток будет искать помощь у посторонних, включая лидеров деструктивных группировок или негативных авторитетов. 	<ul style="list-style-type: none"> • Установление теплого и доверительного эмоционального контакта с ребенком, а также внимательное и ответственное отношение к нему – ключевые факторы в предотвращении деструктивного поведения. • Проявляйте активный интерес и контролируйте, как ребенок проводит время в интернете и социальных сетях. Это поможет вовремя обнаружить и нейтрализовать негативное воздействие со стороны внешних источников. • Демонстрируйте собственным примером уважительное отношение к себе и окружающим, чтобы ребенок мог перенять эти ценности. • Обращайте внимание на длительные семейные конфликты и старайтесь защитить ребенка от участия в них. Поскольку ребенок одновременно испытывает злость и любовь, находясь в ситуации беспомощности, он может искать выход через рискованное поведение (например, суицидальные попытки, вызов окружающим, асоциальные поступки или жестокость). 	<ul style="list-style-type: none"> • Демонстрируйте подростку своим поведением, как правильно выражать эмоции. Избегайте проявления гнева и негативных комментариев о знакомых или коллегах в его присутствии. • Подросток должен ощущать вашу любовь и принятие, даже когда он ведет себя раздраженно или агрессивно. • Помогайте подростку осваивать навыки контроля над отрицательными эмоциями и их конструктивного выражения, чтобы не причинять вред ни себе, ни окружающим. • Избегайте наказаний за проявления агрессии – агрессивные реакции родителей лишь усиливают такое же поведение у подростка. • Если подросток нуждается в выходе для своей агрессии, предложите ему безопасные способы выражения (например, побоксировать подушку, порвать бумагу, выразить свои чувства вслух и другие подобные методы).

Заключение

Таким образом, определение конкретных видов деструктивного поведения предоставляет уникальную возможность для проведения целенаправленных социально-психологических тренингов и психокоррекционных мероприятий, направленных на развитие у подростков компетентностей в управлении различными проявлениями деструктивных реакций. Это способствует расширению индивидуального адаптационного потенциала и освоению эффективных стратегий совладания (копинг-стратегий) для преодоления негативных эмоциональных состояний.

Разработанная модель профилактики деструктивного поведения представляет собой инновационный инструмент, предназначенный для широкого применения в профессиональной деятельности психологов и педагогов образовательных учреждений. Данная модель показывает высокую результативность проводимых мероприятий за счет учета широкого спектра индивидуальных особенностей личности, а также социально-психологических факторов, действующих как на макро-, так и микросоциальном уровнях. Кроме того, модель охватывает разнообразные типы деструктивных проявлений, что позволяет комплексно подходить к решению проблемы деструктивного поведения среди подростков.

Список литературы

- Абдурахманова, А. Т. (2020). Деструктивное поведение как проблема адаптации в обществе. *Вестник науки и образования*, 7-2 (85). 95–97.
- Баева, И. А., Гаязова, Л. А., Кондакова, И. В., Лактионова, Е. Б. (2021). Психологическая безопасность и социальный интеллект подростков и юношей. *Психологическая наука и образование*, 26 (2). 5–16. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260201>
- Бардышевская, М. К. (2022). Деструктивные факторы в развитии младших школьников с социально опасной агрессией. *Вопросы психологии*, 68 (3). 59–70.
- Горьковая, И. А. (2020). Направления профилактики противоправного поведения подростков в России. *Психология человека в образовании*, 2 (3), 265–276. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276>
- Злоказов, К. В. (2016). Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе. *Педагогическое образование в России*, 5, 71–81.
- Исаева, О. М., Волкова, Е. Н., Акимова, А. Ю. (2022). Факторы психологического благополучия российской молодежи. *Психологическая наука и образование*, 27 (4), 24–35. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270403>
- Клейберг, Ю. А. (2018). Типология деструктивного поведения. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, (1). 130–135.
- Сергоманов, П. А., Андреева, А. Д., Данилова, Е. Е. (2020). Российский подростки эпохи позднего СССР и современного Российского общества. *Вопросы психологии*, 4, 40–53.
- Симонова, М. М. (2020). Анализ теорий девиантного поведения личности : социологический подход. *Социально-гуманитарные знания*, (1). 135–144.
- Собкин, В. С., Федотова, А. В. (2019). Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт. *Психологическая наука и образование*, 24 (2), 5–18.
- Трошина, Н. В. (2017). Формы агрессивного выражения деструктивности в современном обществе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 7 (81), 193–195.
- Хломов, К. Д., Бочавер, А. А., Фоменко, М. С., Селванова, Е. И., Шемшурин, А. А. (2022). Агрессия и автономия в подростковом возрасте. *Психологическая наука и образование*, 27 (3), 117–128. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309>

- Abakumova, I. V., Grishina, A. V., & Godunov M. V. (2021). Hypoadaptive strategy of meaning building as a manifestation of personality infantilism. *Educational Bulletin Consciousness*, 23 (1), 31–35.
- Blaya, C., & Audrin, C. (2019). Toward an Understanding of the Characteristics of Secondary School Cyberhate Perpetrators. *Frontiers in Education*, (4), 46. <https://doi.org/10.3389/educ.2019.00046>
- Buckels, E. E., Paulhus, D. L., Trapnell, P. D., & Andjelovic, T. (2019). Internet trolling and everyday sadism: Parallel effects on pain perception and moral judgment. *Journal of Personality*, 87 (2), 328–340. <https://doi.org/10.1111/jopy.12393>
- Celik, S. (2019). Experiences of internet users regarding cyberhate. *Information Technology & People*, 32 (6), 1446–1471. <https://doi.org/10.1108/itp-01-2018-0009>
- Snyder, B. (ed.) (2010). *Coping with seven disruptive personality types in the classroom*. Madison, WI: Magna Publications Access mode. URL: <https://resources.finalsite.net/images/v1590876479/northwestmsedu/mrlaokp6aqomejlcpd2f/copingwith7disruptivepersonalitytypes.pdf>
- March, E., Litten, V., Sullivan, D. H., & Ward, L. (2020). Somebody that I (used to) know: Gender and dimensions of dark personality traits as predictors of intimate partner cyberstalking. *Personality and Individual Differences*, 163, 110084. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110084>

References

- Abdurahmanova, A. T. (2020). Destruktivnoe povedenie kak problema adaptacii v obshchestve. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 7-2 (85). 95–97.
- Baeva, I. A., Gayazova, L. A., Kondakova, I. V., Laktionova, E. B. (2021). Psihologicheskaya bezopasnost' i social'nyj intellekt podrostkov i yunoshej. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 26 (2). 5–16. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260201>
- Bardyshevskaya, M. K. (2022). Destruktivnye faktory v razvitii mladshih shkol'nikov s social'no opasnoy agressiej. *Voprosy psichologii*, 68 (3). 59–70.
- Gor'kovaya, I. A. (2020). Napravleniya profilaktiki protivopravnogo povedeniya podrostkov v Rossii. *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*, 2 (3), 265–276. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276>
- Zlokazov, K. V. (2016). Social'no-psihologicheskie predposylki destruktivnogo povedeniya podrostkov v shkole. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 5, 71–81.
- Isaeva, O. M., Volkova, E. N., Akimova, A. Yu. (2022). Faktory psihologicheskogo blagopoluchiya rossijskoj molodezhi. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 27 (4), 24–35. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270403>
- Klejberg, Yu. A. (2018). Tipologiya destruktivnogo povedeniya. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, (1). 130–135.
- Sergomanov, P. A., Andreeva, A. D., Danilova, E. E. (2020). Rossijskij podrostki epohi pozdnego SSSR i sovremennogo Rossijskogo obshchestva. *Voprosy psichologii*, 4, 40–53.
- Simonova, M. M. (2020). Analiz teorij deviantnogo povedeniya lichnosti : sociologicheskij podhod. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, (1). 135–144.
- Sobkin, V. S., Fedotova, A. V. (2019). Podrostkovaya agressiya v social'nyh setyah: vospriyatie i lichnyj opyt. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 24 (2), 5–18.
- Troshina, N. V. (2017). Formy agressivnogo vyrazheniya destruktivnosti v sovremennom obshchestve. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki*, 7 (81), 193–195.
- Hlomov, K. D., Bochaver, A. A., Fomenko, M. S., Selvanova, E. I., SHemshurin, A. A. (2022). Agressiya i avtonomiya v podrostkovom vozraste. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 27 (3), 117–128. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309>

- Abakumova, I. V., Grishina, A. V., & Godunov M. V. (2021). Hypoadaptive strategy of meaning building as a manifestation of personality infantilism. *Educational Bulletin Consciousness*, 23 (1), 31–35.
- Blaya, C., & Audrin, C. (2019). Toward an Understanding of the Characteristics of Secondary School Cyberhate Perpetrators. *Frontiers in Education*, (4), 46. <https://doi.org/10.3389/educ.2019.00046>
- Buckels, E. E., Paulhus, D. L., Trapnell, P. D., & Andjelovic, T. (2019). Internet trolling and everyday sadism: Parallel effects on pain perception and moral judgment. *Journal of Personality*, 87 (2), 328–340. <https://doi.org/10.1111/jopy.12393>
- Celik, S. (2019). Experiences of internet users regarding cyberhate. *Information Technology & People*, 32 (6), 1446–1471. <https://doi.org/10.1108/itp-01-2018-0009>
- Snyder, B. (ed.) (2010). *Coping with seven disruptive personality types in the classroom*. Madison, WI: Magna Publications Access mode. URL: <https://resources.finalsite.net/images/v1590876479/northwestmsedu/mrlaokpbaqomejlcpd2f/copingwith7disruptivepersonalitytypes.pdf>
- March, E., Litten, V., Sullivan, D. H., & Ward, L. (2020). Somebody that I (used to) know: Gender and dimensions of dark personality traits as predictors of intimate partner cyberstalking. *Personality and Individual Differences*, 163, 110084. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110084>

Информация об авторах

Мария Николаевна Кузнецова – доцент кафедры специальной и клинической психологии института образования и практической психологии Челябинского государственного университета, кандидат психологических наук.

Лидия Сергеевна Рычкова – профессор кафедры общей психологии, психодиагностики и психологического консультирования факультета психологии Южно-Уральского государственного университета, доктор медицинских наук, профессор.

About the authors

Maria N. Kuznetsova – Docent of the Department of Special and Clinical Psychology at the Institute of Education and Practical Psychology of Chelyabinsk State University, Cand. Sci. (Psy.).

Lidia S. Rychkova – Professor of the Department of General Psychology, Psychodiagnostics and Psychological Counseling of the Faculty of Psychology of the South Ural State University, Dr. Sci. (Med.), Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution. The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 24.02.2025

Одобрена после рецензирования 09.05.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted February 24, 2025

Approved after reviewing May 09, 2025

Accepted July 28, 2025

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-346-359

The measures of public security organs against campus cyberbullying

Zhong Jian Shanghai Police College
(Shanghai, China)**Yu Hao**Shanghai Police College
(Shanghai, China)

Abstract

With the widespread adoption of the internet and mobile communication via smartphones, campus cyberbullying has emerged as a new form of bullying in schools. In the system aimed at preventing and combating campus cyberbullying in China, public security organs are the main force, serving as crucial institutions for managing and preventing such incidents. Based on this, the paper adopts the perspective of public security organs, concentrating on the current status, characteristics, and pertinent legal provisions concerning campus cyberbullying. It delves into the strategies employed by public security organs in addressing campus cyberbullying, providing a systematic and comprehensive exposition on aspects such as legal application, mechanism establishment, as well as the prevention and control systems. The aim is to refine the mechanism of public security organs in handling campus cyberbullying.

Keywords

campus cyberbullying, public security organs, measures

For citation: Zhong Jian, Yu Hao (2025). The measures of public security organs against campus cyberbullying. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 346–359. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-346-359.

Меры органов общественной безопасности по борьбе с кибербуллингом в образовательных учреждениях

Чжун ЦзяньШанхайское высшее училище полиции
(Шанхай, Китай)**Ю Хао**Шанхайское высшее училище полиции
(Шанхай, Китай)

Аннотация

С повсеместным распространением интернета и мобильной связи при использовании смартфонов кибербуллинг (форма насилия, преследования или запугивания посредством интернета) превратился в новую форму издевательств, нередко встречающуюся в современной образовательной среде. В Китае основными полномочиями по предотвращению кибербуллинга

и противодействию такого рода травли обладают органы общественной безопасности, которые играют ключевую роль в управлении и предупреждении подобных инцидентов. В данной статье анализируется нынешний статус органов общественной безопасности, перспективные направления их развития, особенности реализации деятельности, а также соответствующие правовые нормы в отношении кибербуллинга в образовательных учреждениях. Авторы рассматривают стратегии, применяемые органами общественной безопасности в процессе борьбы с кибербуллингом в образовательных учреждениях, системно и всесторонне раскрывая такие аспекты, как применение законодательства, создание механизмов защиты и систем профилактики и контроля. Цель – усовершенствовать деятельность органов общественной безопасности по борьбе с кибербуллингом в образовательных учреждениях.

Ключевые слова

кибербуллинг в образовательных учреждениях, органы общественной безопасности, меры

Для цитирования: Чжун Цзянь, Ю Хао (2025). Меры органов общественной безопасности по борьбе с кибербуллингом в образовательных учреждениях. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 346–359. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-346-359.

Introduction

Currently, the Internet has seeped into virtually every nook and cranny of our lives, reshaping the very fabric of society and molding the minds of individuals. By December 2023, China boasted a staggering 1.092 billion Internet users, showcasing a formidable penetration rate of 77.5 %. Practically all of these internet users, a whopping 99.9 %, tapped into the online world through their trusty mobile devices¹. As adolescents increasingly flock to the digital realm for both educational pursuits and social mingling, a troubling trend has emerged: the insidious spread of campus cyberbullying. This modern-day scourge, an eerie echo of traditional schoolyard bullying, has seamlessly migrated into the virtual sphere, wreaking havoc on the mental and emotional well-being of our youth.

1. Analysis of the Campus Cyberbullying Concept

1.1. Concept

According to "Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors", the term "bullying" is defined as follows: It refers to deliberate or malicious actions occurring among students, where one party intentionally or maliciously inflicts oppression or insult upon another through physical, verbal, or online means, resulting in physical injury, property loss, or psychological harm to the victim. This statement makes it clear that bullying methods encompass not only physical and verbal means but also online methods. It emphasizes that actual harm includes not only physical and material aspects but also psychological ones (Li, 2023).

The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) categorizes cyberbullying within the concept of school violence. School violence encompasses any form of violence experienced by students within or around school premises, perpetrated by other students, teachers, or school staff. This includes both bullying and cyberbullying. The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization specifies that cyberbullying is a form of psychological or sexual harassment that occurs online. Examples of cyberbullying include posting or sending messages, images, or videos through various media and social media platforms with the intention to harass, threaten, or target others. Additionally, cyberbullying may involve spreading rumors, disseminating false information,

¹ The 53rd Statistical Report on Internet Development in China (2024). *China Internet Network Information Center*. <https://www.cnnic.net.cn/n4/2024/0322/c88-10964.html>

sharing harmful messages, embarrassing comments or photos, or excluding someone from online networks or other forms of communication².

1.2. The Similarities and Differences between Campus Cyberbullying and Traditional School Bullying

Campus cyberbullying and traditional school bullying are nuanced phenomena with both overlapping features and distinct characteristics. Understanding these differences is crucial for devising effective intervention strategies and support mechanisms. Firstly, in terms of definition, while both phenomena encompass harmful behaviors within educational settings, campus cyberbullying specifically involves the use of digital platforms, marking a departure from traditional forms of bullying. This digital dimension opens avenues for anonymity, amplification, and perpetuation of harm in ways not previously possible.

Secondly, the mode of expression diverges significantly: campus cyberbullying primarily relies on non-physical means, leveraging the anonymity and reach of online spaces to disseminate hurtful messages, images, or videos. In contrast, traditional school bullying encompasses a broader range of behaviors, including physical aggression, verbal abuse, social exclusion, and coercion, often occurring in face-to-face interactions.

Thirdly, the scope of impact differs: while traditional school bullying tends to be localized within physical school premises, campus cyberbullying transcends geographical boundaries, extending into students' homes and personal spaces via digital devices. This pervasive nature amplifies its reach and potential harm, making it challenging to escape.

Fourthly, the duration and frequency of incidents vary: campus cyberbullying incidents can unfold rapidly and persistently, with harmful content circulating widely and indefinitely online. In contrast, traditional school bullying may occur intermittently but can also persist over prolonged periods, especially if unchecked by school authorities.

Lastly, the resulting harm manifests diversely: victims of campus cyberbullying often endure profound psychological distress, including anxiety, depression, and feelings of isolation, exacerbated by the relentless nature of online harassment. In contrast, traditional school bullying may inflict both psychological and physical harm, ranging from emotional trauma to bodily injury, depending on the severity of the incidents. Recognizing these nuances is essential for educators, parents, and policymakers to develop comprehensive strategies that address the multifaceted challenges posed by both forms of bullying.

2. The Current Situation and Characteristics of Campus Cyberbullying

2.1. The Basic Situation

From a sociological standpoint, campus cyberbullying falls under the category of deviant and dysfunctional social issues (Rui, 2018).

According to data compiled by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, bullying stands out as a pervasive form of school violence, impacting a significant proportion of young individuals worldwide. Statistics reveal that approximately one in every three young people falls victim to bullying at some point during their school years.³

According to findings from the "Global School-based Student Health Survey", conducted by the World Health Organization, a concerning 16% of school-aged children reported being victims of

² About School Violence and Bullying, You Need to Know These Things (2020). *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*. <https://www.unesco.org/zh/articles/guanyuxiaoyuanbaoliheqilingnixuyaozhidaozhexieshi>

³ A Tool on Whose Terms (2023). *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*. *Technology in Education*. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385723/PDF/385723eng.pdf.multi>

cyberbullying in the year 2022. This extensive study drew upon surveys administered to students in 44 countries and regions across the globe, including Canada, various European nations, and parts of Central Asia. The survey data uncovered notable shifts in cyberbullying trends compared to the previous survey conducted in 2018. Specifically, the proportion of boys experiencing cyberbullying rose from 12 % to 15 %, while for girls, the prevalence increased from 13 % to 16 %.

In the landscape of adolescent cyberbullying prevalence, certain countries emerge as prominent examples, offering insights into regional variations and societal factors at play. Among these nations, Lithuania, the United Kingdom, Latvia, and Denmark stand out as focal points for cyberbullying incidents among adolescents. Their high rankings underscore the prevalence and severity of this phenomenon within their respective populations. Conversely, Spain presents a contrasting picture, consistently maintaining a relatively low level of adolescent cyberbullying. Notably, Spain's position as one of the European Union countries with the lowest proportion of cyberbullying victims reflects unique cultural, social, and educational dynamics that contribute to a safer online environment for adolescents.

The findings from the UK Anti-Bullying Alliance's survey in 2023 shed light on the prevalence and evolving nature of bullying among adolescents in England. The data revealed that a significant portion, nearly one-quarter (23 %), of adolescents reported experiencing bullying at some point. This statistic underscores the pervasive nature of bullying within the school environment and its impact on the lives of young people across the country. Moreover, the survey highlighted the emergence of cyberbullying as a concerning trend in the UK. Specifically, cyberbullying conducted through various digital platforms such as text messaging, social media platforms, and online gaming has gained traction as a new and insidious form of harassment.

According to survey findings released by the Italian Ministry of Education spanning the years 2022 to 2023, which involved a comprehensive study encompassing 185,000 secondary school students nationwide, alarming statistics have emerged regarding the prevalence of bullying among Italian adolescents. Over a quarter of Italian secondary school students reported being victims of bullying during this period. This data signifies a troubling increase compared to the preceding years of 2020 to 2021, suggesting a concerning trend in the landscape of adolescent harassment and intimidation. Furthermore, over the past four years, Italian public security organs have been inundated with reports of cyberbullying incidents, with a total of 1493 cases documented. These incidents have ranged in severity, with many deemed as serious offenses.

In recent years, the landscape of cyberbullying in the United States has become increasingly worrisome, reflecting a concerning trend of digital harassment and intimidation among American adolescents. Pertinent statistics underscore the severity of this issue, revealing a significant surge in the rate of cyberbullying victimization, soaring from 10 % to a staggering 60 %. A comprehensive survey conducted by the Pew Research Center in 2022, targeting American teenagers aged 13 to 17, shed light on the pervasive nature of cyberbullying in contemporary society. Alarmingly, over half (53 %) of the surveyed teenagers identified cyberbullying as the primary concern affecting their age group, highlighting the pervasive influence of online harassment on the mental and emotional well-being of American youth. Furthermore, the survey unveiled distressing findings, indicating that nearly half of American teenagers have encountered cyberbullying in real life. Among the respondents, a significant 46 % reported experiencing at least one form of cyberbullying, while a staggering 28 % disclosed facing multiple types of cyberbullying, underscoring the multifaceted nature of this digital menace.

Additionally, data reveals that across various countries and regions globally, there is a discernible pattern in the age at which adolescents are most susceptible to experiencing cyberbullying. Typically, for boys, the incidence of cyberbullying peaks around the age of 11, while for girls, it tends to peak slightly later, around the age of 13 (Wang, 2024).

In China, an in-depth examination of data from the China Education Panel Survey (CEPS) undertaken by the National Survey Research Center (NSRC) of Renmin University of China underscores the emergence of cyberbullying as a distinct form of school violence, with its prevalence escalating to a concerning rate of 14.5 % (Wang, Lin, & Hu, 2021). Among middle school students, the survey reveals that 10.6 % have encountered ridicule or hurtful remarks from classmates through mobile phone communications, while 8.3 % have been subjected to insults or bullying via online platforms. Additionally, 6 % of students report instances where their personal privacy was violated by classmates in the online sphere (Wang, 2016).

2.2. The Main Characteristics of Campus Cyberbullying

2.2.1. Anonymity

The anonymity afforded by online platforms serves as a protective barrier for perpetrators, allowing them to target victims without revealing their identities. This veil of anonymity adds a layer of complexity to the task of identifying wrongdoers, presenting victims with significant hurdles in seeking legal redress. As perpetrators can operate under pseudonyms or anonymously, tracing their digital footprints becomes a formidable task, impeding the ability to hold them accountable for their actions within the legal framework effectively.

2.2.2. Virality

Owing to the intrinsic nature of the internet, bullying content possesses the capability to rapidly and extensively proliferate. Once unleashed, such content has the potential to reach myriad individuals – be it thousands, tens of thousands, or even more—within a brief timeframe. This rapid dissemination amplifies the harm inflicted on the victim, exacerbating their distress and trauma. Moreover, it often complicates endeavors to entirely eradicate the content from online platforms, as even after removal, remnants may linger in caches, archives, or be reshared by others, perpetuating the victim's ordeal and prolonging their ordeal.

2.2.3. Persistence

Cyberbullying's severity often surpasses that of face-to-face bullying due to its persistent and insidious nature. Unlike traditional bullying, where victims may find solace by physically avoiding their aggressors, cyberbullying penetrates every aspect of a victim's life, extending beyond physical boundaries. This relentless onslaught of intimidation leaves victims feeling trapped, unable to escape the torment regardless of their location or circumstances. Consequently, the psychological toll inflicted by cyberbullying can be profound and enduring. Victims may experience heightened levels of anxiety, depression, and diminished self-worth as they grapple with the constant barrage of online harassment. The inability to find reprieve from cyberbullying intensifies the psychological burden, leading to long-term consequences that impact the victim's mental well-being and overall quality of life.

2.2.4. Concealment

The global reach of the internet and the complexities of modern technology present formidable obstacles in tracing the origins of cyberbullying and unmasking the perpetrators. Unlike traditional forms of bullying that occur within a localized context, cyberbullying transcends geographical boundaries and operates within a vast digital landscape. The anonymous nature of online platforms provides perpetrators with a cloak of invisibility, making it challenging to track down the source of malicious activities. Moreover, the dynamic nature of cyberspace allows perpetrators to conceal their identities through various means, such as using fake accounts or employing sophisticated hacking techniques. As a result, the process of identifying and holding cyberbullies accountable

becomes increasingly intricate and time-consuming. Public security organs and online platforms face an uphill battle in their efforts to prevent and penalize cyberbullying behaviors effectively. Victims of cyberbullying often find themselves caught in a web of anonymity and technical complexities, which can exacerbate their feelings of helplessness and despair. Without clear avenues for recourse or justice, victims may struggle to find closure and resolution, further perpetuating the cycle of cyberbullying and its detrimental effects on individuals and communities.

2.2.5. Harmfulness

While cyberbullying predominantly involves verbal assaults and the dissemination of harmful images, its psychological toll on victims can be as profound as, if not more severe than, traditional face-to-face bullying. The virtual nature of cyberbullying allows perpetrators to target victims relentlessly, often without any direct physical contact, exacerbating the emotional distress experienced by those on the receiving end. Victims of cyberbullying may endure intense feelings of humiliation, fear, and isolation as hurtful messages and malicious content proliferate across online platforms. The pervasive nature of digital communication means that victims can be subjected to harassment at any time, even within the supposed safety of their own homes. This constant exposure to hostility and negativity can erode self-esteem and exacerbate feelings of helplessness and despair. In some cases, the psychological trauma inflicted by cyberbullying can be so severe that it leads to debilitating mental health issues. Victims may experience symptoms of depression, anxiety, and post-traumatic stress disorder (PTSD), impacting their ability to function in daily life and maintain healthy relationships. Tragically, cyberbullying-related distress has been linked to suicidal ideation and suicide attempts among vulnerable individuals, highlighting the urgent need for effective prevention and intervention strategies.

2.2.6. Diversity

Campus cyberbullying encompasses a myriad of forms, ranging from malicious comments and humiliating images to online rumors and cyber extortion. The versatility of digital platforms enables perpetrators to deploy an array of tactics to harass, intimidate, and humiliate their targets, amplifying the psychological and emotional distress experienced by victims. Malicious comments and hurtful remarks can undermine a victim's self-esteem and sense of belonging, fostering feelings of isolation and inadequacy. Humiliating images and videos, often circulated without consent, can tarnish a victim's reputation and subject them to public ridicule and shame. Online rumors and gossip, fueled by anonymity and rapid dissemination, can distort perceptions and damage social relationships, leading to social ostracization and exclusion. Additionally, cyber extortion tactics, such as threats of exposing personal information or private photos, can coerce victims into compliance, perpetuating a cycle of fear and manipulation. The multifaceted nature of campus cyberbullying underscores its complexity and the urgent need for comprehensive prevention and intervention strategies to address this pervasive issue.

3. The Legal Provisions in China regarding Campus Cyberbullying

Currently, the Chinese government is continuously refining laws, regulations, and normative documents concerning campus cyberbullying. The "Notice on Conducting Special Governance of Campus Bullying," issued by the State Council Education Steering Committee in April 2016, marked the first national-level policy addressing "campus bullying", signaling China's determination to combat such behavior and carrying symbolic values. Additionally, China's "Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors", "Law of the People's Republic of China on Prevention of Juvenile Delinquency", "The Cybersecurity Law of the People's Republic of China", and "Regulation

on the Protection of Minors in Cyberspace" have been successively enacted, providing specific legal frameworks for addressing campus cyberbullying and ensuring there are legal grounds for its governance.

3.1. Make it Clear that Campus Cyberbullying is Illegal

According to the Cybersecurity Law of the People's Republic of China, all individuals and organizations using the internet must comply with the constitution and laws, maintain public order, respect social morality, and are prohibited from disseminating violence or engaging in activities that infringe upon the reputation, privacy, and other lawful rights and interests of others.

Article 77 of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors stipulates that no organization or individual shall engage in cyberbullying against minors. This includes insults, defamation, threats, or malicious damage to their image, in any form such as text, images, audio, or video, via the internet.

3.2. Clarify the Measures for Dealing with and Intervening in Campus Cyberbullying Incidents

According to Article 58 of the Regulation on the Protection of Minors in Cyberspace, individuals who infringe upon the lawful rights and interests of minors, causing harm, shall bear civil liability as per the law. If their actions constitute a violation of public security management, they shall face legal penalties. In cases where it constitutes a crime, they shall be prosecuted accordingly.

Furthermore, Article 77 of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors empowers minors who are victims of cyberbullying, along with their parents or guardians, to inform network service providers to take actions such as deletion, blocking, or disconnecting links. Upon receipt of such notifications, network service providers are obligated to promptly take necessary measures to halt cyberbullying activities and prevent the dissemination of harmful information.

3.3. Establish a Clear Mechanism for Preventing and Controlling Campus Cyberbullying

According to Article 20 of the Law of the People's Republic of China on Prevention of Juvenile Delinquency, education administrative departments are required to collaborate with relevant authorities to establish a system for preventing and controlling student bullying. Schools should enhance daily safety management, refine procedures for identifying and addressing instances of student bullying, and diligently identify and promptly mitigate any potential risks that could lead to such behavior.

Article 26 of the Regulation on the Protection of Minors in Cyberspace specifies that network product and service providers shall establish and improve mechanisms for early warning, prevention, identification, monitoring, and handling of cyberbullying behaviors. They should also provide convenient functions and channels for minors and their guardians to save records of cyberbullying incidents, exercise their notification rights, and facilitate options for minors to block strangers, limit the visibility of their own posted information, prohibit reposting or commenting on their posted information, and prohibit sending messages to them.

Network product and service providers should establish and improve databases of cyberbullying information characteristics, optimize relevant algorithm models, and strengthen the identification and monitoring of cyberbullying information through a combination of artificial intelligence, big data, and manual review methods.

4. The Measures of Public Security Organs for Addressing Campus Cyberbullying

4.1. The Statutory Duties of Public Security Organs in Responding to Campus Cyberbullying

Addressing campus cyberbullying is a multifaceted, long-term endeavor that demands collaboration across society and various government departments. Among these, public security organs stand

as pivotal actors in comprehensive governance. They are tasked with proactively and effectively fulfilling their legal obligations to enhance the prevention and management of campus cyberbullying. Indeed, addressing campus cyberbullying stands as one of their mandated responsibilities.

4.1.1. Preventive Duties

Under Article 6 of the Law of the People's Republic of China on People's Police, police officers are mandated to "prevent, halt, and investigate illegal criminal activities," constituting a fundamental function of public security organs. Specifically regarding the prevention of campus cyberbullying incidents, public security authorities bear the following key responsibilities:

1. Formulating prevention plans: In line with Article 5 of the Law of the People's Republic of China on Prevention of Juvenile Delinquency, public security organs, in collaboration with relevant departments, are tasked with conducting juvenile delinquency prevention and devising prevention plans under the guidance of government authorities at all levels (Chen, 2022).

2. Establishing specialized institutions and personnel: As stipulated by Article 7 of the Law of the People's Republic of China on Prevention of Juvenile Delinquency, public security organs, procuratorates, courts, and judicial administrative bodies should appoint specialized institutions or personnel who have undergone professional training and possess knowledge of the physical and mental characteristics of minors to oversee the prevention of juvenile delinquency.

3. Cultivating a supportive social milieu: Article 4 of the Law of the People's Republic of China on Prevention of Juvenile Delinquency mandates that governmental bodies, community organizations, social groups, businesses, educational institutions, residential committees, village councils, schools, and families each fulfill their roles, cooperate effectively, and collectively undertake measures to prevent juvenile delinquency. They should promptly address various negative influences contributing to juvenile delinquency and foster an environment conducive to the holistic development of minors.

4. Safeguarding the cyber domain: As per Article 64 of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors, the state, society, educational institutions, and families are urged to enhance efforts in promoting minors' digital literacy, nurturing their responsible online behavior, and ensuring their lawful rights and interests in the digital realm. This includes disseminating relevant educational campaigns, empowering minors to navigate the online world safely and responsibly, and combating cyberbullying effectively.

4.1.2. Disciplinary Duties

Most instances of campus cyberbullying involve minor misconduct, typically addressed by schools through criticism and education of the offending students. However, in cases of more severe misconduct, intervention by public security organs is necessary. Failure to appropriately penalize instances of campus cyberbullying undermines the protection of victims' rights. While perpetrators of campus cyberbullying are often minors and the victims are likewise students, failing to impose legal penalties within the prescribed scope of punishment may reduce the deterrent effect, hindering efforts to prevent and address instances of campus cyberbullying. Therefore, when addressing incidents of campus cyberbullying, public security organs must, based on the facts, lawfully decide whether to impose corresponding penalties on offending minors. Leniency toward such illegal behavior, without imposing appropriate penalties within the legal framework, may jeopardize the legitimate rights and interests of the victims.

According to Article 11 of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors, any organization or individual that discovers circumstances detrimental to the physical and mental health of minors or infringing upon their legitimate rights and interests has the right to dissuade, stop, or report such situations to relevant authorities such as public security, civil affairs, and education

departments. Articles 118 and 119 of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors, Article 61 of the Law of the People's Republic of China on Prevention of Juvenile Delinquency, and Article 49 of the Law of the People's Republic of China on the Promotion of Family Education stipulate that in cases of serious infringement upon the legitimate rights and interests of minors, public security organs have the right to give warnings and may order them to receive family education guidance. Furthermore, Articles 119 and 62 of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors and Law of the People's Republic of China on Prevention of Juvenile Delinquency respectively state that if minors engage in bullying, public security agencies have the authority to order rectification according to law. If such actions constitute a criminal offense, depending on the severity and consequences of the violation, they may be subject to administrative penalties under public security management or prosecuted according to criminal procedure.

4.1.3. Promotion and Education Duties

Publicizing information is a vital aspect of public security work. It helps in promptly resolving conflicts, managing public opinion risks, and improving public relations. The responsibilities in this regard primarily include:

Firstly, conducting regular cybersecurity promotion and education. According to Article 19 of the Cybersecurity Law of the People's Republic of China, governments at all levels and their relevant departments are required to organize regular cybersecurity promotion and education activities. They should also guide and supervise relevant units to effectively carry out cybersecurity promotion and education. Additionally, Article 115 of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors highlights the obligation of public security organs, procuratorates, courts, and judicial administrative departments to conduct legal publicity and education tailored to minors' circumstances and case characteristics.

Secondly, timely reporting and information dissemination regarding significant campus cyberbullying cases. According to Article 11 of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors, relevant departments must promptly accept and handle reports, accusations, or notifications involving minors in compliance with the law. Subsequently, they are required to inform relevant units and individuals about the outcomes of such handling procedures through suitable means. Particularly for substantial cases, public security agencies bear the responsibility of promptly and dynamically releasing information to address public concerns, thereby effectively preventing the dissemination of misinformation.

4.1.4. Information Collection and Analysis Duties

Campus cyberbullying presents a significant challenge due to its inherent concealment, making the task of gathering and analyzing information particularly complex. As the primary responders to reported incidents, public security organs must shoulder the responsibility of collecting and analyzing data related to these cases. This supports decision-making, policy evaluation, and social governance efforts aimed at combating campus cyberbullying. The process of information collection and analysis serves several crucial objectives:

Firstly, it enables an understanding of the overall landscape of campus cyberbullying. Relevant information helps governmental bodies comprehend the quantity, characteristics, and distribution of cyberbullying incidents, allowing for targeted management initiatives.

Secondly, it facilitates analysis and early warning mechanisms. Through data mining and analysis of incident reports, schools, local authorities, and internet management agencies can bolster their risk prevention and control measures concerning cyberbullying. This helps in promptly identifying and addressing social issues and risks.

Thirdly, it supports scientific research. Building upon comprehensive and accurate incident data, close collaboration across various sectors of society and multidimensional data analysis can aid in research on campus cyberbullying. Such endeavors uncover underlying patterns behind deviant behavior, facilitate the strategic allocation of public resources, mitigate risks associated with public opinion, address management blind spots, and provide a robust theoretical foundation for decision-making.

4.2. Public Security Measures in Addressing Campus Cyberbullying

In the contemporary landscape dominated by pervasive digital connectivity and rapid technological advancements, the proliferation of cyberbullying has emerged as a formidable challenge, casting a shadow over educational settings worldwide. Within this dynamic milieu, public security organs assume a critical stance as the vanguard of societal order, tasked with safeguarding the well-being and safety of citizens, particularly within the vulnerable sphere of educational institutions. In light of the complex interplay between technology, human behavior, and institutional dynamics, public security organs are compelled to adopt an expansive and nuanced approach to combatting the multifaceted issue of campus cyberbullying. Such an approach demands not only heightened vigilance and responsiveness but also a deep understanding of the underlying dynamics driving cyberbullying behaviors and their ramifications on individual and collective well-being. Thus, by leveraging a comprehensive array of strategies encompassing prevention, intervention, enforcement, and collaboration with stakeholders across sectors, public security organs can fulfill their mandate of ensuring a safe and nurturing educational environment conducive to the holistic development of students.

4.2.1. Establish a Standardized and Efficient Reporting System for Campus Cyberbullying Incidents

Incident reporting stands as the pivotal gateway in the realm of case management, providing the initial interface for addressing a diverse array of incidents. Specifically, when it comes to the intricate landscape of campus cyberbullying, the act of reporting incidents assumes paramount importance. It serves as the linchpin for precisely delineating the nuances of each case, thereby facilitating the initiation of legal inquiries and enabling the conduct of comprehensive statistical analyses. By diligently capturing and documenting instances of cyberbullying within educational settings, authorities can gain invaluable insights into the prevalence, patterns, and trends associated with such behavior. This, in turn, empowers stakeholders to devise targeted interventions, craft evidence-based policies, and implement proactive measures aimed at curbing the scourge of cyberbullying and fostering a culture of digital safety and respect within educational communities.

First and foremost, ensuring the accurate reporting of incidents related to campus cyberbullying is paramount for effectively addressing this pervasive issue. Each reported instance must undergo meticulous registration, ensuring that no detail is overlooked. This meticulous approach is essential in capturing the full scope and impact of cyberbullying incidents, allowing for appropriate interventions and support mechanisms to be implemented. For cases deemed minor and straightforward, falling outside the purview of public security organs, it is incumbent upon authorities to redirect the reporting party to the appropriate educational institution or relevant education authorities. By doing so, these institutions can take proactive measures to address the issue internally, such as providing counseling or disciplinary actions as needed. This collaborative approach ensures that incidents are addressed swiftly and comprehensively, fostering a safer and more supportive learning environment for all students. Cases entailing administrative transgressions should undergo scrutiny through the lens of administrative procedures, ensuring that appropriate disciplinary actions are taken in accordance with established protocols. These measures help maintain accountability and uphold

standards of conduct within educational institutions, sending a clear message that cyberbullying will not be tolerated. Furthermore, cases suspected of criminal conduct necessitate thorough investigation and categorization as criminal cases. Public security organs must employ specialized techniques and resources to gather evidence and pursue legal action against perpetrators. This not only holds individuals accountable for their actions but also serves as a deterrent to others, emphasizing the serious consequences of engaging in cyberbullying behavior.

Secondly, the establishment of an efficient reporting platform is indispensable in empowering individuals to come forward with their experiences and concerns. This entails the creation of a user-friendly online reporting mechanism tailored specifically to address instances of cyberbullying within educational settings. Such a platform should offer functionalities such as anonymous reporting and consultation services, thereby providing victims with the option to disclose their experiences confidentially and seek guidance on how to address the situation. Moreover, stringent measures must be implemented to safeguard the confidentiality and security of reported information, thereby fostering an environment conducive to candid and uninhibited disclosure, particularly among underage victims grappling with the complexities of cyberbullying. By prioritizing privacy and anonymity, individuals are more likely to feel comfortable reporting incidents and accessing the support they need to cope with the emotional and psychological impacts of cyberbullying.

4.2.2. Establish a Sound System for Protecting Minors

Establishing a robust framework for protecting minors is indispensable in the ongoing efforts to effectively combat campus cyberbullying.

Firstly, public security organs should establish specialized agencies. In October 2022, the Ministry of Public Security issued guidelines on enhancing the protection of minors and crime prevention, offering direction for public security organs at all levels to improve their approach to safeguarding minors. In areas with a significant minor population and notable illegal activities, dedicated agencies can be established within grassroots public security organs to handle cases involving minors and engage in educational correction efforts, thereby raising the standard of minor protection and addressing campus cyberbullying (Zhang, 2023).

Secondly, there should be a concerted effort to enhance professional training initiatives aimed at equipping public security officers with the specialized skills and knowledge necessary to effectively address campus cyberbullying cases. This entails selecting officers who demonstrate proficiency in minor protection laws and regulations, possess a deep understanding of the psychological and physical characteristics of minors, and have relevant expertise in network technology and digital forensics. To achieve this, comprehensive training programs should be developed and implemented to provide officers with the necessary tools and resources to navigate the complexities of cyberbullying cases. These programs should cover a range of topics, including the identification and investigation of cyberbullying incidents, the collection and preservation of digital evidence, and the legal frameworks governing online harassment and intimidation. Moreover, ongoing training and professional development opportunities should be made available to officers involved in handling campus cyberbullying cases. This includes regular workshops, seminars, and skill-building exercises designed to refine their expertise and keep them abreast of emerging trends and technologies in the field of cybercrime. Furthermore, fostering communication and coordination between public security organs and relevant stakeholders is essential for ensuring a comprehensive and effective response to campus cyberbullying cases. This includes establishing channels for collaboration with departments such as the education commission, procuratorate, and court to ensure a thorough understanding of the principles and procedures for addressing cyberbullying incidents within educational settings. By prioritizing professional training and fostering collaboration between public security organs and

other stakeholders, we can enhance our collective capacity to respond to campus cyberbullying cases effectively, protect minors from harm, and promote a safer and more supportive learning environment for all students.

4.2.3. Strengthen Legal Education and Promotion

Campus cyberbullying often stems from a lack of legal awareness among students, coupled with a disregard for others' rights and a diminished sense of the value of life. Additionally, negative social influences further exacerbate this behavior. Therefore, prioritizing legal education is essential to address this issue effectively.

Firstly, public security organs should implement comprehensive legal education programs in schools, targeting students, faculty, and parents alike to enhance their understanding of relevant laws and regulations. These programs should be tailored to address the specific challenges and dynamics of cyberbullying, emphasizing the legal consequences of such behavior and the importance of respecting others' rights and dignity. Specialized education initiatives should also be directed towards specific individuals who may be at higher risk of engaging in cyberbullying or becoming victims themselves. Furthermore, support services should be readily available to students who have been bullied, empowering them with the knowledge and resources needed to protect themselves and seek assistance. This includes providing information on self-protection strategies and avenues for reporting incidents of cyberbullying to appropriate authorities. To facilitate these efforts, experienced police officers could be appointed as deputy principals for legal affairs in schools, fostering collaboration between educational institutions and families to create a safe online environment for children.

Secondly, innovative methods of disseminating legal education should be employed, taking into account the digital nature of cyberbullying. Utilizing popular online platforms such as TikTok, RED, and WeChat, a new model for combating cyberbullying should be developed, incorporating internet, mobile, video, and social media elements. By harnessing the power of these diverse and dynamic mediums, legal education can be delivered in engaging and accessible ways that resonate with students' online behavior and preferences. This approach not only enhances the reach and impact of legal education but also demonstrates a proactive effort to adapt to evolving technological trends and societal dynamics.

4.2.4. Establish a Rapid Response Mechanism

Campus cyberbullying poses a significant threat to the well-being and safety of students, often spreading rapidly and remaining concealed, thereby necessitating swift and effective intervention to prevent widespread public outcry and mitigate the harm inflicted on victims. In light of this urgency, public security organs must take proactive measures to address campus cyberbullying cases comprehensively.

First and foremost, fostering enhanced cooperation and supervision with internet service providers and social media platforms is imperative in combating cyberbullying effectively. Upon identification of instances of campus bullying, immediate action should be taken to engage with internet service providers, urging them to swiftly remove posts and comments containing bullying, insults, threats, or other harmful content, all in strict compliance with legal guidelines. This proactive approach aims to disrupt the propagation of cyberbullying content and minimize its detrimental impact on victims by preventing further dissemination.

Secondly, harnessing the power of big data analysis in the online sphere is essential for monitoring and detecting cyberbullying behavior in a timely manner. By deploying sophisticated algorithms to analyze aberrant patterns such as keywords and information flow, continuous surveillance of campus cyberbullying incidents can be conducted, enabling early detection and warning mechanisms to

be implemented promptly. Additionally, measures such as content identification, pre-review, and blocking can be deployed strategically to stem the spread of harmful content and mitigate its negative consequences on affected individuals.

Furthermore, enhancing the investigation and evidence collection processes for cyberbullying cases is paramount in ensuring the perpetrators are held accountable for their actions. Given the involvement of numerous anonymous participants and the vast volume of digital data involved, public security organs must equip themselves with advanced network forensic equipment and tools to effectively collect, analyze, and preserve electronic evidence. Moreover, guidance and support should be provided to internet service providers to ensure their active cooperation in fulfilling their obligations for network security management, thereby facilitating seamless collaboration in the investigation process.

In conclusion, it is imperative to acknowledge that addressing the pervasive issue of campus cyberbullying requires a concerted and multifaceted effort involving the active participation of public security organs and society as a whole. This collaborative approach is essential in establishing a united front against cyberbullying and fostering a safer and more inclusive online environment within educational settings.

By adopting a range of diverse and comprehensive response strategies, public security organs can play a pivotal role in effectively combating cyberbullying and protecting the well-being of students. This includes implementing proactive measures such as enhancing cooperation with internet service providers and social media platforms to expedite the removal of harmful content, utilizing advanced technologies for big data analysis to monitor and identify cyberbullying behavior, and strengthening investigation and evidence collection processes to hold perpetrators accountable for their actions.

Moreover, the collective efforts of society are equally crucial in addressing the root causes of cyberbullying and promoting a culture of respect and empathy online. This requires raising awareness and educating students, parents, educators, and the wider community about the serious consequences of cyberbullying and the importance of fostering positive online behaviors. It also entails fostering collaboration between various stakeholders, including educational institutions, law enforcement agencies, government bodies, and community organizations, to develop and implement effective prevention and intervention initiatives tailored to the unique challenges of cyberbullying.

By working together in a coordinated manner, public security organs and society can create a more resilient and harmonious digital environment within educational communities. This collaborative effort not only helps mitigate the immediate harm caused by cyberbullying but also lays the groundwork for long-term societal change, where mutual respect, understanding, and empathy prevail both online and offline.

References

- Chen, H. (2022). Functions, Status Quo, and Institutional Construction of Underage Protection by Public Security Organs. *Journal of the People's Public Security University of China (Social Sciences Edition)*, 38 (03), 117–128.
- Li, X. (2023). Accurate Definition and Source Governance of Campus Bullying. *Journal of Shanxi Provincial Political and Legal Management Cadres Institute*, 36 (04), 18–21.
- Rui, X. (2018). Sociological Analysis of Campus Bullying Issues. *Education Guide*, (02), 61–64. <https://doi.org/10.16215/j.cnki.cn44-1371/g4.2018.02.013>
- Wang, W. (2016). How Many Instances of Campus Bullying Shouldn't Have Occurred. *Guangming Daily*, (15).
- Wang, Y. (2024). Protecting the Physical and Mental Health of Adolescents: Multiple Countries Enact Legislation to Curb Cyberbullying. *Legal Daily*, (06).

Wang, Z., Lin, M., & Hu, F. (2021). Observation of Campus Bullying Phenomenon and Reshaping of Governance Path. *Chinese Youth Research*, (03), 103–109+83. <https://doi.org/10.19633/j.cnki.11-2579/d.2021.0030>

Zhang, Y. (2023). An Initial Exploration of Underage Protection Work by Public Security Organs. *Journal of Shandong Police College*, 35 (03), 154–160.

About the authors

Zhong Jian – Lecturer, Deputy Director, Office of International Cooperation and Exchange of Shanghai Police College.

Yu Hao – Lecturer, Deputy Director, Office of International Cooperation and Exchange of Shanghai Police College.

Информация об авторах

Чжун Цзянь – преподаватель, заместитель директора Управления международного сотрудничества и обмена Шанхайского высшего училища полиции.

Ю Хао – преподаватель, заместитель директора Управления международного сотрудничества и обмена Шанхайского высшего училища полиции.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 26.12.2024

Одобрена после рецензирования 25.03.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted December 26, 2024

Approved after reviewing March 25, 2025

Accepted July 28, 2025